

Министерство образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

На правах рукописи

Андромонова Виктория Васильевна

**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ
АНАЛИЗ**

09.00.11 – Социальная философия

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель –
доктор философских наук, доцент
Гончаров Вадим Николаевич

Ставрополь – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ.....	23
1.1. Специфика социально-философской концептуализации феномена социальных сетей: генезис, структура и современная типология.....	23
1.2. Теории коммуникации и информатизации как методологическое основание исследования содержательной составляющей функционирования социальных сетей.....	44
1.3. Социокультурный подход как базовый метод исследования социорегулирующей функции социальных сетей.....	60
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ИНФОРМАТИЗАЦИЮ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....	76
2.1. Изменение субъекта современного общества в структуре социальных сетей.....	76
2.2. Социальный капитал как ресурс информатизации и фактор ценностной социорегуляции общества.....	95
2.3. Оценка безопасности и рисков сетевой коммуникации в современном обществе	113
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	130
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	134

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования определяется необходимостью постоянного расширения знания о современном обществе как сложной и эволюционирующей системе, постоянно изменяющей свою структуру, функциональные особенности и динамику. Для решения проблемы всестороннего исследования процессов информатизации недостаточно выделить какой-либо один главный критерий, на основании которого формируется информационное общество. Необходимо обратиться к синтезу этих ведущих факторов, то есть, к социально-философскому аспекту исследуемого феномена. В этом случае сетевая коммуникация не только занимает место одного из ведущих факторов образования информационного общества, но и способна подвергнуться внутреннему анализу с точки зрения её социокультурной специфики как феномен социальной реальности и с точки зрения совместимости с другими понятиями, отражающими социальную реальность, как интеллектуальный объект социальной философии.

На сегодняшний день в социальной теории не существует единой концепции информационного общества, удовлетворяющей учёных как средство анализа современного общества, а не только как инструмент внешнего описания или ценностной характеристики. Причиной того, что такой теории до сих пор не существует можно считать множество взаимосвязанных противоречий в понимании информационного общества как объяснительной модели современного общества. Прежде всего, эти противоречия касаются качественных и количественных характеристик информации, достаточных для удостоверения общества как «информационного».

Современная социальная теория разработала немало критериев информационного общества – технологический, экономический, социально-политический, географический, культурный и пр. Однако дисциплинарные исследования часто ранжируют данные критерии произвольно или недостаточно обоснованно, что порождает возникновение узкодисциплинарных направлений

изучения информационного общества, и не позволяет тем самым разрешить методологические и стратегические противоречия, возникающие при их столкновении в поле междисциплинарного исследования.

Кроме того, исследования, проводимые средствами науки, не включают в себя аксиологическую составляющую, которая оказывается крайне важной компонентой в социальных и гуманитарных исследованиях.

Именно социально-философский ракурс исследования проблемы способен разрешить данные противоречия, то есть, с одной стороны, найти непротиворечивую платформу совмещения дисциплинарных теорий в рамках социокультурной теории, а, с другой стороны, восполнить дефицит аксиологической и смысловой нагруженности существующих научных исследований. Отсутствие ценностной и культурной составляющей всегда грозит исследователю опасностью самого человека из объяснительной схемы, а как итог – технократизмом, экономизмом, информационным детерминизмом или любым другим видом социального редукционизма, малопригодного для адекватного состояния связи человеческого с общественным.

Широкая разработанность проблемы информационного общества, тем не менее, обнаруживает недостаточность комплексного социокультурного исследования сетевой коммуникации как фактора формирования информационного общества. Избранная тема отвечает требованиям поиска целостного непротиворечивого философского взгляда на проблему возникновения и функционирования информационного общества. Причём в части изучения влияния сетевой коммуникации на социального субъекта и исследования рисков и перспектив дальнейшей сетевизации и информатизации общества она приобретает не только теоретическую, но и практическую необходимость. Чем и был обусловлен выбор темы диссертации, её объекта и предмета.

Степень научной разработанности проблемы

Наблюдаемые в наши дни такие явления, как усложнение институциональной структуры общества и увеличение числа феноменов в социокультурном пространстве, связаны с процессами медиатизации,

информатизации, технизации и глобализации социального пространства. Безусловно, произошедший всплеск научно-исследовательского интереса к социальным сетям был связан с расширением Интернет-пространства и появлением в нём различных коммуникативных сообществ. Новые пути и порядки организации социального пространства стали объектом исследования в работах таких феноменологов как Э. Гуссерль, А. Шюц, А. Натансон, П. Бергер, Т. Лукман¹.

Собственно исследовательский интерес к специфике социальных сетей, к вопросам их генезиса, к проблемам их структурирования и типологизации проявили Дж. Барнс (автор термина «социальные сети»), Дж. Беккерт, Ж. Бодрийяр, Б. Велмен, М. Грановеттер, Ф. Гваттари, Ж. Делез, А. Дегене, Р. Диас-Боне, М. Кастельс, Е. Лазега, Е. О. Лауман, В. Лемье, Я. Л. Морено, Ф. Паппи, С. Серж, С. Х. Уайт, Ф. Уэбстер, Б. Холстейн, Р. Хойслинг, П. Эке и др.², а также российские ученые Д. А. Артимович, И. С. Бакланов, Н. В. Басов, К. С. Вебер, А. В. Волошинов, О. А. Гримов, Л. Ф. Лучихина, Я. А. Кирсанов, Е. И. Князева, А. А. Пименова,

¹ Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998. С. 59-63.; Шюц А. О множественных реальностях // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОСПЭН, 2004. С. 424-425.; Natanson M. Anonymity: A Study In The Philosophy of Alfred Schutz. Bloomington.: Indiana University Press. 1986; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.

² Бодрийяр Ж. Симуляции и симулякры // Философия эпохи постмодерна: сборник переводов и рефератов. Минск. 2002. С. 32-37; Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология 2009. Т. 10. № 4. С. 31-50; Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Я.И. Свицкого, науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург, М.: У-Фактория, Астрель, 2010. 895 с.; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУВШЭ, 2000. 608 с.; Морено Я.Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Пер. с англ. А. Боковикова, Москва: Академический Проект, 2001. 315 с.; Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.; Хойслинг Р. Социальные процессы как сетевые игры. Социологическое эссе по основным аспектам сетевой теории. М.: Логос-Альтера, 2003. 192 с.; Barnes J. A. Class and Committees in a Norwegian Parish Islands. *Human relations*. 1954. Vol 7. P. 43-44; Beckert J. *Soziologische Netzwerkanalyse // Aktuelle Theorien der Soziologie / Hrsg. D. Kaesler. München: C. H. Beck, 2005. P. 286-312; Degenne A., Fors'e M. Les Réseaux Sociaux. Une Analyse Structurale en Sociologie. Paris: Armand Colin, 1994. 288 p.; Diaz-Bone R. Ego-zentrierte Netzwerkanalyse und familiale Beziehungssysteme. Wiesbaden :Deutscher Universitäts-Verlag, 1997. P. 52-82. Hollstein B., Straus F. *Qualitative Netzwerkanalyse. Konzepte, Methoden, Anwendungen. Wiesbaden: VS Verlag, 2006. 514 p.; Ekeh P. Social Exchange Theory / P. Ekeh. London, 1974. 237 p.; Laumann E. O. New Directions in the Study of Community Elites / Edward O. Laumann, Franz Urban Pappi // *American Sociological Review*. 1973. № 38. P. 212-230; Lazega E. *Réseaux Sociaux et Structures Relationnelles. Paris: Presses Universitaires de France, 1998. № 3. 399 p.; Lemieux V. Réseaux d'Acteurs Sociaux. Paris: Presses Universitaires de France, 1999. 133 p.; Serge S. A Durkheimian Network Theory // *Journal of Classical Sociology*. 2004. Vol. 4. № 2. P. 216; White H.C. Identity and control: How Social Formations Emerge. Princeton: Princeton University Press, 2008. 427 p.; Wellman B. Network analysis: some basic principles // *Sociol. Theory*. 1983. V. 1. pp. 155-200.***

В. Г. Пузиков, М. В. Ромм, А. Б. Шалимов, А. И. Шипицин, А. Л. Яценко и др.¹

Исследование коммуникативной среды, процессов ее информатизации и осмысление условий, путей и различных аспектов становления и развития информационного общества, без которого было бы невозможным существование социальных сетей в виртуально-цифровом пространстве, производилось такими зарубежными учеными и мыслителями как З. Бауман, Д. Белл, Ж. Бодрийяр, Н. Луман, М. Маклюэн, Ф. Махлуп, Дж. Нейсбит, Ф. Уэбстер, Ю. Хабермас, Э. Тоффлер, А. Турен К. Шеннон, Дж. Урри и др.², а также такими отечественными исследователями как: А. Ю. Антоновский, Н. Г. Бондаренко, В. Н. Гончаров, Г. В. Градосельская, И. М. Дзялошинский, А. А. Лежебоков, А. М. Лещенко, М. С. Каган, В. П. Конецкая, О. И. Матьяш, О. Ю. Колосова, А. В. Назарчук, А. А. Поляков, Г. Г. Почепцов, Е. В. Пустовалова, Е. А. Сергодеева, В. А. Сергодеев,

¹ Артимович Д.А., Пузиков В.Г. Социальная сеть как новая форма организации социального пространства // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2012. № 1 (1). С. 70-73; Бакланов И.С., Яценко А.Л. Роль социальных сетей в процессах глобализации // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII. № 4 (59-60). С. 309-315; Басов Н. В. Создание знания в социальной интеракции // Социологический журнал. 2012. № 1. С. 67-90; Вебер К.С., Пименова А.А. Сравнительный анализ социальных сетей // Вестник ТГУ. 2014. Т. 19. Выпуск 2. С. 634-635; Волошинов А.В., Кирсанов Я.А. Постиндустриальная культура: погружение в виртуальную реальность // Обсерватория культуры. 2010. № 3. С. 24-32; Гримов О. А. Типология и функциональный анализ знания в социальных сетях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 2 (19). С. 190-197; Князева Е.И. Сетевая теория в современной социологии // Социология. 2006. № 2. С. 82-88; Ромм М.В., Лучихина Л.Ф. Зарубежные традиции исследования социальных сетей // Идеи и идеалы. 2011. Т. 1. № 2. С. 77-90. Шалимов А. Б. Философия социальных сетей: онтологический и социально-философский анализ: монография. Новосибирск:, 2013; Шипицин А.И. Феномен социальных сетей в современной культуре // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 3 (57). С. 36-40; Яценко А.Л. Социальные сети: сущность, морфология и эволюция // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII. № 2 (55-56). С. 310-315.

² Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 783 с.; Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть М.: Добросвет, КДУ. 2015. 382 с.; Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004; Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. Жуковский: Канон Пресс-Ц; Кучково поле, 2003; Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. М.: Прогресс, 1966. 462 с.; Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007; Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004; Нейсбит Дж. Мегатренды. М.: АСТ; Ермак, 2003. С. 384; Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 205 с.; Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2008. 560 с.; Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / пер. с фр. Е.А. Самарской. М.: Научный мир, 1998. 204 с.; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. 382 с.; Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. 830 с. Urry, J. Mobile Sociology // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. № 1. January/March. P. 185-203.

В. В. Фурс, Д. В. Черникова, В. Я. Цветков, А. В. Юхвид, Е. Н. Юхвид¹.

Социокультурный подход, который использовался в работе как базовый метод анализа социорегулирующей функции социальных сетей, разрабатывался и применялся при исследовании различных аспектов жизнедеятельности современного социума такими учеными как А. С. Ахиезер, А. А. Аузан, А. И. Коломак, Л. А. Коломак, Ю. Д. Красовский, Н. И. Лапин, Н. С. Липовцева, О. А. Микеева и др.²

Быстротечные радикальные изменения, происходящие в рамках социокультурной реальности, обусловили появление новых требований к осмыслению ситуации в социальных сетях, так и в структуре процессов

¹ Антоновский А.Ю. Коммуникация как эпистемологическая проблема // Эпистемология и философия науки. 2016. № 1. С. 5-25; Антоновский А.Ю. Коммуникация и понимание: возможности и разрывы // Философия науки и техники. 2012. Т. 17. № 1. С. 174-189; Бондаренко Н.Г. Принцип детерминизма в коммуникативной теории общества. Москва, 2004; Гончаров В.Н. Социальная концепция информационного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6-2. С. 27-30; Гончаров, В.Н. Информационное общество: проблемы становления и закономерности развития / В.Н. Гончаров, А.М. Ерохин, О.Ю. Колосова и др. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2014. 184 с.; Градосельская Г. В. Анализ социальных сетей: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2001; Дзялошинский И. М. Коммуникационные стратегии социальных институтов в медиaprостранстве России: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. 46 с.; Лежебоков А.А., Сергодеева Е.А., Сергодеев В.А. Сетевые сообщества в социальных медиа Рунета. Ставрополь, 2016; Лещенко А.М. Социальные сети как механизм конструирования коммуникации в современном обществе. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Пятигорск, 2011; Каган М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М., 1988; Конечкая В. П. Социология коммуникации. М.: МУБУ, 1997; Матяш О.И. Что такое коммуникация и нужно ли нам коммуникативное образование // Интернет-ресурс. <http://www.russcomm.ru/rca-biblio/m/matyash01.shtml>; Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61-75; Поляков А.А., Цветков В.Я. Прикладная информатика. М.: «Янус-К», 2002. 392 с.; Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации. М.: Центр, 1998.; Пустовалова Е.В. Коммуникативные отношения в социальных сетях человека // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2012. С. 101-104; Фурс В.В. История наук об информации и коммуникации. Минск: Изд-во БГУ, 2001; Черникова Д. В. Коммуникация и управление в аспекте синергетики: дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2004; Юхвид Е.Н. Социально-философский анализ информативно-коммуникативной системы общества в концепции М. Маклюэна: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2007.

² Аузан А. А Социокультурные коды в экономическом анализе // Журнал новой экономической ассоциации. 2013. № 1 (17). С. 173-176; Ахиезер А. С. Социально-культурные проблемы развития России. М.: Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН, 1992. 82 с.; Коломак Л.А., Коломак А.И. Социокультурная стратегия исследования проблемы обыденного сознания // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 2 (35). С. 122-125; Красовский Ю.Д. Социокультурные основы управления бизнес-организацией. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015 395 с.; Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М.: ИФ РАН, 2000; Липовцева Н. С. Сущность социокультурного подхода к анализу общественных и межличностных взаимодействий // Этносоциум. 2016. 12(102). С. 53-59; Микеева О.А. Анализ парадигмальных оснований социокультурного подхода в социальном познании // Научная мысль Кавказа. 2009. № 1 (57). С. 45-48.

коммуникации современных социальных субъектов. Рассмотрение различных социокультурных аспектов изменения субъектов современного общества в структуре социальных сетей занимались такие зарубежные и российские исследователи как В. Х. Акаев, О. С. Андреева, К. А. Анпилогова, Н. Н. Бабыкина, И. В. Бояринова, А. Э. Гапич, М. Гриффитц, Д. В. Губанов, Г. Г. Дилигенский; Л. В. Колпина, Ю. Меломед, К. Мюррей, Д. А. Новиков, Е. В. Реутов, М. Н. Реутова, М. Реуцкий, Ю. В. Харланова, А. Г. Чхартишвили, В. В. Шавамиш, А. Б. Шалимов, М.-Э. Х. Шамсуев, К. С. Янг и др.¹

Современная проблематизация исследования социального капитала как представления социальных связей и социальных сетей, рассматриваемых как ресурсов, используемых для решения различных социальных, экономических, политических и иных задач, была бы невозможна без осмысления идей в классических обществоведческих работах, таких мыслителей как: Т. Гоббс,

¹ Акаев В. Х., Шамсуев М.- Э. Х. Обеспечение информационной безопасности как инструмент предупреждения экстремизма в северокавказском регионе // Материалы Межведомственной научно-практической конференции МВД РФ «Совершенствование методов предупреждения преступлений в северокавказском регионе». Грозный, 2009; Андреева О. С. Социальные сети как пространство для репрезентации повседневности современного человека // *News of Science and Education*. 2017. Т. 5. № 3. С. 65-68; Анпилогова К.А. Положительное влияние социальных сетей на социализацию и развитие людей с ограниченными возможностями // *Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания*. 2012. № 10-1. С. 129-131; Бабыкина Н. Н. Парадигма времени в обществе постмодерна // *Современные научные исследования и инновации*. 2015. № 7. Ч. 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/07/55137> (дата обращения: 02.06.2016); Гапич А.Э. Роль социальных медиа и виртуальных коммуникаций в распространении молодежного протеста // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 12. С. 224-226; Griffiths M. Internet addiction: Fact or fiction? // *Psychologist*. 1999. Vol. 12(5). P. 246-250; Губанов Д.В. Социальные сети: модели информационного влияния, управления, противоборства / Д.В. Губанов, Д.А. Новиков, А.Г. Чхартишвили // М.: ФИЗМАТЛИТ, 2010; Дилигенский Г. Г. Человек перед лицом глобальных процессов // *Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития*. М.: Альпина Паблицер, 2003. С. 329-359; Меломед Ю. Перепостили – следовательно существую. // *Логос* 2012. № 2. С. 10-18; Мюррей К. Интернет-зависимость с точки зрения нарративной психологии // *Гуманитарные исследования в Интернете* / Под ред. А.Е. Войскунского. М. 2000. С. 132-140.; Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н., Бояринова И.В. Эффективность социальных сетей в региональном сообществе // *Социологические исследования*. 2011. № 1; Реуцкий М. Социальные сети: парадокс зависимости и квазиобщения. <http://psyfactor.org/lib/web-4.htm>; Харланова Ю. В. Феномен эмоциональной привязанности между людьми в социальных сетях // *Научная мысль*. 2015. № 5. С. 65-75.; Шавамиш В. В. Зависимое поведение школьников. СПб., 2001; Шалимов А. Б. Человек в социальных сетях // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2013. № 9 (29). С. 50; Янг К. С. Диагноз – интернет-зависимость // *Мир Интернет*. 2000. № 2. С. 24-29.

Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, К. Маркс, Г. Зиммель, М. Вебер¹.

В различных аспектах существования современного общества социальный капитал исследовали П. Бурдьё (автор термина), Дж. Коулман, К. Менгер, Д. Норт, А. Портес, Р. Пэтнэм, а также И. М. Мачеринскене, Р. В. Минкуте-Генриксон, Ж. Й. Симанавичене и др.²

Собственно проблемой социального капитала как ресурса информатизации и как фактора ценностной социорегуляции общества занимались такие отечественные ученые как В. П. Бабинцев, И. В. Бояринова, С. Ю. Барсукова, Д. Б. Беспарточный, Э. Гугнин, Т. И. Заславская, Л. В. Колпина, Р. Меняшев, М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, Л. Полищук, Е. В. Реутов, Н. В. Семенец, Т. Ю. Сидорина, В. Черпак, И. Е. Штейнберг и др.³

¹ Гоббс Т. О причинах, возникновении и определении государства / Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс [Электронный ресурс]. URL: <http://bookz.ru/authors/gobbs-tomas/leviafan.html>; Локк Дж. Два трактата о правлении / Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988.; Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Russo.O_dogovore.pdf или http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/russo/ob_dog.php. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990; Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни М.: Юрист, 1996; Маркс К. Отчужденный труд / Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Госполитиздат, 1956. С. 8-9; Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Russo.O_dogovore.pdf или http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/russo/ob_dog.php.

² Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3; Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3; Менгер К. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005; Мачеринскене И. М. Минкуте-Генриксон Р. В., Симанавичене Ж. Й. Социальный капитал организации: методология исследования // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 29-39. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.; Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996. 287 с.; Putnam R. D. Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster, 2000. 541 p.; Portes A. Social capital: Its origins and applications in modern sociology // Annual Review of Sociology. № 1. 1998; Lewis V.A., MacGregor C.A., Putnam R.D. Religion, Networks, and Neighborliness: The Impact of Religious Social Networks on Civic Engagement. // Social Science Research. 2013. V.42. № 2. pp.331-346.

³ Бабинцев В. П., Бояринова И. В., Реутов Е. В. Лидерство и аутсайдерство в молодежной среде региона // Социологические исследования. 2008. № 2; Барсукова С. Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2004. №9; Беспарточный Д. Б. Социальный капитал: основные подходы к определению // Социальное управление, экономика и право. Ученые Записки. 2010. № 3. С. 148–153; Гугнин Э., Черпак В. Феномен социального капитала // Социология: теория, метод, маркетинг. 2001. Выпуск № 1; Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 5–16; № 4. С. 13–25; Колпина Л. В. Социальный капитал сетей отношений в региональном сообществе: эмпирический анализ // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 4. С. 44-53; Малообеспеченные в России: кто они? как живут? к чему стремятся? / Авт. коллектив: Горшков М.К, Тихонова Н.Е. и др. М.: Институт социологии РАН, 2008. 80 с.; Полищук Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 12. С. 46-65; Семенец Н. В. Формирование проектов развития человеческого капитала с использованием социальных сетей в

Для оценки безопасности и рисков сетевой коммуникации в современном обществе использовались работы и идеи таких зарубежных ученых как У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман, Г. Саймон, О. Тоффлер и др.¹, а также отечественных исследователей, таких как А. П. Альгин, Н. Г. Багдасарьян, И. А. Бокачев, Е. Ю. Васильева, Ю. Л. Воробьев, В. С. Диев, Т. В. Душина, А. М. Ерохин, В. В. Глущенко, С. Н. Гриняев, А. А. Кононов, А. Н. Куликов, Г. И. Лукьянов, Д. А. Лушников, Г. Л. Смолян, А. Г. Остапенко, О. А. Остапенко, А. А. Сычева, В. Б. Устьянцев, Р. В. Титов, И. В. Шевченко, О. Н. Яницкий и др.²

региональном форсайте // Человеческий капитал. 2016. Т. 2. № 9 (93). С. 63-72; Сидорина Т. Ю. Социальный капитал организации и социальная политика российского предприятия // Журнал исследований социальной политики. 2007. №3. С. 319–334; Штейнберг И. Е. Парадигма четырех «К» в исследованиях социальных сетей поддержки // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 40-50.

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000; Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS, 1994, Выпуск 5. С. 161-168. (Beck U. From Industrial Society to the Risk Society // Theory, Culture and Society. 1992. V. 9. № 1. p. 97–123; Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004; Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. Выпуск 5. С. 135-160. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Выпуск 3; Тоффлер О. Шок будущего. М.: Издательство АСТ, 2004.

² Альгин А. П. Риск и его роль в общественной жизни. М. 1989; Багдасарьян Н. Г., Титов Р. В. Протестный потенциал социальных сетей: возможности и риски // Гуманитарный вестник. 2014. № 4 (18); Васильева Е. Ю., Ерохин А. М. Роль культуры и культурной идентичности в преодолении социальных рисков. // Наука. Инновации. Технологии. 2012. № 1. С. 64-69; Глущенко В. В. Введение в кризисологию. Финансовая кризисология. Антикризисное управление. М.: ИП, 2008. 88 с.; Гриняев С. Н. Россия в глобальном информационном обществе: угрозы, риски и возможные пути их нейтрализации // Информатизация и связь. 2010. № 2. С. 115-121; Диев В. С. Философская парадигма риска // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2008. №12. С. 27-38; Диев В. С. Риск и неопределенность в философии, науке, управлении // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. №2 (14). С. 79-90; Душина Т. В., Бокачев И. А. Актуализация безопасности духовной культуры российского общества // Власть. 2011. № 1. С. 93-96; Душина Т. В. Микеева О. А. «Общество риска» как репрезентативная модель современного социума // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. № 4 (51-52). С. 196-202; Зубков В. И. Социологическая теория риска – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 230 с.; Кононов А. А., Смолян Г. Л. Информационное общество: общество тотального риска или общество гарантированной безопасности? // Информационное общество. 2002. № 3. С. 5-7; Куликов А. Н. Специфика рисков социокультурного развития в современном обществе // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2013. № 4. С. 133-138. Лукьянов Г. И. Концептуальное обоснование риска в контексте социальной реальности // Философия и культура. 2011. № 11; Лушников Д. А. Роль социальной дезорганизации в процессе транзита социальности // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 4 (43). С. 284-288; Остапенко А. Г., Остапенко О. А., Шевченко И. В. Научно-методические рекомендации для риск-анализа социальных информационных сетей // Информация и безопасность. 2016. Т. 19. № 4. С. 595-596; Стратегические риски России: оценка и прогноз / МЧС России; под общ. ред. Ю. Л. Воробьева. М.: Деловой экспресс, 2005; Сычева А. А. Этика экологической ответственности. М.: Альфа-М, 2014; Устьянцев В. Б. Институциональный человек в рискогенных микроструктурах современного социума // Восток, Запад, Россия: философские и социокультурные основания взаимодействия цивилизаций. Сборник научных трудов. Саратов, 2017. – С. 70-74; Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С3-35.

Несмотря на наличие внушительного массива обществоведческой литературы по проблемам социальных сетей и сопутствующим проблемам, возникающих в современном обществе, все же следует обратить внимание на то обстоятельство, что проблема социальных сетей как фактора становления информационного общества требует особого дополнительного комплексного социально-философского исследования, проводимого на основе социокультурного анализа.

Объект исследования: социальные сети в коммуникационном пространстве современного общества.

Предмет исследования: социокультурные особенности функционирования социальных сетей в условиях становления информационного общества.

Цель: провести социокультурный анализ характеристик функционирования социальных сетей как фактора развития современного информационного общества.

Для достижения поставленной цели необходимо решить **следующие задачи:**

– эксплицировать социально-философские особенности концептуализации феномена социальных сетей с точки зрения генезиса и типологизации данного явления;

– исследовать методологический инструментарий теории коммуникации как концептуальное основание для понимания функционирования социальных сетей;

– рассмотреть и обосновать возможность использования социокультурного подхода как методологического основания исследования социорегулирующей функции социальных сетей;

– выявить особенности влияния социальных сетей на индивидуального и коллективного социального субъекта в современном обществе;

– проанализировать феномен социального капитала как важный ресурс информатизации и фактор ценностной регуляции современного общества;

– раскрыть риски, позитивные и негативные перспективы развития социальных сетей в современном обществе.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования

Теоретическую основу диссертационного исследования составили концептуальные положения отечественной и зарубежной социальной философии, истории и психологии, социальной теории и социологии, выработанные при решении проблем исследования функционирования социальных сетей в условиях развития современного общества.

Основу предложенного в работе подхода составили:

Теоретическую основу диссертационного исследования составили концептуальные положения отечественной и зарубежной социальной философии, истории и психологии, социальной теории и социологии, выработанные при решении проблем исследования функционирования социальных сетей в условиях развития современного общества.

Основу предложенного в работе подхода составили:

– теории социальных сетей и методические разработки сетевых моделей (А. Бейвлас, С. Берковиц, С. Вассерман, Б. Веллман, Д. Грановеттер, П. Марсен, Дж. Морено, Б. Уэллман, Л. Фриман);

– классическая теория сетевого общества (М. Кастельс);

– идеи феноменологии и социальной феноменологии (Э. Гуссерль, А. Шюц, А. Натансон, Т. Лукман);

– концепции и теории постиндустриального/информационного общества (труды Д. Белла, М. Маклюэна, Дж. Нейсбита, Т. Стоунера, Э. Тоффлера, А. Турена, а также В. Л. Иноземцева, К. И. Шпара и др.),

– теория социального капитала (П. Бурдьё, Дж. Коулман, К. Менгер, Д. Норт, А. Портес, Р. Пэтнем);

– зарубежные и отечественные исследования рисков в современном обществе (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман, а также – В. С. Диев, В. И. Зубков, Г. И. Лукьянов, В. Б. Устьянцев, О. Н. Яницкий).

Методологической основой диссертационного исследования становления и развития социальных сетей как фактора развития информационного общества является комплекс из несколько взаимодополняющих подходов:

– философского конструктивизма (Д. Бэккера, Ф. Варелы, Э. Глазерфельда, У. Матураны) и социального конструкционизма (классической – П. Бергера, Т. Лукмана – и последующих версий – Б. Барнса, К. Кнорр-Цетина и др.);

– социокультурного подхода в исследовании внешнего и внутрисистемного культурного влияния на динамические особенности сетевых структур, разработанного отечественными учеными (А.С. Ахиезер, М. С. Каган).

– сочетания функционального, системно-структурного, системно-функционального и системно-динамического подходов.

В диссертации при решении различных задач были задействованы общенаучные методы

Использование в исследовании общенаучных методов системного анализа, аксиологических и кибернетических моделей социальных сетей позволило уточнить специфику функционирования социальных сетей в контексте динамики социальных процессов.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

– проанализированы основные теории социальных сетей и сетевых коммуникаций, соответствующие основным этапам информатизации современного общества, эти теории распадаются на три взаимодополняющих направления: исследования структурных, функциональных и динамических особенностей социальных сетей в современном обществе;

– осмыслена роль коммуникации как информационной связи между людьми, способной выступать организующей силой по отношению как к обществу, так и к отдельному человеку, а также особенности теоретического отражения коммуникации в основных теориях XX века, замечено, что от типа коммуникации зависит и то, как структурированы коммуницирующие группы людей;

– аргументирована познавательная релевантность социокультурного подхода в исследованиях сетевой организации общества, состоящая в описании ценностного механизма действия информации от культурных форм и индивидуальных представлений к сетевой форме организации общества;

– рассмотрены изменения, происходящие в сетевой коммуникации, как с индивидуальным, так и с коллективным социальным субъектом, которые имеют позитивные стороны: увеличение свободы, автономности и ответственности субъектов, различных возможностей для самореализации, и негативные – появление новых проблем, связанных с сетевой зависимостью и новыми сетевыми рисками;

– исследован феномен социального капитала как продукта объективации неформальных «горизонтальных» социальных отношений и важного ресурса социальной организации и ценностной регуляции современного общества, который состоит в умении людей объединяться и солидаризироваться между собой, доверять друг другу и желании вступать в коммуникацию;

– выявлены особенности и механизмы появления негативных и позитивных последствий процессов информатизации и сетевизации, а также проанализированы возможные способы предупреждения появления новых информационных рисков и возможные пути обеспечения информационной безопасности в российском обществе.

С учетом указанных пунктов научной новизны **на защиту выносятся следующие положения:**

1. Весь корпус исследований сетевой структуры распадается на два взаимосвязанных направления – социоцентричные и индивидоцентричные. Первые ставят во главу угла коллективные связи, а вторые сконцентрированы на том, какие связи производит и поддерживает индивид. Между ними есть методологическое сходство, когда речь идёт о структурировании социальных связей, имеющих неслучайный, типичный и самовоспроизводящийся характер. Можно говорить о некоем паттерне связей и отношений, заметном в реальных социальных действиях и носящем не хаотичный, а регулярный и самоподдерживающийся характер. «Социоцентризм» и «индивидоцентризм» в сетевых исследованиях нужно понимать как взаимодополняющий принцип, который позволяет исследователям создавать сетевые теории разного уровня и обращать внимание на то, как изменяется рисунок сетевых взаимодействий при

увеличении, или, напротив, при уменьшении масштаба исследования. Исследования, составленные по принципу взаимной дополнительности, могут охватывать весь спектр социальных взаимодействий от микроуровня до макроуровня, создавая сложные структурные теории сетевого взаимодействия. Кроме концепций, построенных на структурном основании, существует ряд теоретических схем, включающих в себя функциональный аспект социальных сетей – это, как правило, исследования социального капитала, важнейшего ресурса социальной сети, во многом определяющего характеристики функционирования всех структурных уровней сети. Исследование в динамическом аспекте обнаруживает закономерность развития социальных сетей от информационного характера к коммуникационному, усложнение структуры общества, появление новых и трансформацию традиционных социальных институтов, экспоненциальное возрастание объемов обмена информацией, в том числе и в социальных сетях. Важным вопросом, не утрачивающим актуальности, является вопрос о соотношении в сети знания и информации.

2. Коммуникация как специфический социорегулятор, организующий общественную структуру, исследовался в основном в последней трети XX века авторами нескольких взаимосвязанных подходов. Во-первых, это функциональный подход, описывающий нормативно-ценностную среду как детерминирующий фактор по отношению к индивидуальной коммуникации. Во-вторых, интерпретационный подход, основанный на предположении, что человек, наделенный субъективным взглядом на мир, действует и понимает мир исключительно через культуру. В рамках интерпретационного подхода можно выделить критическое направление, сторонники которого полагают, что в культуре действуют некие «силовые линии», влияющие на коммуникацию. Чем более выражена эта доминирующая сила, тем более организованным, упорядоченным и строгим является процесс коммуникации. Ю. Хабермас автор «критической теории общества», полагает, что социальная интеграция происходит не в системном, а в социальном формате, то есть, интересубъективном символическом пространстве. Главным связующим звеном Хабермас считает

язык, благодаря которому и происходит коммуникация по правилам, заложенным в нём. Язык обеспечивает не только нормативную составляющую, правила общежития людей, но и выполняет формирует чувство идентичности и принадлежности к сообществу. И фактически, сеть является первичной и формообразующей в языке и «коммуникативной реальности», и уже вторичной – в социальной структуре. Чаще всего коммуникацию связывают с её информационной составляющей, хотя многие замечают, что эта часть коммуникации не единственная, например М. Маклюэн, считает коммуникационной деятельностью не столько информационный обмен, сколько установление связи вообще, информационной или эмоциональной, достижение некой солидарности, «совместности» между людьми.

3. Социокультурный подход основан на анализе ценностей, воздействующих на общество, поскольку все три аспекта исследования жизни общества – структурный, функциональный и динамический – напрямую зависят от ценностного основания поведения людей. Сложность данного исследования заключается в том, что в обществе нет ни единых ценностей, ни хоть какого-либо ценностного консенсуса, не являющегося идеологической редукцией. Поэтому адекватное описание ценностной картины данного общества и ранжирование ведущих ценностных установок может быть очень эффективно для понимания того, насколько общество согласовано или рассогласовано в ценностном плане, и соответственно, насколько согласованы или рассогласованы ожидания людей разных социальных групп в отношении друг друга. В свою очередь, это понимание необходимо для того, чтобы представлять себе, как общество накапливает и как расходует социальных капитал, поскольку последний формируется в состоянии «горизонтального» доверия людей и совместной деятельности. Социокультурная реальность представляет собой не просто результирующую культурного и социального уровней. Это всегда более сложное отношение, органическая целостность, в которой эти два вида общественного бытия тактируют друг друга, сталкиваются, могут выступать как протагонисты или антагонисты в зависимости от целого ряда причин. В социокультурном

подходе исследовательский фокус внимания сосредоточен не столько на структурных аспектах общества, сколько на связях между ними. Речь идёт о нормах, ценностях, правилах общественного бытия, запретах и стандартах поведения. И именно эти элементы социальной реальности предлагается считать системообразующими, поскольку они «воздействуют на механизмы личности в условиях взаимовлияния социальных систем и ценностно-нормативных структур культуры».

4. Изменения социального субъекта в сетевом пространстве происходят по нескольким направлениям. С одной стороны, они касаются индивидуального субъекта, который обретает свободу общения, может быстрее и качественнее удовлетворять личностные и социальные потребности, культурно развиваться и обмениваться опытом, но при этом часто попадает в зависимость от сети, ощущает себя частичным, «расколотым», оказывается в постоянном внимании со стороны сетевых партнёров. Для индивида коммуникация в социальной сети создаёт «пролиферацию возможностей», но вместе с тем, повышает и уровень индивидуальной ответственности. С другой стороны, изменяется и коллективный социальный субъект, который получает возможность самоописания, новые технологичные способы рефлексии. Социальные сети являются важнейшим источником социального капитала, коллективные взаимодействия нарабатывают важнейшие ресурсы для внутренней интеграции общества – доверие, общие интересы, консенсус по самым разным, политическим и социально-экономическим вопросам. Сеть позволяет группировать, институционализировать взаимодействия людей, она представляет собой мощный социальный лифт как для индивидуального, так и для коллективного субъекта, который может как повысить его социальный статус, так и представиться доступ к необходимым ресурсам. Но при этом изменяется само понятие информационной безопасности, возникает целое множество самых разнообразных сетевых угроз, становящихся индикаторами благополучия социокультурной и политико-экономических сфер. Возникают новые субъекты информационной безопасности, в сети концентрируются наиболее активные участники социального изменения.

5. В сети различаются два вида социального капитала: структурный и когнитивный. Первый влияет на институциональный аспект коммуникации, то есть, способствует формированию сетевой структуры, второй наполняет эти сетевые формы общения содержанием, то есть, представляет собой доверие, общность интересов, способность и желание людей к солидарности и совместному достижению надындивидуальных целей. Сеть представляет собой наилучшую структуру для генерации и накопления социального капитала, поскольку оптимизирует доступ пользователей друг к другу, обладает подвижной и эластичной структурой, помогает преодолению социальных барьеров, способствует интенсификации горизонтальных связей и пр. П. Бурдье следует, что социальный капитал – это не столько сам ресурс общественных отношений, сколько медиатор, который выстраивает структуру доступности к этим ресурсам. Условие возникновения социального капитала – взаимное признание членов общества. Р. Патнэм, выделил основные составляющие социального капитала: среди которых: нормы, доверие и взаимоотношения. Именно в горизонтальных связях происходит накопление социального капитала, а это, в свою очередь, является необходимым условием для эффективного группового взаимодействия по изменению социальной структуры. Социальная сеть выступает как организационная форма для образования социального капитала, его объективированным основанием, фундаментом. Социальный капитал образуется как на макроуровне, так и на микроуровнях социальной реальности, являясь связующим звеном буквально всех слоев общественной жизни. В сети социальный капитал может выглядеть как привилегированный доступ к информации, которую сложно достать через другие источники, а также доверие, которое испытывают пользователи друг к другу. Основные функции, выполняемые социальным капиталом, распадаются на две группы: адаптационные и консолидационные.

6. Риски, которые распространяются и возникают в современном сетевом общении, распадаются на социальные и индивидуальные. Социальные связаны с угрозами национальной безопасности: угрозами конфиденциальности, терроризма

и экстремизма, распространения наркомании и пр. Индивидуальные риски коррелируют с социальными, но всегда имеют личностное преломление. Они связаны с изменениями сознания человека, кругов его общения, всегда замыкаются на особенности конкретного человека, однако имеют истоки в социокультурной среде. Главная проблема, принципиально не решаемая, состоит в том, что желание обезопасить человека и общество – это стремление построить стабильность, устойчивость, фиксированную гарантированность мира. Но гипотетическая реализация данного стремления – есть гораздо большая катастрофа, чем постоянная адаптация ко вновь возникающим рискам и угрозам. Прогресс идёт вразрез с обеспечением безопасности, он становится фактором непредсказуемости, сокращает горизонт прогнозирования развития общества. Национальные стратегии развития России должны строиться с учётом того, что происходящие изменения в информационной сфере фундаментальны и могут стать серьёзной угрозой для тех, кто не принимает новых условий. Эти условия включают как структурно-функциональный, так и динамический аспект. То есть, экстенсивного расширения информационной сферы недостаточно, оно должно сочетаться с высокой динамикой преобразований общества. Важно также иметь устойчивую и хорошо продуманную стратегию формирования информационного общества, необходимо также определиться с принципами международного сотрудничества по проблемам информатизации и сетевизации, совместного решения возникающих глобальных проблем в области информатизации и информационной культуры.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Научно-теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что основные результаты диссертационного исследования способствуют новому пониманию феномена социальных сетей как фактора становления и развития информационного общества, и делают возможным приращение нового социально-философского знания в данной проблемной области.

Теоретические выводы и обобщения могут быть использованы в дальнейшем исследовании проблем информатизации и сетевой коммуникации. Также результаты диссертационного исследования могут быть использованы в образовательном процессе при чтении курсов философии, социальной философии, социологии, социальной психологии, политологии и пр., а также при разработки методологических комплексов по соответствующим дисциплинам.

Практическая значимость заключается том, что результаты данной диссертации могут использоваться в разработках, связанных с организацией работы средств массовой информации, функционировании социальных сетей, специалистами и менеджерами медиапредприятий, анализирующими работу средств массовой коммуникации и занимающимися практическими исследованиями в данной области. Выводы данной работы могут служить основанием для гражданской дискуссии по вопросам функционирования социальных сетей и пространстве становящегося информационного общества.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности

Отраженные в диссертации научные положения соответствуют области исследования специальности 09.00.11 – Социальная философия в пунктах: 8. Социально-философская трактовка потребностей и интересов действующего субъекта. 16. Современные концепции общества как организационной формы совместной деятельности людей. 17. Социально-философские основания «социальной статики». Анализ подсистем, компонентов и элементов общественной жизни в их субординационной и координационной зависимости. 21. Общественные отношения как проблема социально-философского анализа. 22. Социально-философские аспекты анализа дифференциации и стратификации социальных групп. 23. Солидарность и конфликт как проблемы социальной философии. 24. Источники и механизмы социокультурного изменения.

Апробация. Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры философии ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет». Диссертация была рекомендована к публичной защите по специальности 09.00.11 – Социальная философия.

Результаты исследования докладывались на ряде конференций международного и всероссийского уровней, в том числе: на V международной научной конференции «Традиционная и современная культура: история, реалии, перспективы» (г. Прага, 2015 г.); на III международной научной конференции «Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс сознания общества в условиях глобализации» (г. Прага, 2015 г.); на XXI Международной научно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты» (г. Новосибирск, 2015 г.); на XIX Международной научно-практической конференции «Духовность. Культура. Общество» (г. Новосибирск, 2015 г.); на Международной научно-практической конференции «Результаты научных исследований» (г. Екатеринбург, 2015 г.); на XVIII Международной научно-практической конференции «Приоритетные научные направления: от теории к практике» (г. Новосибирск, 2015 г.); на XXXIX Международной научно-практической конференции «Наука и современность – 2015» (г. Новосибирск, 2015 г.); на XLII Международной научно-практической конференции «Система ценностей современного общества» (г. Новосибирск, 2015 г.); на II Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки: от теории к практике» (г. Москва, 2015 г.), на Третьей ежегодной научно-практической конференции Северо-Кавказского федерального университета «Университетская наука – региону» (г. Ставрополь, 2015 г.); на III Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки: от теории к практике» (г. Москва, 2016), на VI ежегодной научно-практической конференции Северо-Кавказского федерального университета «Университетская наука – региону» (г. Ставрополь, 2016 г.); на II Всероссийской научно-практической конференции «Современная наука: от теории к практике» (г. Москва, 2017 г.); на Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы научного, технического и философского знания в современном мире: от методологии к практике» (г. Ставрополь, 2017 г.).

Основные концептуальные положения и теоретические разработки диссертационной работы были использованы в процессе педагогической

деятельности в Северо-Кавказском федеральном университете.

Базовые положения и выводы работы отражены в 20 публикациях общим объемом 6,1 п. л. (в том числе 4, опубликованных в научных изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации).

Объём и структура работы

Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих в себя шесть параграфов, заключения и списка литературы. Содержание работы изложено на 155 машинописных страниц, список литературы состоит из 245 наименований, включая источники на иностранных языках.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

1.1. Специфика социально-философской концептуализации феномена социальных сетей: генезис, структура и современная типология

Исследование социальных сетей – актуальнейшее направление современного социально-гуманитарного знания, как в России, так и за рубежом. Его востребованность во многом объясняется тем, что оно напрямую затрагивает базовый структурно-функциональный аспект существования общественной жизни. Изменения, происходящие в любой из социальных сфер, так или иначе, сопряжены с сетевой динамикой. Сетевая структура проникает буквально во всё коммуникационное пространство, она стала способом существования связей в современном обществе. Поэтому природа, особенности, проблемы и перспективы сетевой организации общественной жизни нуждаются о всесторонних фундаментальных исследованиях, которые и возникают как ответ вызову времени во всех науках. И, перерастая дисциплинарные границы, интегрируются в особое международное междисциплинарное проблемное поле, далеко выходящее за рамки традиционных объяснительных схем и подходов к изучению социальной реальности. Это направление, условно называемое сетевой теорией и объединяет в себе научные средства и методы философии, социологии, лингвистики, коммуникативной теории и многих других наук и научных направлений.

Сетевой подход затрагивает не только научно-исследовательскую деятельность, он пронизывает образование, базовые и прикладные академические курсы по сетевым исследованиям в том или ином объёме представлены во всех ведущих университетах мира¹. Он широко освещается в любой деятельности, связанной с управлением, коммуникацией, психологией, торговлей,

¹ Ромм М. В., Лучихина Л. Ф. Зарубежные традиции исследования социальных сетей // Идеи и идеалы. 2011. Т. 1. № 2. С. 77-90.

менеджментом и пр. Наконец, сетевые коммуникационные практики широко внедрились в обыденную жизнь современного человека, став частью личностной сетевой коммуникации большей части россиян и граждан развитых зарубежных стран.

Сетевая теория берёт свое начало в американских и европейских социальных исследованиях, российские учёные начали рассматривать данное направление как самостоятельное несколько позднее, и в основном упор был сделан на эмпирические и прикладные социологические исследования. Однако объяснительные возможности сетевой теории оказались значительно шире и актуальнее первоначальных задач, и постепенно они стали предметом острых научных дискуссий и причиной переосмысления множества фундаментальных представлений о природе современного общества и способах его существования. Тем не менее, статус сетевой теории в современном социально-гуманитарном знании ещё до конца не определён и оценка его возможностей на сегодняшний день довольно значительно колеблется.

Исследования социальных сетей в целом распадаются на два взаимосвязанных лагеря¹. С одной стороны, это анализ социальных сетей, берущий своё начало в социометрии Дж. Морено². Данное направление предназначено в основном для исследования механизмов распределения ресурса в социальной сети. С другой стороны, это собственно сетевая теория, исследующая субъекта сетевой коммуникации и социальный капитал как механизм функционирования сетевой структуры и субъекта в этой структуре.

Источниками фундаментального знания о сетевой структуре общества являются классические работы в области социальной теории: о модели объяснения индивидуального действия через сетевой контекст писал Э. Дюркгейм³. На особенностях становления сетевой теории самым

¹ Князева Е. И. Сетевая теория в современной социологии // Социология. 2006. № 2. С. 82-88.

² Морено Я. Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Пер. с англ. А. Боковой. Москва: Академический Проект, 2001. 315 с.

³ Serge S. A Durkheimian Network Theory // Journal of Classical Sociology. 2004. Vol. 4. № 2. p. 216.

непосредственным образом сказались работы по «формальной» социологии Г. Зиммеля, труды по социальной антропологии британских антропологов Р. Рэдклифф-Брауна, К. Митчелла и других социальных теоретиков, труды по теории социального обмена Р. Эмерсона, П. Блау и исследования, посвященные социальному капиталу П. Бурдьё и др.

Эти исследования постепенно сформировали границы проблемного поля, особенности постановки проблем сетевого общества и способов их решения, наметили границы междисциплинарной интеграции различных научных средств для решения данных проблем. Особенно это касается теории глобализации и межкультурной коммуникации, которые на сегодняшний день демонстрируют глубокое проникновение в сетевую теорию и взаимное обогащение средствами и методами исследования.

Термин «социальная сеть» начал употребляться в 1954 году американский социолог Дж. Барнсом, охарактеризовавший социальную сеть в своей работе «Классы и собрания в норвежском островном приходе» следующим образом: «Каждый человек имеет определенный круг друзей, и эти друзья в свою очередь имеют собственных друзей. Некоторые из друзей одного человека знают друг друга, другие нет. Я счёл удобным говорить о такого рода социальных полях как о сетях. Под этим мне видится система точек, некоторые из которых соединены между собой. Точками этой системы являются люди, а линии соединения этих точек указывают, какие люди взаимодействуют друг с другом»¹. Исследователь подчёркивает, что сеть – это принципиально иной способ организации коммуникации, в котором ресурсом становится не только власть, как это было в иерархичном обществе, но и информация. Сетевое общение позволяет людям общаться напрямую, исключая многочисленных посредников, в том числе, в лице государство.

В 1959-1968 годах учеными П. Эрдосом, А. Реньи, Д. Уоттсом и С. Строгачем был написан ряд статей о механизмах формирования и

¹ Barnes J. A. Class and Committees in a Norwegian Parish Islands. Human relations. 1954. Vol 7. pp. 43-44.

функционирования сетей, были произведены математические расчеты коэффициента кластеризации – степени сближения неоднородных групп.

К 1970-м годам сетевая теория приобрела собственную нишу в социологии и социальной теории и стала теорией социальных сетей. Положения, разработанные в это время, стали базой сетевой теории и до сих пор составляют основу представления о социальных сетях. Главной тенденцией исследования социальных сетей стал перенос центра тяжести с рассмотрения социальных групп и субъектов сетевого взаимодействия на особенности связей и отношений в сети. Исследователи постепенно переключили свое внимание на поиск устойчивых моделей сетевого взаимодействия и их описание, а действия отдельных субъектов рассматриваются в контексте этих моделей как соответствующие им или не соответствующие. Проблема сетевого субъекта снова актуализировалась тогда, когда стало понятно, что сообщества, образованные сетевыми коммуникациями, не вписываются в существующую социологическую классификацию и не подходят под определения групп. Это качественно иное объединение, ранее не имевшее аналогов. Перед исследователями оказались действующие субъекты, не «в достаточной мере связанные между собой или сплетенные, чтобы именоваться группами»¹.

Серьезное воздействие на формирование сетевой теории оказали труды М. Кастельса, который не только исследовал социальные сети как принципиально новые базовые структуры общества, но даже экстраполировал свойства социальной сети на всё современное общество, в результате чего у него родилось понятие «сетевого общества». В теории М. Кастельса сетевая структура описана как охватывающая все сферы жизнедеятельности в самых различных развитых странах мира. Основой для изменений Кастельс считает изменения, произошедшие в технической сфере и информационные сети, изменяющие структурный и функциональный аспект всех общественных отношений, начиная с экономической сферы, в которой изменения касаются как производства, так и потребления, и обмена. В политической сфере изменяются механизмы и способы

¹ Wellman B. Network analysis: some basic principles // Sociol. Theory. 1983. V. 1. P. 156-157, 169.

передачи власти, легитимации этой власти и пр. Трансформируется неизбежно вслед за ними и социальная сфера, где происходят модернизации способов воспроизводства и поддержания жизни социального субъекта. Образование превращается из дискретного в необходимое и непрерывное, меняются образовательные институты, цели и способы его получения¹. Кастельс делает вывод о том, что социальная морфология первична по отношению к социальному действию и новая форма социальных отношений кардинально изменяет само социальное действие.

Описывая социальные сети, М. Кастельс находит в них целый ряд преимуществ по сравнению с вертикальной структурой эпохи модерна: глобальная экономика обладает большей адаптивностью и подвижностью, чем региональная или национальная, информационные сети, выходя на глобальный уровень, получают практически беспрецедентные возможности сдерживания рисков, генерируемых современным обществом. «Пространство потоков», которое, как полагает исследователь, состоит из крупных и мелких сетей, гораздо более динамичное и вместе с тем устойчивое образование, нежели вертикальные иерархические структуры модерна. Сеть принципиально не может утратить устойчивость по той причине, что не имеет статичной фиксированной формы.

Вместе с тем, теория М. Кастельса имеет некоторые ограничения: во-первых, она практически не описывает человекоразмерный формат, во-вторых, материальное основание – информационные технологии и компьютерные сети – оказываются у него первичными и морфологически доминирующими по отношению к культуре, что вызывает определенные сомнения. В-третьих, Кастельс практически не использует наработанный к тому времени методологический инструментарий описания сетевых взаимодействий, а использует преимущественно статистические методы.

Ведущие позиции в описании социальных сетей, как качественно, так и количественно, на сегодняшний день принадлежат учёным из США. К числу

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

самых известных относятся такие исследователи как: Харрисон Уайт, автор социально-конструктивистской структуралистской теории, Рональд Берт, автор теории социального капитала, Джеймс Коулмен, создатель теории рационального выбора и пр. В европейских исследованиях, стартовавших несколько позднее и во многом перенявшим проблемное поле американских учёных, ведущую роль занимают немецкие исследователи сетевого общества.

В свою очередь, американские сетевые исследования едва ли были бы проблематизированы без европейских классиков-социологов – Георга Зиммеля, Леопольда фон Визе и др. ученые из США использовали целый ряд идей формальной социологии Г. Зиммеля. Например, идеи идентичности Х. Уайта напрямую вырастают из идей формальной социологии, он решает многие из тех вопросов, которые были поставлены классиками, но не решены. Одновременно с этим, идеи Никласа Лумана, очень важные для теории сетевой коммуникации, также опирались на структуралистские идеи Х. Уайта. Поэтому неправильно будет сказать, что «немецкое»/ «европейское» или «американское» направления исследования проблемы социальных сетей развивались автономно друг от друга. Они пересекались, нащупывали методологическую совместимость, частично вбирали друг друга, их представители дискутировали между собой и во многом пересекались в описании особенностей сетевой коммуникации.

Тем не менее, в постановке и описании проблем социальных сетей и сетевой коммуникации существует и отчетливо определяется национальная специфика обсуждения проблемы, которая имеет культурно-исторические корни и накладывает отпечаток на научную традицию. Эти особенности описывает Питер Эке в монографии о специфике социального обмена¹. Он замечает, что и европейская научная традиция не гомогенна, внутри неё существует два направления – англосаксонское и французское. Каждое из них определяется со стороны культуры и религиозных традиций. Немецкая же специфика обсуждения проблемы, заключается в преимущественной теоретизации данной проблематики, по сравнению с американской традицией, ставящей во главу угла

¹ Ekeh P. Social Exchange Theory. London, 1974. 237 p.

методологические проблемы и техники анализа социальных сетей. Немецкое направление и, в особенности, Кёльнский университет, сыграли большую роль в разработке эмпирической базы исследований сетевых коммуникаций. Здесь можно назвать имена Эдварда Лауманна¹, Франца Урбана Паппи, которые в рамках «Альтнойштадт-Проекта» проводили аналитические исследования политических процессов и особенностей принятия политических решений в послевоенной Германии². Среди немецких исследователей, оказавших влияние на представления о феномене социальных сетей, особенностях социальных связей и социального капитала и методологических особенностях их исследования, также выделяются имена Р. Диаз-Бона³, Й. Бекерта⁴, Я. Фузе, Б. Хольштейн, Ф. Штраус⁵ и др. Современное обсуждение проблемы социальных сетей представлено в числе прочих авторитетнейшими трудами Р. Хойслинга⁶.

Франкоязычная традиция обсуждения проблемы социальных сетей по политическим и идеологическим причинам на несколько десятилетий запоздал по сравнению с немецкой. Вплоть до 1980-х годов французские ученые разрабатывали другие проблемы: проблемы социализации, различные аспекты структурной антропологии, в которой нельзя не отметить заслуг К. Леви-Стросса. С конца 80-х годов во Франции возникает и развивается бурный интерес к проблематике социальных сетей. Такие авторы как Э. Лазега⁷, А. Дежен, М. Форсе⁸ и др. создали не только новое поле для обсуждения сетевых проблем

¹ Laumann E. O. New Directions in the Study of Community Elites / Edward O. Laumann, Franz Urban Pappi // American Sociological Review. 1973. N. 38. pp. 212-230.

² Laumann E. O., Pappi F.U. New Directions in the Study of Community Elites // American Sociological Review. 1973. Vol. 38. pp. 212-230.

³ Diaz-Bone R. Ego-zentrierte Netzwerkanalyse und familiale Beziehungssysteme. Wiesbaden: Deutscher Universitäts-Verlag, 1997. pp. 52-82.

⁴ Beckert J. Soziologische Netzwerkanalyse // Aktuelle Theorien der Soziologie / Hrsg. D. Kaesler. München : C. H. Beck, 2005. pp. 286-312

⁵ Hollstein B., Straus F. Qualitative Netzwerkanalyse. Konzepte, Methoden, Anwendungen. Wiesbaden : VS Verlag, 2006. 514 p.

⁶ Хойслинг Р. Социальные процессы как сетевые игры. Социологическое эссе по основным аспектам сетевой теории / пер.с нем. М.: Логос-Альтера, 2003. 192 с.

⁷ Lazega E.: Réseaux Sociaux et Structures Relationnelles. Paris : Presses Universitaires de France, 1998. 399 p.

⁸ Degenne A., Forsé M. Les Réseaux Sociaux. Une Analyse Structurale en Sociologie. Paris : Armand Colin, 1994. 288 p.

современного общества, но и стали академической образовательной национальной базой для обучения современных франкоязычных студентов. Причем, в копилку этих исследований были внесены труды бельгийских, швейцарских и канадских франкоязычных ученых, таких как В. Лемье¹, изучавший феномен социальной мобилизации, коммуникации, клиентизма и т.д.

Философская специфика данной проблематики, которая длительное время не получала достойного освещения – это корреляция культуры общества и сетевых форм его организации. В какой-то мере этот недостаток был восполнен поздними работами Х. Уайта², где автор несколько дистанцируется от эмпирических изысканий и делает попытки обосновать сетевые процессы со стороны историко-культурного контекста, а также выяснить онтологический статус социальных сетей. Сеть описывается Уайтом как феноменальная связь, как особая культура присвоения миру значений. Это своеобразный символический паттерн, содержание которого инспирирована культурой, а форма является результатом конвенции. Однако эту упорядоченность, считает Уайт, нельзя понимать чрезмерно буквально, современная культура является гораздо более хаотической и неупорядоченной, чем её описывает любая структуралистская теория.

Интерес к культуре как контексту и основному фундаменту социальных сетей обозначен в работе Ф. Уэбстера «Теории информационного общества»³. В ней автор относит сетевую культуру не только к информационной сфере. В своем анализе Уэбстер выходит далеко за пределы техноцентристского взгляда и описывает культуру как основную культурно-символическую среду, формирующую сетевые формы.

Широкий контекст сетевых взаимодействий представлен в трудах американского социолога М. Грановеттера, ученика Х. Уайта и, на сегодняшний день, одного из самых влиятельных американских исследователей сетевой

¹ Lemieux V. R'eseaux d'Acteurs Sociaux. Paris : Presses Universitaires de France, 1999. 399 p.

² White H.C. Identity and control : How Social Formations Emerge. Princeton : Princeton University Press, 2008. 427 p.

³ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.

коммуникации¹. Исследователь считает, что буквально всё общество пронизано сетевыми связями и отношениями, в числе которых есть «слабые» связи и «сильные». Первые касаются самого близкого личного группового круга коммуникации, а слабые связи – это межгрупповые. И именно вторым Грановеттер присваивает значение наибольшей важности, поскольку именно они позволяют человеку выходить за границы внутригрупповой коммуникации. К тому же, слабые связи, представленные достаточно широко, обеспечивают человеку информационный ресурс, необходимый ему для жизни в обществе. Существуют также надкультурные и межкультурные связи, которые в принципе выполняют те же самые функции, только на более широком круге, выполняя при этом ещё и функцию формирования и поддержания культурной идентичности. Грановеттер подчёркивает, что порой группы, в целом изолированные друг от друга, могут сохранять коммуникацию за счет слабых связей двух своих индивидов. И этого достаточно, чтобы эта изоляция не была полной, слабая связь всего двух людей становится информационным или иным, например, ценностным или мотивационным, мостиком между этими группами.

Одно из важных направлений исследования сетевых коммуникаций посвящено проблеме культурной миграции и транзитивности. Американские исследователи О. Юм и Л. Р. Смит обсуждают проблемы аккультурации мигрантов и приходят к выводу, что чем больше мигрант включен в сильные связи принимающей страны, тем быстрее проходит процесс аккультурации. То есть, культурная идентичность поддерживается именно со стороны «сильных» групповых контекстов, а слабые связи сами по себе, даже будучи весьма широкими и интенсивными, не способны изменить культурную идентичность человека.

Кроме того, сети в различных культурах несколько различаются между собой характером взаимодействия, ценностными ориентациями, связями участников, нормативной организацией и т.д. И, благодаря новым

¹ Грановеттер М. Сила слабых связей (перевод З. В. Котельниковой) // Экономическая социология 2009. Т. 10. № 4. С. 31-50.

сверхскоростным способам коммуникации, они всё-таки выходят за пределы собственной национальной культуры и образуют наднациональную глобальную сеть, базирующуюся на «горизонтальной» внеиерархичной культуре глобальный взаимодействий, включающей в себя совершенно новые уровни глобальных ценностей, глобальной этики, идентичности и т.д.

Эту культуру начали описывать с конца 70-х годов философы и литераторы, используя понятие «постмодернизм»: Ж. Делез и Ф. Гваттари вводит метафору «ризомы» для описания способа организации мира-сети¹. В социальной сфере этому явлению соответствует децентрации, плюрализм, фрагментарность. Политическая сфера опирается на целый ряд разнонаправленных течений, основным из которых является либертарианство как фундамент для пересечения и объединения самых разных торговых, научных, культурных и иных глобальных связей.

С начала XX века в социальной теории начал обсуждаться ещё один важный для понимания социальных сетей концепт – «социальный капитал». Данное понятие появляется впервые в 1916 году в трудах Л. Дж. Ханифана, и вводится в научный оборот благодаря трудам П. Бурдьё, Р. Патнема, Дж. Коумлена и др. Смысл понятия выводится исследователями из понятия «ассоциация», человеческая совместность. Именно тогда, когда существует ассоциация, возникает некий новый феномен, не существующий в дискретном человеческом множестве. Данное значение социального капитала восходит к трудам Ж.-Ж. Руссо, который, описывая общественный договор, замечал, что ассоциация порождает некий общественный ресурс, необходимый для тех или иных совместных действий людей². Первые работы, посвященные социальному капиталу, имели выраженную политологическую направленность и описывали в основном механизмы функционирования государства и его подсистем.

¹ Волошинов А. В., Кирсанов Я. А. Постиндустриальная культура: погружение в виртуальную реальность // обсерватория культуры. 2010. № 3. С. 24 – 32.

² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права [Электронный ресурс]. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Russo.O_dogovore.pdf или http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/russo/ob_dog.php.

Социальный капитал в этих исследованиях представлялся как некий ресурс, объединявший людей в единой целое заставлявший их действовать в рамках нормативной системы права.

Данное понятие также строится на фундаменте, который разрабатывали экономисты: А. Смит, Д. Норт, К. Менгер¹. Немалая заслуга в понимании социального капитала принадлежит К. Марксу и его теории «ограниченной солидарности». Маркс полагает, что ограниченная солидарность – не результат альтруизма, проявленного людьми, она поворачивается тогда, когда группа людей испытывает ограничения и обладает достаточной мотивацией для объединения и приложения объединенных усилий для достижения поставленных задач².

Экономический и политический аспекты, разрабатываемый в данном понятии в начале XX века, со временем уступили место социальному и культурному аспекту, в котором экономические и политические мотивации сменяются более базовыми и фундаментальными. Э. Дюркгейм полагал, что социальный капитал возникает как естественное препятствие аномии, Г. Зиммель считал, что община – средство выживания людей, а единственным способом существования общины является совместность людей, их готовность и способность объединяться. Зиммель не использовал понятие «социальный капитал», у него в работах используется очень сходное по значению с данным выражением – «жизненная сила социального образования»³.

М. Вебер также вплотную подходит к описанию социального капитала в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма». У него этот феномен представляется как некое «доверие», которое испытывает человек к религиозной общине, добровольно вступая в неё. Община также доверяет человеку, принимая его, и берет на себя определенные обязательства, связанные с ним. Он же поручается выполнять её правила. Это взаимное доверие обеспечивает выгоду обеим сторонам: человек получает новые связи и возможности, недоступные для

¹ Менгер К. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 496 с.

² Маркс К. Отчужденный труд / Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Госполитиздат, 1956. С. 8-9.

³ Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 326.

него прежде, община получает нового члена, способного поддерживать её существование¹. Причем, Вебер подчёркивает, что статус, приобретаемый при вступлении в религиозную общину, отнюдь не является пожизненным, человек может как вступить в неё, так и быть исключённым из этой социальной среды. В последнем случае вместе со статусом он теряет и все приобретенные привилегии. Вебер также не использует понятие социального капитала, однако достаточно детально описывает его значение. Вместе с «доверием», его смысл сводится к взаимным ожиданиям и обязанностям, которые налагает на человека совместность с другими людьми.

Заслуга Ханифана, который ввел понятие «социальный капитал» в научный оборот, состоит в том, что он сумел дистанцировать его от «капитала» экономического как материального движимого и недвижимого имущества, денег и пр. социальный капитал не относится напрямую к самому человеку, он накапливается не у человека, а между людьми в их связях и отношениях. Это взаимное доверие и симпатия, желание поддерживать возникающие в процессе взаимодействия людей.

Первым исследователем, давшим отчётливое определение социальному капиталу, был П. Бурдьё, считавший, что социальный капитал есть «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализованных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе»². У исследователя социальный капитал представлен как некий медиатор отношений, основное назначение которого – регулировать доступ человека к ресурсам. Способом реализации социального капитала П. Бурдьё представляет символический или материальный обмен, происходящий в рамках нормативных систем. Сети в данном обмене выступают своего рода формообразующей структурой, а социальные связи и регулирующий их социальный капитал составляют содержание коммуникации.

¹ Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 289.

² Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т.3. С. 66.

Имя Р. Патнема также часто упоминается в связи с этим понятием как имя ученого, приведшего его в научный дискурс. В своей работе «Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии» Патнем исследует структурные аспекты социального капитала и выделяет несколько его составляющих. Это нормы, доверие, институционализированное в общественных практиках, а также «горизонтальные связи», на которых выстроено это взаимодействие.

Таким образом, было обнаружено, что в социальной сети помимо непосредственной коммуникации и обмена есть ещё ресурс, который влияет и на качество функционирования этой сети, и на интенсивность взаимодействия и на способности людей, объединённых в сеть. Социальный капитал является неким невидимым регулятором, воздействующим на социальную сеть и включённых в неё людей, и неотъемлемым атрибутом обыденной жизни.

Российские исследователи также участвуют в разработке сетевой теории, описывая особенности сетевой организации современного общества в самых разных аспектах.

Примерно с конца 90-х годов в российской социальной теории возникла, а затем получила широкое распространение интегративная теория, включающая в себя целые понятийные пласты сетевой теории. В данной теории произошло сближение, а впоследствии и интеграция, разнородных на тот момент теорий социального капитала, социокультурного подхода, теорий межкультурной коммуникации, сетевых исследований и пр.

В целом, весь корпус сетевых исследований органично распадается на два взаимосвязанных направления – социоцентричные и индивидоцентричные. Если первые ставят во главу угла коллективные, групповые связи, то вторые сконцентрированы на том, какие связи производит и поддерживает индивид. При этом всегда остается некоторое количество методологических особенностей, присущих любым исследованиям, как социоцентричным, так и эгоцентричным.

Во-первых, в любых сетевых исследованиях речь идёт о структурировании социальных связей, которые имеют неслучайный, типичный и

самовоспроизводящийся характер. Можно говорить о некоем паттерне, рисунке связей и отношений, который хорошо прослеживается в реальных социальных действиях и носит не хаотичный, а устойчивый и самоподдерживающийся характер.

Во-вторых, «социоцентризм» и «индивидоцентризм» в сетевых исследованиях нужно понимать не как взаимоисключающие принципы, а как взаимодополняющие. Это позволяет исследователям создавать сетевые теории разного уровня и обращать внимание на то, как изменяется рисунок сетевых взаимодействий при увеличении, или напротив, при уменьшении масштаба исследования. Исследования, составленные по принципу взаимной дополненности, могут охватывать весь спектр социальных взаимодействий от микроуровня до макроуровня, создавая многоуровневые теории сетевого взаимодействия.

В-третьих, структурный аспект исследования строится не только на изучении коллективных или индивидуальных субъектов и связей между ними, но и обязательно включает в себя ресурс функционирования сети – социальный капитал, во многом определяющий характеристики как первых, так и вторых.

В-четвертых, важным допущением является предположение о том, что сеть является неотъемлемым атрибутом современного общества и именно многочисленные сетевые формы делают его таковым.

В-пятых, динамика сетевого общества также имеет важное значение. Так, например, рассматривая социальные сети как результат полноценного развития информационно-технической среды (то есть именно как системы взаимодействия социальных субъектов в пространстве Интернет), а также рассматривая их бытие в совокупности с бытием социальных субъектов в социальных сетях, А. Б. Шалимов обращает внимание на такой их онтологический аспект как историчность¹. Историчность как характерная особенность функционирования социальных сетей становится более заметной в современной социальной ситуации и тенденций современности.

¹ Шалимов А.Б. Философия социальных сетей: онтологический и социально-философский анализ: монография. Новосибирск., 2013. С. 12.

Исследование в динамическом аспекте обнаруживает закономерность развития социальных сетей от информационного характера к коммуникационному. Важным вопросом, не утрачивающим уже несколько десятилетий острой актуальности является вопрос о соотношении в сети знания и информации. Различие между знанием и информацией не всегда очевидно для российского исследователя, часто эти понятия употребляют как синонимы. Однако знание, в отличие от информации, всегда неотчуждаемо от субъекта и всегда субъективно, на что указывает исследователь Н. В. Басов: «Знание существует как эмерджентный результат взаимодействия людей в контексте и не может быть разделено или отторгнуто от людей, интеракций и контекстов, в отличие от информации, которая в этом отношении является куда более “мобильной”»¹. Информация же представляется гораздо более мобильным феноменом, транслируемым от субъекта к субъекту. Однако эти понятия не являются взаимоисключающими, они также взаимно дополняют друг друга: информация становится знанием, попадая к субъекту, и наоборот, в момент трансляции от одного субъекта другому знание становится информацией.

Среди этих весьма противоречивых тенденций, на наш взгляд, особо следует указать на:

- усложнение структуры общества, появление новых и трансформацию традиционных социальных институтов;
- возрастание экзистенциальной и прагматической значимости коммуникации в повседневной жизни и деятельности индивидов;
- формирование и развитие атомизированного общества, в котором приватная сфера приобретает ощутимую онтологическую устойчивость;
- развитие у индивидов ценностных ориентаций потребительства и структур и институтов общества консьюмеризма;
- экспоненциальное возрастание объемов обмена информацией, в том числе и в социальных сетях;

¹ Басов Н.В. Создание знания в социальной интеракции // Социологический журнал. 2012. № 1. С. 72.

– становление информационного общества как общества, где фактически превалирует экономика услуг, а не производство и добыча сырья.

Сетевые исследования имеют несколько выраженных топологических аспектов. Во-первых, это пространственно-физический аспект, то есть, описание того, как и из каких компонентов в обществе формируется сеть, как связаны между собой её узлы, как скоординированы с точки зрения иерархии её структуры и т.д. Данный аспект, например, хорошо описывает распределение власти в современном обществе или циркуляцию социального капитала. Пространственное наблюдение за сетью показывает, что она отличается от других структур принципиальным отсутствием устойчивых внешних границ. Сеть способна игнорировать любые социальные перегородки от групповых до национальных и создавать себя как надстройку над ними, пересобирать социальную ткань из разных социальных субъектов и комбинаций их соединения. Граница сети определяется изнутри, количеством ресурса и качеством его распределения между субъектами.

Пространственный аспект также демонстрирует интересный момент игнорирования сетью не только пространства социального, но и физического. Эту особенность как правило замечают все исследователи, описывающие способность информационной сети без труда соединять между собой субъектов, находящихся в физической удаленности друг от друга.

Во-вторых, важным аспектом является информационный, показывающий порядок, согласно которому в сети распределяется информационный ресурс, например, в рамках какого-то государства или социальной общности.

В-третьих, логический аспект, описывающий закономерности, устойчивые модели и комбинации механизмов функционирования сетевых структур. В этом аспекте можно моделировать различные способы объединения субъектов в сеть, например российские ученые приводят в пример пять базовых сетевых топологий: «шина», «кольцо», «звезда», «ячеистая» и «решетка», которые образуют разные

комбинации между собой¹. Эти фигуры образуются как спонтанно, так и рукотворно, они имеют как локальный, так и глобальный характер. Каждая из них обладает собственной спецификой, преимуществом перед другими в решении определенных задач. И, разумеется, они до известной степени конкурируют между собой в разных ситуациях. Это качество конкурентной борьбы в сетевых структурах представляется очень ценным для современного общества, поскольку в конкурентной борьбе сетевые структуры получают возможность наращивать скрытые и явные преимущества, что позитивно отражается в целом на социальной динамике. Сетевая структура имеет целый ряд преимуществ по сравнению с иерархичной структурой, последняя при видимой и кажущейся надежности не имеет на такой устойчивости от внешних и внутренних воздействий, ни такой динамичности как сеть. Выделяется также антропологический аспект, в рамках которого сеть исследуется как ограничитель антропологического мира и индивидуального действия в обществе.

Важным концептом, непосредственно связанным функциональным аспектом исследования социальной сети, является «коммуникация». В случае социальной сети речь идет о некоей самоподдерживающейся и самоорганизующейся структуре, открытой по своему характеру и способной к самосовершенствованию, то есть, наращиванию степени сложности и качественной оптимизации. Коммуникация в социальных сетях носит массовый характер, вместе с тем, технические средства позволяют ей осуществляться буквально мгновенно. Поэтому одновременно в социальном пространстве происходит огромное множество коммуникационных обменом, целями которых являются самые разные задачи – от творчества и развлечения до политики и психотерапии, личностных и групповых задач.

Сетевая коммуникация несет на себе самые различные функции: самопрезентация (создание желаемого идеального имиджа) и компенсация таким образом психологических проблем реальной жизни; функция социализации и

¹ Артимович Д. А., Пузиков В. Г. Социальная сеть как новая форма организации социального пространства // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2012. № 1. С. 70-73.

компенсации социальных связей и психотерапии; функция развлечения и игры, познавательная функция¹ и др. Но прежде всего, как полагает Л. В. Щеглова, сетевая коммуникация привлекательна тем, что она позволяет значительно сокращать затраты сил и денежных средств на процесс коммуникации². Человек получил возможность полноценного общаться, работать, развлекаться, получать образования и пр., не выходя из дома, экономя тем самым, много сил, времени и средств только на одном передвижении в пространстве. Ж. Бодрийяр назвал социальную сеть «гипермаркетом культуры»³, имея в виду, что она предоставляет человеку как платно, так и бесплатно, практически все блага, созданные и транслируемые современной культурой. Социальные сети стали удобной базой для всех видов деятельности, от развлечения до работы. Остались только самые специфические виды труда, связанные с оборудованием или личным присутствием, которые нельзя перенести в сеть. Даже консультативная медицина и психотерапия в сети успешно пробивает себе дорогу. Грановеттер, описывая социальные сети, указывал важность слабых связей именно потому, что они позволяют информации проходить быстрее, чем в сильных связях. Это касается также и отношения к информации, которая, по мнению Грановеттера, воспринимается из дальнего источника как «более достоверная», нежели та, что получена из «сильной» группы, что кажется парадоксальным, поскольку источником этой информации выступают незнакомые люди. Точно также парадоксально происходит «проверка» достоверности информации, полученной в «сильных» связях путем её подтверждения в «слабых». Люди, подтверждающие или опровергающие эту информацию, могут не обладать достаточной компетентностью для этого, и, более того, человек, проверяющий информацию, может даже не знать об этом. Но он скорее доверяет мнению этого незнакомца

¹ Гримов О. А. Типология и функциональный анализ знания в социальных сетях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 2 (19). С. 190-197.

² Шипицин А. И. Феномен социальных сетей в современной культуре // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. №3 (57). С. 36-40.

³ Бодрийяр Ж. Симуляции и симулякры / пер. В. Фурса // Философия эпохи постмодерна: сборник переводов и рефератов. Минск, 2002. С. 32-37.

сильнее, чем мнению близкого человека или родственника. То есть, слабые связи выступают средством верификации множества суждений о мире, не находящих подтверждения в ближнем круге общения.

Социальная феноменология также в течение XX века убедительно продемонстрировала, что человек живёт в изменившемся социальном пространстве и для его понимания нужно привлекать новые исследовательские средства. Новые способы организации социального мира стали объектом в трудах таких феноменологов как Э. Гуссерль, А. Шюц, А. Натансон, Т. Лукман¹ и др. С точки зрения феноменологов реальность существует не в единственном числе. Человек живет во множестве реальностей, которые сам поддерживает, созидает, разрушает и т.д. Конкретность реальности, любые различия и определения объектов внутри неё – это продукты сознания социального субъекта, а результаты деятельности этого сознания имеют особую природу, называемую интерсубъективной.

Сеть как один из миров повседневности, по мнению феноменологов, также принадлежит этому интерсубъективному пространству и обладает её свойствами. Социальный субъект, находящийся внутри сети, проявляет спонтанную творческую активность, у него в сетевой коммуникации нет жестко заданной траектории деятельности, он может двигаться в любом направлении, что и делает, опираясь на свой интерес и творческие способности. Это касается любых видов сетевой активности, от работы и учебы до развлечения. Сеть снижает любые иерархические пороги между людьми, за счет чего отчасти компенсируются различия между ними, в сети нет абсолютных лидеров и ведущих видов деятельности, нет аутсайдеров, люди развиваются хаотично, неравномерно, спонтанно, с разной скоростью, меняют идентичности, имена, круг общения. Имеют право на анонимность и получают уникальную возможность избавиться от привязанности к телесности и социальным статусам, приписанных ему в реальном

¹ Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998. С. 59-63.; Шюц А. О множественных реальностях // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОСПЭН, 2004 С. 424-425. Natanson M. Anonymity: A Study In The Philosophy of Alfred Schutz. Bloomington.: Indiana University Press ,1986 172 p.; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.

мире. В сети человек становится текстом, изображением, идеей, он обретает свою сущность в проектировании самого себя и специфические формы переживания себя.

Избавиться от телесности, по мнению Гуссерля, человек может только до известных пределов, виртуальное общение не освобождает от тела полностью, поскольку тут на передний план выступают установки сознания, работающие таким образом, как будто тело по-прежнему присутствует. Сознание не изменяется в сети, оно только снимает некоторые ограничения, однако личная «проектосфера», включающая в себя проект телесности, проект социальной роли и проект социального статуса остается в сознании как первичная установка для любой деятельности или рефлексии. Избавиться от неё не удастся из-за открытого Гуссерлем «аналогизирующего переноса». Этот феноменологический эффект исследователь объясняет тем, что первое обнаружение человека в мире – собственное тело, которое становится точкой отсчета для всего остального – действия, отношения, ориентации в пространстве и времени и т.д. Тело – это «нулевой объект», пункт самоведения себя по жизни, источник любых переживаний, размышлений, сопоставлений, аналогий, какие только могут возникать по поводу устройства окружающего мира. Гуссерль называет это «синтезом сочетания».

Тело дает человеку возможность «выйти» за границы самого себя и предположить существование в Другом какой-то аналогичной формы бытия, в том числе, духовного, переносить свою душевную жизнь на кого-то или на что-то за пределами собственного тела. Попадая в сеть, человек обнаруживает отсутствие телесности, как у себя, так и у других, однако он не может совсем без неё обойтись, она выступает своего рода смысловым и когнитивным каркасом, на которое «наносится» мировоззрение. Поэтому сетевой человек конструирует недостающую телесность, корректирует соответственно ей свою идентичность и учатся воспринимать виртуальный мир уже сквозь эту новую «телесную» оболочку. Здесь он свободен творить свою сетевую личность, но разумеется его возможности не безграничны. Ограничителями служит фантазия, опыт, культура (язык), образованность и эрудиция. И нормативные системы, разумеется, которые до известной степени проникают в эти виды общения и налагают на них также

определенные ограничения. Закон и в данной сфере продолжает ограничивать деятельность, связанную с мошенничеством, суицидальными играми, особенно если это касается детей, детской порнографией, религиозным или иным терроризмом и т.д.

Создание проектной идентичности – это своего рода игра, но нельзя назвать это только игрой, потому что она меняет и основную идентичность человека. Притворяясь в сети женщиной или ребенком, мужчина, обладающий развитой эмпатией, рано или поздно обнаружит в себе способность думать «по-женски» или «по-детски», изменение своих интересов или каких-то личностных качеств и напротив, может проецировать себя на других людей, то есть, общаясь, каждый раз встречать самого себя. Легче всего это проследить на детях, потому что у них не до конца сформирована психика и высока лабильность. Например, ребенок, проводящий много времени на сайтах, где взрослые люди играют в агрессивные игры, ребенок с лёгкостью подхватывает этот стиль общения, начиная от терминологии до способов реакции на раздражители и действия. И переносит этот опыт коммуникации на своих реальных друзей, знакомых, родных.

Сеть изменяет не только функциональный аспект коммуникации, но и динамический, поскольку в сетевом общении время до известной степени утрачивает свою линейность, оно становится прерывистым. Социальный субъект в сети не обладает непрерывным сознанием, каким обладаем реальный человек, он появляется время от времени, его будущее или прошлое гораздо менее значимы, чем «декларируемое» сетевым сообществом время. Сеть становится своеобразным «проектом Я», метафорой собственного сознания и тела, неким специфическим пространством, в котором человек освобождается от ограничений, чтобы сконструировать для себя новые.

Таким образом, на сегодняшний день сетевая теория является одним из важнейших направлений исследования современного общества, позволяющая изучать сетевые взаимодействия людей на всех уровнях существования общества, от межличностного до наднационального и глобального. Любые прогнозы развития современного общества, так или иначе, связаны с развитием социальных сетей и сетевого взаимодействия.

1.2. Теории коммуникации и информатизации как методологическое основание исследования содержательной составляющей функционирования социальных сетей

В современной социальной теории есть различные представления о том, что представляет собой человек как социальный субъект. Некоторые из них – герменевтические, лингвopsихологические, семиотические и пр. – полагают, что человек может быть прочитан как особый культурный «текст». Другие, такие как теория коммуникации, полагают, что человек представляет собой результат обработки информационных потоков, проходящих через него. Поэтому индивиду для обретения статуса «человека» требуется помимо прочего обязательно иметь сформированную коммуникативную компетентность как условный уровень опыта взаимодействия с окружающими людьми, способность включаться в сеть и уметь полноценно функционировать в ней. И именно это определяет успех того, насколько этот индивид сможет обрести успех в любом виде деятельности и занять иерархический статус в обществе.

Основным для коммуникативных теорий любого вида было и остается фундаментальное понятие «информация», которое также имеет самые разнообразные определения, начиная от кибернетических и физических до лингвистических и философских. В социально-философском исследовании мы можем остановиться на определении К. Шеннона, который понимал под информацией «снятую неопределенность о чем-либо»¹ (о каком-то объекте). Информация передается от человека к человеку в сообщении, смысл которого состоит в упорядочивании мира каким-то определенным способом. Количество истинной информации о мире есть некая результирующая организации этого

¹ Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. 830 с.

мира, так же, как количество ложной или мнимой информации и энтропия есть мера дезорганизации системы.

Феномен коммуникации может исследоваться самыми разными способами: существуют психологические, лингвистические, социологические, культурологические, философские и иные подходы к определению коммуникации. Например, эстетические, этические или искусствоведческие аспекты данной проблемы.

В самом первом приближении попытка типологизации процессов коммуникации по субъекту будет выглядеть как разделение коммуникации на внутриличностную и межличностную. При первой сообщение будет развёртываться в сознании одного человека, который говорит «сам с собой». Сообщение выполняет таким образом различные задачи от содержательного поиска ответов на собственные вопросы этого человека до формализации уже полученного ответа на них.

Во втором случае сообщение переходит от одного сознания к другому или другим, и в этом виде коммуникации уже работают совсем другие механизмы, и ставятся другие цели. Если внутриличностная коммуникация рассчитана на постоянное возрастание объема или организованности, то в межличностной коммуникации объём сообщения может оставаться неизменным. Но здесь может действовать энтропия другого характера, связанного с особенностями понимания и языковых проекций этого сообщения.

Для межличностной коммуникации очень важное значение имеют такие аспекты взаимодействия как ценности, эмоции, субъективное восприятие, мировоззренческие особенности и пр. Межличностная коммуникация, в свою очередь, делится на вербальный и невербальный типы, которые различаются между собой способами передачи сообщения, языковыми или неязыковыми. Первые имеют более универсальный характер, гораздо легче структурируются, передаются на длительные дистанции, легче рационализируются, интерпретируются и т.д. однако при личном контакте невербальные сообщения могут выполнять очень важную функцию восполнения эмоционального

наполнения сообщений, создавать живое непосредственное общения, спонтанные реакции на речь и пр.

Отдельным направлением в социальной теории стало исследование массовой коммуникации, которая представляет собой принципиально новую форму коммуникации, возникшую в начале XX века и знаменовавшую наступления общества модерна. Взаимодействие в такой форме коммуникации осуществляется с помощью технических медиаторов – средств массовой коммуникации. Чаще всего она представляет собой одностороннюю трансляцию политических или иных сообщений на большие аудитории. Исследователи политической сферы заметили, что в XX веке с помощью массовой коммуникации чаще всего распространяются политические мифы и формируется общность (идентичность) людей. Основная задача массовой коммуникации – не только информирование широких слоев населения, но и управление ими, организация их и объединение, подчинение и легитимация власти. Однако односторонность массовой коммуникации в современном обществе тоже условна, её обратная связь по большей части носит именно сетевой характер. Некто, имеющий политическую или иную власть, делает сообщение большим массам людей, а они транслируют и обсуждают его в сетевом сообществе.

Коммуникация как феномен социальной философии имеет множество определений, однако можно остановиться на том, что она представляет собой *информационную связь между людьми, способную выступать организующей силой по отношению как к обществу, так и к отдельному человеку*. От типа коммуникации зависит и то, как структурированы коммуницирующие группы людей. Например, непосредственная коммуникация – общение – чаще всего требует физического присутствия людей, их локализацию в пространстве, тогда как массовая коммуникация, опосредованная техническими средствами, допускает их дистанционное взаимодействие. Коммуникация, так или иначе, выступает главной связью человека с обществом, поскольку осуществляется через

язык, а тот, в свою очередь, содержит все условия, нормы и правила вхождения человека в социальную структуру и жизни в ней¹.

В теории коммуникации существует несколько подходов, вбирающих в себя основные методологические стратегии исследования данного феномена.

Во-первых, это *функциональный подход*, сложившийся в 80-е годы прошлого века из социологических и социально-психологических исследований. Суть функционального подхода сводится к тому, что культура выступает в качестве детерминирующего фактора по отношению к индивидуальному процессу коммуникации. Последний возможен не сам по себе, а только через культурно-ценностные матрицы, сложившиеся и функционирующие в обществе. Каждый элемент в культуре при этом считается выполняющим свою специфическую задачу и исследуется в данной связи. В культуре нет ничего лишнего, все её составляющие взаимоположены и связаны таким образом, что образуют систему, то есть, выпадение любого элемента системы нарушает работу всех остальных. То, что кажется в культуре избыточным, таково только на первый взгляд. Любой обычай, устойчиво воспроизводимый в культуре, имеет своё значение и необходим системе, они являются связующим звеном между индивидами, общностями или элементами системы.

В функциональном подходе есть многочисленные исследования способов и стилей общения, принятых в разных культурах, различий этих стилей и причин их возникновения.

Во-вторых, *интерпретационный подход*, который также получил распространение в 80-х годах. Он основан на предположении, что человек, наделенный субъективным взглядом на мир, тем не менее, действует и понимает этот мир через культуру². Если не исследовать человеческое поведение через культурные образцы, то поведение индивидуального субъекта может вообще оказаться непредсказуемым и непонятным. Сторонники данного подхода считают, что поведение человека можно описать, за ним можно наблюдать, но не

¹ Фурс В.В. История наук об информации и коммуникации. Минск: Издво БГУ, 2001. 363 с.

² Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации. М.: Центр, 1998. 636 с.

предсказать его. Человек везде, в том числе и в коммуникационном поле, действует непредсказуемо. Хотя культура и дает исследователю некоторые смысловые и ценностные «отмычки», позволяющие его понять и научно упорядочить. Применительно к самому феномену коммуникации исследователи используют средства антропологии и лингвистики, поскольку результатом их деятельности является понимание коммуникации внутри группы, закономерностей и правил, по которым она происходит, и корреляция между ценностями группы и всего общества, в которое входит группа и коммуникационными правилами, которыми руководствуется группа¹.

Отдельно в рамках интерпретационного подхода можно выделить *критическое направление*, сторонники которого полагают, что ценностный фундамент, на котором выстраивается процесс коммуникации, имеет не только социальные и культурные, но и исторические корни. Они занимаются поиском неких «силовых линий» в культуре. Культура, по мнению этих ученых, представляет собой поле борьбы, в котором условия детерминированы некими доминирующими социальными силами, задаваемыми лидерами этой борьбы. Ими обуславливаются правила коммуникации, культурные различия, способы самобытности и права на её легитимацию. Чем более выражена эта доминирующая сила, тем более организованным выглядит процесс коммуникации, тем более строги и упорядочены его правила.

Методы исследования интерпретационного подхода в основном базируются на герменевтических анализах текстов, которые позволяют сделать явными неявные причины того, как организуется процесс коммуникации в группах и за пределами малых групп.

На возникновение и развитие теории коммуникации сильно повлияла *теория культурного релятивизма*, введенная У. Самнером, основной смысл которой сводится к тому, что нет никакой универсальной культуры и нет оснований измерять культуры по какому-либо единому эталону. Каждая культура самоценна и самодостаточна сама по себе. Для того чтобы раскрыть смысл

¹ Конечкая В. П. Социология коммуникации. М.: МУБУ, 1997. 304 с.

поведения в культуре, недостаточно ссылок на «общечеловеческие» основы поведения.

Теорию Самнера поддержала американский антрополог Рут Бенедикт, которая также считала, что смыслы генерируются в каждой культуре исходя из её собственной логики и не могут быть адекватно поняты извне, за рамками этой культуры. Основная идея данной теории состоит в том, что каждая культура одинаково ценна, даже если они стоят на разных ступенях технического, экономического или иного развития. Исследователи, работающие в данном направлении, призывают к терпимости к чужим культурам и признанию того, что все они имеют право на существование. Поведение людей и их коммуникация в разных культурах могут существенно различаться, однако это требует не коррекции и приведения их к «общему знаменателю», а уважительного отношения, тщательных исследований и понимания того, что все культуры обладают равными правами и прежде всего, правом на существование.

Во второй половине XX века стало понятно, что глобализация приобретает не только количественный, географический размах, захватывая в коммуникационное поле фактически всё население земного шара, но и в качественном отношении коммуникация выходит на принципиально новый уровень. Это значит, что в процессах коммуникации произошли серьезные качественные сдвиги по нескольким направлениям. Прежде всего, следует сказать о так называемой «технологической революции»¹, изменившей социальные, экономические, политические и иные практики в самых разных видах деятельности. Этот процесс идет параллельно с информатизацией, являясь в отношении неё своеобразным технологическим скелетом, на котором держится глобальная циркуляция информации.

Вместе с этим происходит переструктурирование социальной сферы, привычные для традиционного общества социальные структуры размываются, распадаются, на их месте образуются новые сетевые сообщества, гораздо более функциональные в выполнении определенных видов задач, отвечающие новым

¹ Поляков А.А., Цветков В.Я. Прикладная информатика. М.: «Янус-К», 2002. 392 с.

требованиям общественного развития. Очевидно, что общество за прошедшие полвека не приобрело качество однородности, условия для информатизации или научно-технического прогресса складываются не везде одинаково. Много в данном смысле зависит от культуры, поскольку именно культура и её ценности создают некие фильтры и барьеры на пути глобальных изменений. Здесь есть и положительные следствия, и отрицательные, поскольку функция охранения, которая оберегает культуру от вторжения инородных ценностей, вместе с тем, часто не позволяет ей открыться для внедрения перспективных инноваций, технологических прорывов и пр. Закрытые для прогресса общества не в состоянии ни отвечать вызовам времени, ни подготовиться к решению глобальных проблем, которые, так или иначе, возникают и требуют своего разрешения.

Темпы изменений в мире стремительно ускоряются, непредсказуемость возрастает, а горизонт планирования, наоборот, сокращается. Возрастает и неравенство человечества, в котором раньше наблюдалось только два типа, помимо архаичного: традиционные и индустриальные общества, а теперь к ним добавился постиндустриальный тип общества, принципиально новый в качественном отношении тип социокультурной системы. Главным отличием этого общества от других типов является то, что оно наращивает информационное и технологическое неравенство от других типов обществ и начинает доминировать на мировой арене как лидер глобализационных процессов. Именно о таких обществах идёт речь, когда говорится в сетевом переструктурировании социальной системы.

Одним из крупных теоретиков, исследующих данный тип общества и особенности перехода от индустриального общества к постиндустриальному, является М. Кастельс¹, считающий, основным фактором социокультурных изменений, происходящих в обществе качественное и количественное изменение информации, задействованной в коммуникационной сфере. Информационно-

¹¹ Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. 494 с.

технологические изменения стали базисом, который начал изменять общество в сторону горизонтального и сетевого типа. Общество, по мысли исследователя, не просто трансформируется, кардинальным образом изменяются его базовые характеристики – пространственные, ценностные и организационные. Сообщество становится «сетью межличностных связей, обеспечивающей социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе и социальную идентичность»¹. Универсальным способом организации социального пространства становится социальная сеть.

Анализ сетевой организации общества – одно из новых направлений социальной теории. Г. Градосельская выделяет в данной связи три основных этапа формирования данного теоретического направления. Первым шагом становится выделение из всего массивного объема связей сетевых узлов и связей. На втором шаге типологизируются и качественно определяются свойства этих связей. На третьем шаге производится классификация самой сети и построение её модели в самом общем виде², её соотнесение с подобными и иными типами социальных сетей по структурным, функциональным или динамическим характеристикам.

В европейской и прежде всего, немецкой социальной теории на сегодняшний день существует два основных направления концепции коммуникации, к которым так или иначе примыкают остальные. Сторонниками первой являются Ю. Хабермас, второй – Н. Луман, Т. Парсонс, К. Дойч.

Хабермас разрабатывает своеобразный подход к исследованию коммуникации, «критическую теорию общества» имея прежде всего своим объектом политическую коммуникацию и её влияние на состояние современной демократии. Методологию, разработанную Хабермасом, основывается на философии Г. Гадамера, Э. Гуссерля и других феноменологов XX столетия и прежде всего на понятии «жизненного мира» как совокупности непосредственных, субъективных представлений человека о самом себе и мире,

¹ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 154.

² Градосельская Г.В. Социальные сети // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 1. С. 142-150.

фундирующие повседневный опыт, нормы, ценности, представления, предшествующие научному опыту.

Качественно подход Хабермаса опирается на несколько постулатов:

- ориентация на не объясняющую, а на «понимающую» линию методологии;
- представление о диалоге как о носителе главного смысла в коммуникации;
- смена «субъект-объектного» подхода «субъект-субъектным»;
- стремление к взаимопониманию и способности учитывать мнение и точку зрения Другого.

Хабермас полагает, что интеграция общества происходит не в системном, а в социальном формате, то есть, intersubjectивном символическом пространстве. Главным связующим звеном Хабермас считает язык, благодаря которому у и происходит коммуникация по правилам, заложенным в нем. Язык обеспечивает не только нормативную составляющую, то есть, правила, по которым социализируются и живут люди, но и выполняет формирующую функцию в отношении всего «языкового сообщества», формирует чувство идентичности и принадлежности к сообществу¹.

Из этих понятий Хабермас выводит основные понятия своей теории – «коммуникативная рациональность» и «коммуникативное действие». Критикуя современное общество за реализацию инструментальной рациональности, целями которой являются достижение цели и эффективность, зачастую за счет манипуляции, исследователь говорит о том, что необходимостью является рационализация жизненных структур современных людей. Главной целью этой рационализации является достижение консенсуса, согласованности действий, понимания друг друга и стремление к взаимной договоренности и уважению. Это особенно важно в том случае, когда речь идет о людях, имеющих разные культурные особенности, различные картины мира, различные светские и религиозные ценности.

¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. 217 с.

Причем, с точки зрения Хабермаса важно, чтобы данный консенсус не был навязан сверху, откуда бы он ни исходил. Главной ценностью и условием подлинности этого консенсуса является его внутреннее формирование. В этом случае и смыслы коммуникации не являются детерминированными извне, они возникают прямо внутри самой коммуникации и служат точками опоры для неё.

Предложенные Хабермасом принципы рациональной коммуникации имеют значение для формирования и совершенствования современной политической сферы и современной «неоклассической» теории демократии в частности. Политическая коммуникация не должна исходить из единственного административного источника, а должна рождаться в обсуждениях в неких узловых структурах гражданского общества, и только это позволит преодолеть ситуацию довлениия над обществом инструментального рационализма, который является рамкой для инструментального отношения к человеку.

Концепция Н. Лумана, в отличие от теории Хабермаса, не столь широко исследована, и не столь популяризирована, по-видимому, из-за терминологической и концептуальной сложности, а также нестандартности мышления немецкого исследователя. Однако она неизменно вызывает повышенный интерес у социальных теоретиков, занимающихся проблемами коммуникации.

Главный интерес Лумана сосредоточен на том, как ведет себя общество как система в окружающем её мире. Общество, представляемое Луманом как открытая система, не статично в окружающей среде, его поведение и организационная составляющая зависят от того, как взаимодействует система с окружающей средой. Граница и различие с окружающей средой задается внутри системы, все операции, происходящие в системе, возможны только внутри неё самой, при пересечении границ они теряют смысл и перестают существовать в прежнем качестве. Зато это позволяет системе организовывать себя изнутри и наилучшим образом адаптировать себя к сложным условиям изменяющейся внешней среды, которая заведомо сложнее организована, чем система, имеет гораздо большую «комплексность», чем система.

Вообще, все отношения системы и среды основаны в конечном счёте «на разности комплексности»¹. Именно система отвечает на изменения внешнего мира, она стремится приблизить потенциал своей организации к тому потенциалу, который существует у внешней среды, максимально снизить разницу в мощности изменений. Однако это стремление всегда недостижимо, и ей приходится всё время выполнять некое «догоняющее действие» в отношении внешней среды: в погоне за редукцией комплексности она вынуждена или игнорировать, или реагировать на изменения среды, одновременно фиксируя изменения и внутри себя, и вне себя и сопоставить их. Выбирать необходимые операции, производить постоянное упорядочивание как структурных, так и функциональных элементов, снижать уровень энтропии и пр. Для этого Луман вводит понятие «структурные подсистемы», которые призвано описать механизмы, с помощью которых система проводит свой аутопойезис.

Понятие аутопойезиса является в теории Лумана одним из самых основных и широко известных. Это не авторское понятие, Луман позаимствовал его у У. Матураны, по сути, оно означает механизм самовопроизводства системы. Это означает, что система избирает и закрепляет в своей деятельности определенный тип операций, присоединиться к которым могут только операции такого же типа.

Аутопойезис – это процесс производства системы средствами самой системы и в собственных границах. Аутопойетическая система представляет собой тип структурно детерминированных систем, структура которых определяется в основном собственной структурой. Кроме того, такая структура должна производить избыток возможностей, поскольку она должна оставаться способной отвечать на вариативность окружающей среды. При этом аутопойетические систем никогда не остаются изолированными друг от друга, они по-своему сопряжены между собой.

Коммуникация, согласно Луману, является той операцией, благодаря которой и происходит процесс аутопойезиса, то есть, самовоспроизведение общественной системы. Она позволяет создать границу между самой системой и

¹ Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007. с. 174.

внешней по отношению к ней средой. Коммуникации сами воспроизводят другие коммуникации и, в этом вопросе Луман принципиально расходится во мнении с Хабермасом, для этого процесса воспроизведения системе не нужен никакой конкретный человек. Человека исследователь рассматривает как часть системы, работающую по её правилам: «не человек способен коммуницировать – коммуницировать способна лишь коммуникация»¹.

Это не означает, что коммуникация не нуждается в сознании человека, дело в том, что Луман рассматривает сознание тоже как часть системы, операционально замкнутой и настроенной на скоординированную работу по самовоспроизводству. При этом Луман убежден, что между собой сознания людей не соприкасаются, они остаются операционально замкнутыми, они не способны напрямую контактировать друг с другом, точно так же, как человек не способен напрямую контактировать с обществом.

Для этого всегда есть посредники. Луман объясняет это тем, что в структурном сопряжении «сознание-коммуникация» работают аутопойетические структуры. И сознание, и коммуникация являются по Луману аутопойетическими системами, а, следовательно, они имеют замкнутые границы, несмотря на то, что имеют корреляцию друг с другом и выполняют в социальной системе определенные функции и действуют в социальной системе скоординировано. Эти отношения совместной функциональности Луман назвал «взаимопроникновением» и выделяет два вида сопряжений коммуникации и сознания. Это «язык» и «схемы».

Язык шире сознания и, по мнению Лумана, функционирует, не подвергаясь психической рефлексии. Отдельный человек размышляет над набором слов, может обговаривать и комментировать способы выражения. Однако собственного типа оперирования язык не имеет, поэтому Луман не относит его к системам, он может быть выражен и в мышлении и в коммуникации, то есть, представляет собой некое связующее поле между ними.

¹ Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. С. 110.

Схемы (фреймы) – это своеобразные смысловые комбинации, в которых располагается социальная память. Социальное воспоминание, организованное в виде схем, имеет автоматическое сопряжение с сознанием, то есть, человек всегда понимает, что там зашифровано, включая нормы, ценности и соответствующий набор коннотаций. Схемы присутствуют в любом виде деятельности, они являются редукциями представлений о жизни, на них основаны стереотипы и шаблоны мировоззрения. Они применимы к любым типам меняющихся социальных и культурных ситуаций в рамках системы.

Коммуникацию Луман понимает как некое единство, состоящее из трёх обязательных частей: информация, сообщение и понимание. Ни один из этих компонентов не имеет приоритета или онтологической первичности в системе, само это единство, как полагает Луман, не является в обществе ни социально дедуцируемым, ни объективным. Объединяет их некий социальный медиум – смысл, который также не является ни объективным, ни субъективным. Он имеет интересубъективный онтологический статус и поэтому ни информация, ни сообщение, ни понимание в силу своей онтологической определённости не проявляют себя как какие-либо свойства мира, их специфику следует искать в переходе от одной коммуникации к другой.

Информацию Луман понимает также не совсем стандартно – он трактует её как неожиданный выбор из множества возможностей¹, изменяющей состояние перерабатывающей её системы. Чаще всего под информацией понимают некий транспортёр, медиум сведений об объекте. Для Лумана информация – не есть нечто стабильное и устойчивое, в ней изначально содержится некая произвольная компонента, пространство для изменения. И к тому же, она не самодостаточна в этом мире. Для того, чтобы возникла информация, должен сформироваться интерес, недостаточность, проблема нехватки знаний о чем-либо. Возникая, информация должна восполнить эту недостаточность, снять проблему, то есть, произвести изменений системы своим появлением и той операцией, которую она производит.

¹ Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. С. 74.

А вот сообщению Луман уделяет действительно скорее роль транспортировщика информации, проводника коммуникации во времени. Данное понятие гораздо менее нагружено, чем два предыдущие, оно отвечает в основном за пространственным и временным распространением информации и потенциально – за то, каким образом возможно это распространение.

Понимание в концепции Лумана – одно из важнейших понятий, которое следует дифференцировать от информации и сообщения. Понимание рождается в актах коммуникации и порождается ею же, то есть, структура коммуникации носит самореференциальный характер. Однако участникам коммуникации не очень ясно, как и когда возникает понимание, оно является необходимой частью коммуникации, но совершается одновременно с ней самой, то есть, она не может контролировать его, оно возникает как ответ сознания на коммуникацию и её логичным завершением. Собственно, возникновение коммуникации и означает, что данная коммуникативная операция завершена и может возникнуть переход к другой. Непонимание же как результат означает неуспешность данной операции и также, возможно, переход к другой операции, которая сможет восполнить предыдущую и прояснить непонятый смысл сообщений.

Содержательно оставаясь открытой для захвата, трансляции, ассимиляции и пр. сведений о мир, формально коммуникация как система, согласно концепции Лумана, остается закрытой.

Общество, согласно Луману, представляет собой целостную систему, состоящую из большого множества социальных систем, которые являются её функциональными частями. Коммуникация выступает в роли связующего звена между этими подсистемами.

В концепции Лумана человек теряет свое традиционное значение звена бинарной оппозиции «человек-общества», Луман также отказывается от различения «субъект-объект», на котором базируются многие социальные теории, он заменяет её структурным и функциональным противопоставлением системы и окружающего мира. С одной стороны, они разделены замкнутыми границами системы, с другой стороны, система не способна изолировать себя от

окружающей среды полностью и находится с ней в постоянном взаимодействии и информационного обмена. Дифференциация системы с окружающей средой происходит через систему аутопойетических операций, типологически повторяющихся и воспроизводящих друг друга.

Отечественные ученые, такие например, как В. Н. Гончаров, Г. С. Пшегусова, М. С. Каган, Е. Н. Юхвид¹ и пр., также занимались и занимаются исследованием того, в чем заключается сущность коммуникации. Чаще всего её связывают с информационной составляющей, хотя многие указывают на то, что эта часть коммуникации является не единственной и информационный обмен может деформироваться или даже прерываться под воздействием эмоционально-психической составляющей, например, стресса. Многие поддерживают теорию М. Маклюэна, который понимает коммуникацию чрезвычайно широко и коммуникационной деятельностью считает не столько информационный обмен, сколько установление связи вообще, какой бы то ни было, информационной или эмоциональной, достижение некой солидарности, «совместности» между людьми².

Таким образом, необходимо заметить, что хотя информационная теория и является удобной номологически-дедуктивной схемой для объяснения коммуникационных процессов, её никак нельзя полностью отождествлять с коммуникационной теорией, поскольку природа коммуникационных и информационных феноменов различна, а обмен информацией является важной, но не единственной частью коммуникационного процесса³.

Коммуникация, основанная исключительно на информации, может встречать на своем пути барьеры культурного – социального, политического, религиозного – характера, основанные на смысловых и семантических различиях

¹ Юхвид Е. Н. Социально-философский анализ информативно-коммуникативной системы общества в концепции М. Маклюэна: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2007. 157 с.; Каган М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М., 1988. 319 с.

² Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. Жуковский: КанонПресс-Ц; Кучково поле, 2003. С. 29.

³ Черникова Д. В. Коммуникация и управление в аспекте синергетики: дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2004.; Матяш О. И. Что такое коммуникация и нужно ли нам коммуникативное образование // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.russcomm.ru/rca-biblio/m/matyash01.shtml>

восприятия информации, на разных культурных ценностях, разных привычках, ритуалах, стереотипах, способах восприятия информации и иных составляющих мировоззрения. При наличии подобных барьеров даже понятная собеседникам информация искажает свой смысл, ценность, она перестает свободно циркулировать между людьми, и между ними не устанавливается та связь, которая была целью коммуникационной деятельности.

К атрибутивным составляющим коммуникации, как правило, относят общение и технокоммуникацию. Первое представляет собой исключительно субъект-субъектные отношения, второе – объект-объектные.

Всякого рода паллиации, например, «общение» человека с природой, имеют место в языке, однако эти взаимодействия категориально не могут быть типологизированы как общение, они скорее относятся к другим формам коммуникации, поскольку при общении должен происходить двухсторонний обмен информацией и сопровождающей её оценочно-эмоциональной составляющей. Смысл общения состоит в установлении двухсторонней межсубъектной связи и её поддержание.

В современном обществе вопрос о демаркации субъект-субъектных коммуникаций от субъект-объектных становится всё более сложным и относительным, поскольку помимо прочего речь идет о коммуникации с такой техникой, которая «научилась» самообучаться и самостоятельно продуцировать информацию. Вследствие этого возникает эффект, атрибутивно относящийся к сфере субъект-субъектного взаимодействия, когда агенты коммуникации способны вступать в диалог, обмениваться информацией, поддерживать связи, ограничивать и тактировать друг друга в этом процессе.

1.3. Социокультурный подход как базовый метод исследования социорегулирующей функции социальных сетей

Трансформации современной социальной структуры, теснейшим образом связаны с технологическим и информационным аспектом, и, тем не менее, имеют также социокультурный аспект. Более того, системными эти изменения стали называться по большей части именно по той причине, что, начинаясь как изменения сугубо технические и информационные, они очень быстро, стремительно охватили собой кроме экономической, также политическую, и социальную, и культурную сферы жизни общества. Эти общественные сферы, как утверждает ряд отечественных ученых, развиваются с разной скоростью, имеют собственную специфику динамики¹. Самой динамичной является экономическая сфера, которая способна полностью обновлять институты за период в 1-2 года. Самой медленной, соответственно, признается сфера культуры, в которой цикл изменений соотносим с 1-2 десятилетиями.

Поэтому вести речь о более-менее обоснованных системных изменениях можно только тогда, когда трансформация социальных институтов коснулась не только экономической сферы или политической, но и культуры. Нужно заметить, что динамика политической сферы лишь ненамного отстает от экономической, а иногда (что зависит от политического режима и типа экономики) соразмерна её или даже опережает по скорости изменений. Последнее можно проиллюстрировать примером СССР, где экономическая система находилась в подчинённом положении по отношению к политической и соответственно, здесь наблюдалась определенная инверсия динамики, которая вносила известные изменения и особенности в жизнь и быт советского общества. Политические решения были первичными по отношению к экономке, и это принудительное

¹ Аузан А. А Социокультурные коды в экономическом анализе // Журнал новой экономической ассоциации. 2013. № 1 (17). С. 173-176.

замедление далеко не лучшим образом сказывалось на экономике страны, равно как и принудительное ускорение и расширение политической сферы, управляющей не свойственными ей областями жизни, не самым лучшим образом влияло на эту жизнь и на функционирование политической сферы.

Начиная с середины XX века, современное общество в лице наиболее развитых западных стран, начало демонстрировать выраженную неэффективность иерархических моделей организации социальных структур. Появились новые способы коммуникации, возникших вследствие технологизации и информатизации общества, базирующиеся на новых горизонтальных связях. Вместе с этими новыми, более «короткими», горизонтальными связями и отношениями, начал наблюдаться эффект размывания социальной иерархии. Начало этого долгосрочного и далеко идущего процесса также было положено в экономической сфере, которая породила новый рынок – рынок информационных технологий и связанных с ним услуг, отраслей производства, новых информационных способов ведения экономической деятельности и т.д.

Политическая сфера через некоторое время откликнулась на происходящие в экономике изменения. Произошло это тогда, когда жесткие, вертикальные институты реализации политической власти начали демонстрировать нарастающую неэффективность и под влиянием умножающихся горизонтальных линий коммуникации стали постепенно отмирать, распадаться или демонтироваться. И заменяться на более подвижные, адаптивные и горизонтальные по форме. В каждом государстве реакция власти на происходящие изменения возникла в свое время и различалась и событийно, и концептуально. Но имела практически везде сходные последствия, что и позволило говорить о происходящем как о тенденции. Большинство политических лидеров западных стран под давлением горизонтальных структур, набравших политический вес, постепенно шли на уступки и позволяли обществу законодательно и фактически демократизировать государственную политическую машину.

Собственно, альтернативой горизонтальному перестроению и демократизации политической сферы для каждого конкретного государства было и остается обратное движение – усиление авторитарной политической власти, ужесточение карательных мер, принудительное разрушение и контроль тех сфер экономики и социальной жизни, развитие которых прямо или косвенно ведет к демократизации и ослаблению авторитарной вертикальной структуры.

Каждая из альтернатив имеет свои достоинства и недостатки. Вертикалью проще управлять, она необходима тогда, когда общество требует быстрых, жестких решений, мобилизации. Но вертикаль при её жесткости, гораздо менее устойчива, а ломка и разрушение этой вертикали чревато для общества серьезными потрясениями и даже катастрофами. Горизонтальные, демократические структуры гораздо устойчивее, они основаны на широком политическом участии граждан, однако они более инертны, поскольку гражданское общество готово оспаривать любое волюнтаристское решение власти и это существенно замедляет процесс управления. Такие горизонтальные типы управления могут проявить себя как неэффективные в тех случаях, когда ситуация требует быстрого незамедлительного или быстрого и непопулярного решения власти. Однако в долгосрочной перспективе они показывают себя как более эффективные, не дающие серьезных провалов, потому что опора на широкую поддержку общества уже является более существенным учётом его интересов, и закладывает перспективу для более успешных решений.

Информатизация открыла новые широкие возможности и ресурсы демократизации общества, немислимые для больших государств. Реальное пространственное расположение субъектов стало играть гораздо меньшую роль, информационная сеть объединила коммуникацию удалённых субъектов, поэтому появились новые способы учитывать и мнение рядовых членов общества, и обратную связь на политические решения, и повышать горизонтальную коммуникацию между самими гражданами государства.

Оказалось, что для решения множества проблем им не понадобилось, как раньше, прибегать к помощи государства, а достаточно было всего лишь

договориться между собой. С одной стороны, это позволяет существенно снизить нагрузку на государственные бюрократические структуры, с другой стороны, это лишает государство монополии на те или иные сферы деятельности. И это обстоятельство, в свою очередь, порождает, помимо реально ощутимой выгоды, ещё и некоторые проблемы. Например, снижение контроля за качеством услуг или мошенническими действиями. То есть, одновременно с расширяющимися возможностями, наблюдается и увеличение социальных рисков, связанных с самоорганизацией.

Изменение общества можно исследовать с помощью различных подходов: системного, структурно-функционального, аналитического и многих других. Современная социальная теория разработала довольно широкий инструментарий исследования объекта, включающего в себя двойную составляющую «общество-культура».

Начиная с классических трудов П. А. Сорокина, исследователи самых различных сфер начали замечать, что культура и социальная сфера могут проявлять себя по-разному. Иногда экономические и политические реформы удаются их авторам, а иногда при тех же технических и экономических условиях – нет. Каждая ситуация отличается социокультурной уникальностью, которой играют роль целые цепочки факторов. Иногда оказывается, что и технические, и экономические, и политические расчеты оказываются менее значимыми, чем отношение человека к обществу, доверие людей друг к другу, умение и желание людей договариваться между собой. «Социокультурный сдвиг» в понимании социальных процессов произошел тогда, когда исследователи начали замечать, что культура (ценностная диспозиция общества) может как ускорять, так и существенно замедлять любые социальные процессы.

Социокультурный подход основан на анализе тех ценностей, которые воздействуют на общество, поскольку все три аспекта исследования жизни общества – структурный, функциональный и динамический – напрямую зависят от ценностного основания поведения людей. Главная сложность данного исследования заключается в том, что в обществе нет единых ценностей, нет хоть

какого-либо ценностного консенсуса, не являющегося идеологической редукцией. Разные общественные группы и общности, даже возрастные группы единства являются носителями различных ценностей. И они очень противоречивы. Среди ценностей одного и того же общества оказываются и объединяющие и разъединяющие ценности (в культурном, этническом, территориальном или ином аспекте), ценности декларируемые, основанные на формальных практиках и представлении о должном и ценности «реальные», основанные на неформальных практиках и опыте¹.

Кроме того, ценности в обществе могут быть более-менее разделяемыми и оппортунистическими, принимаемыми и отторгаемыми, новыми, прогрессивными и устаревшими². Поэтому адекватное описание ценностной картины данного общества и ранжирование ведущих ценностных установок может быть очень эффективно для понимания того, насколько общество согласовано или рассогласовано в ценностном плане, и соответственно, насколько согласованы или рассогласованы ожидания людей разных социальных групп в отношении друг друга.

В свою очередь, это понимание необходимо для того, чтобы представлять себе, как общество накапливает и как расходует социальный капитал, поскольку последний формируется в состоянии «горизонтального» доверия людей друг к другу. Чем выше уровень социального капитала, тем выше потенциал развития общества. Поэтому исследование культуры и ценностей, влияющих на поведение людей – один из приоритетных вопросов в исследовании, посвященном процессу трансформации современного общества.

Сам по себе процесс трансформации общества, то есть, изменения его структур и функциональных особенностей этих структур, напрямую зависит от согласования ценностей. Кем бы ни был социальный субъект, инспирирующий данную трансформацию (личностью или коллективом), он действует в некой

¹ Липовцева Н.С. Сущность социокультурного подхода к анализу общественных и межличностных взаимодействий // Этносоциум. 2016. № 12 (102). С. 53.

² Красовский Ю.Д. Социокультурные основы управления бизнес-организацией. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 395 с.

ценностной среде, которая, в самом первоначальном делении либо нейтральна к его действиям, либо поддерживает его, либо противостоит его действиям. В первом случае эти действия могут просто поглощаться организационной средой, как происходило с некоторыми экономическими реформами начала 90-х годов, которые не были поняты населением России и угасли, даже не начавшись. (Породив, однако, долгосрочные последствия в виде выработки социального капитала и недоверия со стороны общества реформаторов данного направления.)

В случае поддержки среды действия субъект будет и эффективнее, и быстрее, и будут иметь долгосрочный эффект. Это происходит тогда, когда общество хорошо представляет себе, что именно происходит, люди одобряют эти изменения, считают их полезными и готовы нести как материальную, так и нематериальную ответственность за них.

Сорокин утверждает, что в обществе происходит постоянное сопряжение трёх основных параметров – связи человека, социума и культуры. В изучении этих связей рождается внимание к таким объектам как ценностный характер культуры, тип социальности, модели человека и пр. Однако в реальности эти три параметра неразделимы и напрямую определяют друг друга и представляют собой по сути одно целое.

Российский исследователь А. С. Ахиезер понимал социокультурную среду как некий надбиологический уровень жизни человека и его деятельности¹. Он уточняет представление Сорокина о связи культуры и общества и говорит о том, что они не едины, а различны, как по своей динамике, так и по своему воздействию на человека. Исходя из этого, социокультурная реальность представляет собой не просто результирующую, некое суммарное действие культурного и социального. Это всегда более сложное отношение, органическая целостность, в которой эти два вида общественного бытия тактируют друг друга, сталкиваются, могут выступать как протагонисты или антагонисты в зависимости от целого ряда причин. Общество нельзя рассматривать в отрыве от культуры,

¹ Ахиезер А.С. Социально-культурные проблемы развития России. М.: Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН, 1992. 82 с.

они вместе обеспечивают вариативность социального бытия, как в его материальном, так и в нематериальном аспектах. Изучать социокультурное нужно там, где существуют социальные противоречия, мощные противоположные тенденции, паллиативные, переходные состояния общественного развития, кризисы культурные катастрофы. Именно в эти моменты антагонизм культурного и с социального проявляет себя с наибольшей силой и именно в эти периоды наиболее заметно различие между ними.

В социокультурном подходе исследовательский фокус внимания сосредоточен не столько на структурных аспектах общества, сколько на связях между ними. Речь идёт о нормах, ценностях, правилах общественного бытия, запретах и стандартах поведения. И именно эти элементы социальной реальности предлагается считать системообразующими, поскольку они «воздействуют на механизмы личности в условиях взаимовлияния социальных систем и ценностно-нормативных структур культуры»¹.

Роль норм как социорегуляторов не столь проста и однозначна, как это может показаться на первый взгляд. Они противоречивы, сложны в истолковании, многочисленные социальные нормы пересекаются друг с другом, создавая в обществе нормативные и ценностные конфликты. Общество стремится к унификации норм, однако это практически невозможно, так же, как и полное уравнивание людей между собой. Искусственные идеократические попытки революционно уравнивать людей между собой часто приводят к обратному результату и вместо прогресса в жизни общества набирают силу процессы архаизации.

Тем не менее, несмотря на сложность исследования норм как социальных регуляторов, часто на них базируется изучение технологизации и информатизации как социокультурных процессов. По-видимому, этот процесс действительно понимается разными исследователями по-разному, его описывают

¹ Парсонс Т. О структуре социального действия. 2-е изд. М., 2002. С. 10.

с помощью различного методологического инструментария и выстраивают для его понимания разные многочисленные модели¹.

Как минимум, здесь можно выделить технократический, онтологический и социокультурный подходы, которые с разных сторон освещают данное явление. Авторами технократического подхода – Д. Дойчем, Ф. Хэмитом, М. Крюгером др. – новая информационная реальность в современном обществе понимается как искусственная сфера, созданная при помощи технических средств от которых зависит степень восприятия этой среды. Виртуальная реальность «относится к любой ситуации, когда искусственно создается ощущение пребывания человека в определенной среде»². Во многом этот подход представляется противоречивым, потому что представляет информационную реальность как автономную, и не слишком зависящую от социальных и культурных процессов. Авторы этой концепции нашли опору в экономической и технократической сферах, которые, как нами уже упоминалось выше, имеют намного более высокую динамику изменений. Эта высокая скорость часто не позволяет исследователям увидеть изменения, происходящие в социальной сфере, поскольку она при гораздо более медленной динамике кажется на фоне стремительно меняющихся информационных технологий почти статичной.

К тому же, технократическая среда противопоставляется исследователями эмпирической социальной реальности, что не совсем корректно с точки зрения логики. Разорвав эту искусственную «автономность» информационного мира и корректно вписав его в социокультурную реальность, можно получить гораздо больше атрибутов информационной реальности и закономерностей, выходящих за её непосредственные границы, более широкие, чем её технологическая составляющая.

Онтологический аспект информационной или виртуальной реальности исследовали в российской социальной теории Н. А. Носов, С. С. Хоружий и др. В рамках этого подхода информационная среда также определяется как

¹ Михайлова Л.И. Социология культуры : учеб. пособие. 4-е изд., доп. М., 2008. 396 с.

² Дойч Д. Структура реальность. Москва-Ижевск 2001 // Available at: <http://www.lib.ru/FILOSOF/DOJCH/reality.txt>

онтологически самостоятельная, либо, в другом варианте, она понимается как «неполноценное» бытие, созданное искусственно как технологическая редукция окружающего мира. Этот подход, как в первом, так и во втором варианте, чрезвычайно интересен, однако он не исследует непосредственно связь информатизации и общественных процессов.

Полнее на этом останавливаются представители социокультурного подхода. В социокультурном подходе объектом становится не сам процесс информатизации, а его органическая связь с другими социальными и культурными процессами, например, такими, как социализация, регулирование социальных статусов, качественные изменения жизни социальных общностей и пр. таким образом, границы как технологических, так и социальных и культурных процессов существенно расширяются и оказываются заметными связи, которые были не видны исследователю глазу. Так, например, феномены интернета или виртуальной реальности изучаются социальными теоретиками не столько как технологические явления, хотя и этот аспект очень интересен. Они исследуются как явления социокультурные, потому что способны существенно влиять социальные на практики и трансформировать сознание людей.

Одним из значимых теоретиков, своеобразно изучавшим феномен виртуальности, является Ж. Бодрийяр, сделавший основанием своего исследования феномен симулякра и подробно описавший, как количественное и качественное увеличение симулякров в обществе смогло до неузнаваемости изменить внешний облик общества. Бодрийяр полагает, что симулякр – это не столько ложный или искаженный знак, неверная копия референта, но знак, изначально его не имеющий. Это «то, что не имеет отношения к какой-либо реальности, чем бы она ни являлась»¹. Это объект гиперреализма, который лишен референта, который способен, однако, сам стать референтом, жить собственной жизнью, перестать «означать», и начать «быть» в общественной реальности.

¹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. Тула, 2013. Available at: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/bodr_sim/

Пространство, которое наполнено симулякрами, Бодрийяр называет «виртуальным», это особая среда, насыщенная самодостаточными знаками, ничего не означающими за её пределами. Симуляция захватила все сферы общественной жизни, пронизывает социальные институты, её становится всё больше в жизни человека, а свободной от неё реальности – всё меньше. И вот уже сама реальность постепенно растворяется в симуляции, расплывается в ней. Границы реального мира и виртуального стали условными и во многих случаях едва различимыми. Реальность стала синонимом реалистичности, жизнь стала пониматься как некий «текст», который можно интерпретировать и который, таким образом, оказался в зависимости от интерпретирующего субъекта.

Удвоение мира, по мнению Бодрийяра, породило гиперреальность, некую подвижную картину образов, спектакль, объекты которого лишены онтологического основания, но имеют другие – аксиологические, эстетические, моральные и пр. Символическая реальность нестабильна, эстетизирована, она является даже не образом реального мира, а его аллюзией. Эта гиперреальность не имеет других стандартов, чем те эстетические и ценностные предпочтения, которые заложены в сознании зрителя: если образы «нравятся», они тем самым продляют свою жизнь, если нет, то они ничем больше не удерживаются в этом мире и обречены на исчезновение.

Причём, вполне закономерно, что эта сфера эстетической, и гиперреальности, которая по ощущениям современного человека бывает более реальной, чем сама жизнь, не автономна от сферы повседневного, а пронизывает её насквозь. Бодрийяр представляет её не имеющей границ, как некую галлюцинацию, которая утратила изначальный смысл¹. Для описания симуляции даже не совсем правильно пользоваться онтологическими пространственными метафорами, она – не сфера, не пространственная часть мира и общества. Это скорее ситуация, в которой социальные субъекты – индивидуальные и коллективные – порождают многочисленные символы, не имеющие

¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть // Ж. Бодрийяр. М.: Добросвет, КДУ, 2015. С. 149.

онтологического основания. Эти символы не могут опираться ни на что иное, нежели на согласование друг с другом.

Когда этих символов становится очень много, их количество начинает переходить в новое качество, что на практике означает возникновение новых социальных институтов, регламентирующих и нормирующих действия людей в новой реальности. И это означает начало нового качества социальной жизни, которая перестает быть в своём прежнем состоянии и перерождается в новом. Виртуальная реальность перестаёт называться «квазиреальностью», её статус «ложной», вторичной, постепенно утрачивается и сменяется новым статусом, более и качественно позитивно определенным. Часто это новое качество пытаются передать через понятие «информационное», хотя оно тоже несовершенно. М. Кастальс описывает информационное (или, точнее «информационное») общество как пережившее технологическую революцию и сменившее вертикальные институты на горизонтальные¹.

Изменения прежде всего, касаются коммуникации, которая выстраивается в обновленном социальном пространстве по сетевому принципу. Социальная сеть, как разновидность сетей, также действует согласно бинарной логике: она включает людей в коммуникационный процесс и исключает их из него. Сеть вбирает в себя некое множество единиц и не рассматривает то, что находится за её пределами, она самодостаточна, обновляется. Она гораздо более устойчива за счет своей подвижной и адаптивной структуры, её членами становятся добровольно, люди, включенные в сеть, вовлечены в её деятельность, они участвуют в её жизни и заинтересованы в её дальнейшем существовании, они находят в такой коммуникации свою выгоду.

При этом вполне понятно, что горизонтальная коммуникация, которая пришла на смену вертикальной и иерархически структурированной, также основана на определённых нормах и правилах поведения. Эти нормы несколько отличаются от этикета «вертикальной» коммуникации. Сетевой этикет (так

¹ Кастальс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 795 с.

называемый «сетикет») – это набор неформальных правил, которые устанавливаются и разделяются участниками сетевой коммуникации в рамках виртуального сообщества. Эти правила как регулятор отношений внутри сети на сегодняшний день остаются неформальными, то есть, не имеющими юридического статуса. Однако они обладают силой, достаточной для исключения нарушителя из процесса коммуникации, что само по себе является существенной санкцией для того, кто рассматривает как ценность возможность быть включенным в данное сообщество.

Виртуальная и социальная реальность переплетаются друг с другом, не взаимоисключают, а дополняют друг друга, взаимодействуют на основании ценностного фундамента культуры данного общества. На первый взгляд парадоксально, но коммуникационная сеть не стала источником социальной изоляции для своих членов, она не только не отделяет их от остального, не вовлечённого в сеть общества, но и напротив, способствует уплотнению социальных связей и отношений, прямо или косвенно способствует вовлечению в себя всё большего количества участников.

Сетевая коммуникация открыта для своих членов многочисленные преимущества, которые повысили её ценность в их глазах. Например, благодаря техническим средствам она практически позволила игнорировать расстояние между собеседниками, сегодня очень многие коммуникационные действия в бизнесе, образовании, науке и других сферах, включая повседневную жизнь и обмен опытом, можно совершать онлайн и не чувствовать себя дискомфортно. Также, горизонтальная структура сети во многом уравнила между собой людей разного социального положения и открыла для самых разных членов сетевого взаимодействия возможность «присутствия» при принятии важных политических, экономических и иных решения, дала возможность участвовать в обсуждении наблюдаемого и происходящего, высказывать свое мнение. Конечно, это не абсолютно, в любой сети существует ограничение доступа, наказания нарушителей, закрытые и платные группы и т.д. Но эти ограничения всё же

гораздо меньше, нежели те, которые объективно существовали до возникновения сети.

Социокультурный подход также показал себя как методологически эффективный инструмент исследования нелинейного прогресса, характерного для динамики современного общества. Начало изучения нелинейного прогресса было положено в XIX веке в работах Н. Я. Данилевского¹ и К. Н. Леонтьева², которые противостояли европоцентризму классического взгляда на историю и обосновали теорию культурно-исторических типов. Суть этой теории заключается в том, что каждый народ имеет собственную автономную культуру, каждая из которых имеет право на существование и, образуя самобытный культурно-исторический тип, самоценна и самодостаточна. Эстетическая, этическая, конфессиональная и иная несхожесть бытия различных народов только подчеркивает ценность каждой из национальных культур. Хотя, нужно признать, Данилевский всё же производит ценностное ранжирование культурно-исторических типов, разделяя их на народы-«положительные деятели в истории человечества»; «народы, несущие разрушительное начало в истории»; народы, не несущие ни положительного, ни отрицательного начала в истории. Последние составляют, по мнению Данилевского, этнографический материал, не имеющий исторической индивидуальности³.

Леонтьев полагает, что в истории действуют два равновеликих центра активности – культура и человек. Культуру формирует и поддерживает социально-историческая общность, она малоподвижна, инертна, Леонтьев называет её «историческим роком». Человек же, напротив, представляется у исследователя как центр и начало свободы от этого исторического рока. Человек способен противостоять инерции истории, сбрасывать с себя иго культурной

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. Изд. 2-е. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.

² Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. М.: Республика, 1996. 427 с.

³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. Изд. 2-е. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.

детерминации и следовать в своих поступках исключительно по своей воле и желанию, на благо себе и обществу или нет¹.

Исследователи утверждают, что, поскольку каждая культура автономна и самодостаточна, то нет единого идеального, эталонного способа организовывать экономику, политику или сферу духовного бытия. Нет и не может быть народа, который мог бы стать абсолютным примером для остальных. Отсюда следует и то, что сами концепции культуры, описанные Данилевским, не могут претендовать на истинность и являются отражением национального способа понимать культуру, наилучшим образом улавливать её национальные особенности и отвечать её интересам.

В середине XX века методология и теория социокультурного подхода были сформулированы в работах П. А. Сорокина, посвященных социокультурной динамике. Данный исследователь опирался на многочисленные классические источники, например, определение культуры, данное в XVIII веке И. Гердером в труде «Идеи к философии истории человечества». Гердер понимает культуру как ценностную сферу бытия человека, и Сорокин в целом придерживается этой точки зрения. Впервые именно Сорокин начинает описывать несинхронность развития культуры и общественных структур. Специфика исторических процессов складывается на основе взаимодействия социальной динамики с культурной сферой. Последняя способна ускорять процессы, происходящие, например, в экономической сфере. Или замедлять и гасить эти процессы. Это зависит в основном от того, совместимы ли они с теми ценностями, ожиданиями и социальными запросами, которые на настоящий момент являются актуальными для общества.

Причем, картина усложняется оттого, что ценности, исповедуемые обществом, почти никогда не бывают согласованными. Они всегда противоречивы и многообразны, отражают мнение многочисленных социальных групп, общностей и пр. И находятся в подвижном, нестатичном состоянии. В политической сфере лучше всего это заметно по многопартийным системам, где

¹ Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. М.: Республика, 1996. 427 с.

каждая партия, противостоящая в политическом процессе другим и конкурирующая с ними, является выражением социальных ожиданий и идеалов тех или иных групп людей.

В российской социальной теории социокультурный подход также представлен трудами Н. И. Лапина, полагавшего, что социокультурный подход является средством объединения цивилизационного и формационного подходов в исследовании общества. Исследователь показывает, что принципы социокультурного подхода – «принцип активного человека, принцип взаимопроникновения культуры и социальности; принцип антропо-социетального соответствия; социокультурного баланса, а также принципы симметрии и взаимобратимости социетальных процессов»¹ – предполагают интеграцию и единое рассмотрение трёх сторон общественного бытия – жизни человека, культуры и общества. От изменений каждого параметра: интеграции человека с обществом, от типа культуры, от устойчивого или, наоборот, подвижного характера социальности – зависит и конечное понимание исследуемого общества. И любые частные параметры в экономике, социальной или политической сфере могут зависеть от соотношения этих трёх сторон общественной жизни, поскольку именно они определяют ценностные диспозиции в данном обществе. Любые попытки исследовать соотношение традиций и инноваций в обществе, считает Лапин, так или иначе, упираются именно в это триединство.

Российский философ А. С. Ахиезер понимает под социокультурной характеристикой любую надбиологическую. Оппонируя П. А. Сорокину, он предложил понимать культурное и социальное не как единство, но как систему, в которой взаимодействие происходит по определенным правилам, а сумма частей системы не равна органическому целому. Это новое, эмерджентное качество надсуммы и обеспечивает дифференциацию и единение социального и культурного уровней жизни общества. «Социокультурное», по Ахиезеру, проявляется не в интеграции социального и культурного, а в противостоянии,

¹ Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М.: ИФ РАН, 2000. 195 с.

поскольку именно противостояние обеспечивает обществу и вариативность и, в конечном счете, адаптивность к обстоятельствам и устойчивость.

В России социокультурный подход также связан с именами Л. С. Выготского, А. И. Ракитова, В. С. Библера, М. С. Кагана, Б. С. Ерасова, В. С. Степина и др. На сегодняшний день это многоплановый, широко разработанный инструментарий теоретического исследования общественных отношений в современном обществе в ценностном контексте. Он варьируется для каждого исторического периода и изучаемого общества, поскольку не только социальные структуры имеют множественные различия в структуре, функции и динамике. Различаются между собой также и точки зрения на эти структуры, подходы к их исследованию. И социокультурный подход должен учитывать эти ценностные вариации как значимый аксиологический контекст.

Таким образом, информация как специфический тип ценности и социальный регулятор, образует собственный цикл организации и детеминирования общества, настраивающий индивида на связь с обществом, а общество – на учёт индивидуальных запросов. Тем не менее, информация – не является безусловной ценностью, первичной по отношению к антропологическим, она выполняет лишь медиальную, инструментальную роль. Её действие в социальном пространстве может быть оценено и как «полезное», и как «вредное» для человека. Ввиду ограниченных возможностей рационализировать и прогнозировать роль, механизмы и последствия действия информации, она обретает многочисленные негативные и позитивные проекции в социальной теории, часто взаимоисключающие. Инструментарием для их осмысления и описания обладает социокультурный подход, который находит связи разноуровневых «реальных» и «феноменальных» элементов социальной жизни, от материальных объектов до intersubjectивных ценностей и единичных, уникальных феноменов интрасубъективного характера. Социокультурный подход может представить аксиологический механизм действия информации как движение от абстрактных культурных форм к конкретному состоянию социокультурной системы.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ИНФОРМАТИЗАЦИЮ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

2.1. Изменение субъекта современного общества в структуре социальных сетей

Человек, активно включенный в социальную сеть, так или иначе, сталкивается с тем, что объём коммуникации в его жизни становится больше. Но социологические и иные способы исследования коммуникабельности людей парадоксальным образом утверждают, что навык общения при этом современные люди теряют в массовом порядке. Происходит довольно неожиданная трансформация способности коммуникации: виртуальное общение становится особым языком встречи незнакомых людей, и правила этого общения, несколько отличающиеся от правил реальной коммуникации, изменяют не только само общение, но и субъектов, коммуницирующих друг с другом.

Психологи, антропологи, философы и другие специалисты, исследующие современного человека из разных стран, с тревогой отмечают, что сетевая коммуникация вносит свои коррективы в поведение социального субъекта. С одной стороны, в сетевом общении есть несомненная положительная сторона: человек получил доступ к большим объемам информации, он может самосовершенствоваться и развиваться, практически не выходя из дома. Сетевое общение может быть прекрасной компенсацией дефицита реального живого общения для инвалидов, одиноких пожилых людей, людей, склонных к социофобии и имеющих проблемы с общением.

С другой стороны, выяснилось, что большое количество людей склонны к зависимости от социальных сетей и, по факту, они проводят в них гораздо больше времени, чем это необходимо для нормального удовлетворения потребности в коммуникации. Российские пользователи социальных сетей занимают в рейтингах одни из первых мест по количеству времени, проводимого в сети. Часто в ущерб

сетевому общению приносится не только досуг, но и рабочее время, и время общения с детьми, время, необходимое для отдыха и сна. В результате такое сетевое общение негативно сказывается на здоровье, состоянии нервной системы, реальном общении с семьёй, родственниками и друзьями, с детьми. Усталость, хроническое недосыпание, плохое самочувствие, тревожность, раздражительность, утрата работоспособности – частые спутники людей, проводящих много времени в интернете и в социальных сетях.

В зоне риска интернет зависимости и зависимости от социальных сетей по большей части оказывается молодёжь, поскольку молодые люди менее пожилых способны правильно организовывать свое время, но лучше могут овладевать техническими возможностями сетевого общения¹. Сеть привлекательна для молодежи и детей не только возможностями коммуникации. Интернет предоставляет обилие развлекательного и игрового контента, владельцы которого стремятся втянуть как можно больше пользователей в сеть и всеми возможными способами удерживать их там².

Однако резкая негативация, и «демонизация» социальной сети тоже представляется не вполне адекватной и избыточной, потому что возможности интернета можно использовать по-разному, а принципиальная выгода от его существования огромна. Люди получили возможность всесторонне обучаться и культурно развиваться на дому, обмениваться опытом, посещать виртуальные выставки, музей, концерты, дистанционно «присутствовать» на собраниях, тренингах, лекциях, что сильно упрощает процесс коммуникации для тех, кто по разным причинам ограничен в передвижении.

Очевидно, что социальные сети изменяют не только человека, они оказывают влияние на все сферы общественной жизни: с экономической точки зрения в социальных сетях размещаются мощные маркетинговые площадки, в политическом отношении эти места массового «скопления» людей также

¹ Губанов Д.В., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления, противоборства. М.:ФИЗМАТЛИТ, 2010. 228 с.

² Андреева О. С. Социальные сети как пространство для репрезентации повседневности современного человека //News of Science and Education. 2017. Т. 5. № 3. С. 65-68.

используются в самых разных целях – национальных, религиозных, культурных и пр. В сети распространяются одновременно и многочисленные провокации, формирующие национальную вражду, ненависть, экстремизм, и программы урегулирования этих конфликтов. Между собой постоянно сталкиваются многочисленные представители запрещенных течений, те, кто борется с ними, отслеживая нарушителей и обеспечивая, таким образом, национальную безопасность, те, кто исследует происходящие процессы и те, кто просто наблюдает со стороны. Попадая в сеть, человек невольно включается в круговороты обсуждений, мнений, сопереживаний, отвержений наиболее актуальных событий своего общества и всего мира. Разумеется, внутри социальной сети есть сообщества, сформированные по профессиональному признаку, где идёт обсуждение специфических проблем, например, медицинские страницы, связанные с искусством, живописью, литературой или религией. Однако часто они не имеют абсолютных границ, обычный средний пользователь сети может входить в них и выходить, участвовать в обсуждениях и пр.

То, что социальные сети гораздо привлекательнее для людей, чем любые образовательные порталы, легко объяснимо с психологической точки зрения. Любые высказывания комментаторов в сети условно распадаются на факты и мнения. Факт – это скорее безэмоциональное, содержательно насыщенное, но эмоционально нейтральное высказывание. Мнение, напротив, эмоционально окрашено, оно выражает заинтересованность человека в проблеме¹, и также способствует формированию парадокса зависимости и квазиобщения.

Феномен зависимости от социальных сетей (аддикция) неоднократно исследовался как зарубежными, так и российскими исследователями. В 90-х годах можно назвать труды К. Янга, Д. Гринфилда², в 10-х годах – авторитетные работы К. Мюррея³, А. Е. Войскунского, Л. Н. Бабанина, В. В. Шавамиш⁴ и др.

¹Харланова Ю. В. Феномен эмоциональной привязанности между людьми в социальных сетях // Научная мысль. 2015. № 5. С. 65-75.

²Янг К. С. Диагноз – интернет-зависимость // Мир Интернет 2000. № 2. С. 24-29; Griffiths M. Internet addiction: Faet or fiction? // Psychologist. 1999. V. 12(5). P. 246-250.

³Мюррей К Интернет-зависимость с точки зрения нарративной психологии // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А. Е. Войскунского. М. 2000. С. 132-140.

⁴Шавамиш В. В. Зависимое поведение школьников. СПб., 2001. 208 с.

Ученые выделили несколько доминантных направлений изменения сознания пользователя социальных сетей. Во-первых, формируется зависимость от самого компьютера, то есть, человек как можно больше видов деятельности стремится перенести в компьютер. Он фактически начинает «жить» возле компьютера, обучается, работает, развлекается в нём, общается, решает бытовые проблемы, узнает новости из компьютера. Компьютер становится центром, вокруг которого вращается жизнь человека.

Во-вторых, важной доминантой, формирующей изменение социального субъекта, становится постоянная информационная перегрузка, сопровождающая человека круглые сутки. Именно она становится основной причиной формирования так называемого «клипового мышления», столь яростно порицаемого российскими исследователями в 10-х годах XXI века.

Нужно понимать, что «клиповое мышление» – не причина, а естественное и закономерное следствие информационной перегрузки, при которой сознание человека делает максимум возможного для того, чтобы охватить объем предложенной информации, но, будучи не в силах справиться с этой задачей, отсекает глубину постижения информационных блоков и оставляет только самый редуцированный смысл. Или даже одну эмоциональную краску, редуцируя остальное.

Получается достаточно интересный эффект знакомства с информацией, о котором знает любой современный интернет-серфер: человек спустя непродолжительное время не может вспомнить содержание статьи, прочитанной в интернете, но прекрасно помнит, «нравится» она ему или нет. Тем более, что для выражения эмоций есть специальные интернет-средства, позволяющие делиться эмоциональным переживанием с другими.

В-третьих, важной доминантой является зависимость от виртуальных отношений, то есть, дистанционной коммуникации в чатах, социальных сетях. Такое общение эмоционально насыщает человека и может приводить к снижению его реальных контактов с семьёй и друзьями, замещать важное общение человека

с реальными собеседниками¹. Зависимость россиян от квазиобщения с бывшими одноклассниками и однокурсниками, демонстрации фотоматериалов о своей жизни и жизни семьи, а также зависимость от «киберсекса» стала настолько актуальной проблемой, что иногда превышает время и трафик для исполнения профессиональных обязанностей². Именно поэтому в России стала нередкой ситуация, при которой администраторы рабочих сетей вынуждены блокировать доступ в популярные сетевые ресурсы.

В ответе на вопрос, как именно изменяется социальный субъект под воздействием сетевой коммуникации, важным можно считать вопрос о том, чем именно привлекает его это сетевое общение. Чем оно представляется выгоднее реального. В этом смысле человек удовлетворяет несколько важных потребностей, дефицит которых часто бывает замечен в реальном мире.

Прежде всего, это *потребность в информации* и желание человека быстрее других оказываться в курсе происходящих событий. Это касается как событий общественных, политических, культурных, которые пользователи социальной сети получают фактически раньше других и не в такой однозначной идеологической интерпретации, как телезрители. Это касается и личных событий, потребность в которых человек испытывает постоянно. Ценность восполнения этой потребности состоит в том, что человек фактически может проживать не свою жизнь, сопереживать событиям «близкого» человека, но делать это безопасно, не вовлекаясь в эти события и не затрачивая при этом драгоценные ресурсы времени, сил, финансов и пр. Человек заменяет реальные переживания чужими событиями и переживаниями, обсуждает слухи и сплетни, создает собственные события и привлекает к себе внимание, компенсируя таким образом проблемы собственного карьерного роста, семьи, отношений с родственниками и пр.

Кроме того, люди просто нуждаются в совместном действии, совместном выражении гражданской позиции, одобрении или осуждении действий

¹ Шалимов А. Б. Человек в социальных сетях // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 9 (29). С. 50.

² Реуцкий М. Социальные сети: парадокс зависимости и квазиобщения <http://psyfactor.org/lib/web-4.htm>

политических лидеров, событий, происходящих в разных странах и городах. Сами по себе факты им может предоставить интернет, но сеть или телевидение справляется с другой задачей – интерпретация событий, которые зачастую человек сам «понять» не может. Эту объяснительную задачу выполняет или телевизор, если человек привык полагаться на него, или социальная сеть, где она будет выполняться не столь однозначно и более сложно. Но если человек уже адаптирован в социальной сети и имеет постоянный круг общения, то и интерпретация событий тоже будет для него достаточно предсказуемой.

Из этой потребности в событиях вытекает важная *потребность в психологической стимуляции*. Интерес незнакомых людей к созданному имиджу повышает самооценку человека. Нередко общение сопровождается многочисленными, похожими на ритуальные, обмнами комплиментами и «поглаживаниями» виртуальных собеседников.

Кроме того, человек может искать в социальных сетях психологическую помощь, утешение, если реальная жизнь насыщена конфликтами, стрессами, непонятными и пугающими событиями, например, переезд в другой город или страну, смена социального статуса, работы и пр. Виртуальные собеседники из социального сообщества вполне могут выступать в роли стихийных психотерапевтов, выслушивая, эмоционально вовлекаясь, давая какие-либо советы, поддерживая нуждающегося. Или даже могут начать принимать участие в этом событии, переходя из разряда виртуальных друзей в разряд реальных. Потребность в психологической стимуляции, а также признании бывает столь сильной, что если виртуальные друзья начинают активно дополнять друг друга и делают это достаточно долго, у них часто появляется потребность перейти на другой уровень взаимоотношений и встретиться для общения по-настоящему.

Очень важной потребностью, удовлетворяемой в социальных сетях, можно считать *потребность в профессиональном или ином признании*. Люди выкладывают на всеобщее обозрение любые достижения, которые были совершены ими или их детьми, вплоть до быта или культурного досуга, ожидают и ожидаемо получают признание от своих виртуальных друзей. И компенсируют,

таким образом, нехватку внимания и уважения со стороны собственного дальнего и ближнего окружения.

Кроме того, современный человек находит преимущество от собственной анонимности в сети и может получать удовольствие от смены идентичностей. Говорить на сложные темы, высказываться на волнующие, но болезненные темы для множества людей бывает проще в режиме анонимности, где они не скованы социальными ролями, обязательствами и связями.

Заслуживающей внимания является такая особенность современного человека как его *потребность во внешнем структурировании времени*¹. Теоретики постмодерна, в своё время много писавшие о том, что человек модерна, преодолев жесткую коллективность ритуала, заменив ритуал процедурой, получил ориентацию с долгосрочной перспективы на краткосрочную, соразмерную его собственной жизни. Следовательно, должен был научиться самостоятельно структурировать и контролировать своё время и перестать столь остро нуждаться во внешней конвенциональной организации собственной жизни².

Этого однако не произошло в той мере, в какой предсказывали исследователи. Избавленный от ритуала целым рядом событий и социокультурных перемен, современный человек почувствовал одиночество, новую нехватку внешней организации, полученная свобода начала его тяготить и он начал искать разные способы опять делегировать обществу эту ставшую тяжелой обязанность самостоятельного структурирования времени.

Отчасти эту задачу выполняет коллектив и ближайшее окружение, семья. Но проблема в том, что современная семья также утратила необходимую иерархическую жесткость и не может выполнять эту задачу в полном объеме. В современном обществе культурная ситуация такова, что молодежь бывает более технически развита и инновационна, чем люди старшего поколения, а

¹ Бабыкина Н. Н. Парадигма времени в обществе постмодерна // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 7. Ч. 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/07/55137> (дата обращения: 02.06.2017).

² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 52.

следовательно, безусловного авторитета у старших уже нет.

Коллектив также отчасти выполняет эту задачу структурирования времени, более того, появились новые виды коллективов, которые частично принимают на себя функции семьи (особенно это касается корпораций, прямо называющих себя «семьей»). Они успешно справляются с функцией организации времени, тем более, что влияние такого трудового коллектива распространяется далеко за пределы рабочего кабинета и выходит за рамки рабочего времени. Корпорация организует совместный досуг, праздники, времяпровождение, обучает и развлекает детей работников, то есть, функционирует именно как большая патриархальная семья, в которой строго распределены ролевые позиции, обязанности и права. Но инструментально такой коллектив не может справиться исключительно с помощью процедуры, он снова обращается к ритуалу, которым начинает окружать человека в работе, общении, проведении досуга и пр.

Такие ритуалы корпоративной культуры достаточно хорошо описали исследователи современного западного менеджмента, в целом они распадаются на три большие группы: «ритуалы поощрения», «ритуалы порицания» и «ритуалы интеграции», корпорации вводят сложные системы «бонусов», которые даются не за прямое выполнение должностных обязанностей, а за следование корпоративным ритуалам и правилам. Бонусы могут быть как материальными (прибавка к зарплате), так и нематериальными (публичная благодарность, повышение в должности), но они отвечают потребностям работников и являются желанным вознаграждением. Штрафы также выполняют роль отрицательного бонуса, причем, его можно получить, хорошо выполняя свою работу но игнорируя корпоративные порядки (например, нарушая дресс-код или установки на «экологичность» поведения). Ритуалы интеграции – это корпоративное проведение времени – собрания, семинары, самые разные курсы для сотрудников, совместные занятия спортом и обучение, помогающие управляющим корпорацией сближать сотрудников друг с другом (а заодно и лучше контролировать их посредством внутреннего контроля). Ритуалы корпорации призваны прямо декларировать её ценностные ориентации, они должны

постоянно, на уровне условных рефлексов напоминать работникам о правилах поведения и стимулировать взаимозаменяемость работников и их тесную интеграцию.

Корпорация также, вместе с ритуалом, порождает и собственные мифы (например, о том, как геройски преодолевались командой работников те или иные проблемы), у неё есть собственные герои, мифологизированная и героизированная история и пр. Сила корпоративной культуры достаточно велика и устойчива, поскольку передаётся не столько официально (формально), сколько неформально, в совместном общении работников между собой. Вновь прибывший работник скорее узнает мифы и героев корпорации не из официальных постеров, а сходяв на несколько совместных обедов со своими коллегами.

По сути дела, корпоративная культура восполняет те же потребности, перечисленные выше, что и сетевая культура. Однако способ организации – иерархическая вертикаль, человек, оказываясь в этой структуре, имеет гораздо меньше свободы передвижения, его место в организации строго фиксировано, фактически, ему малодоступна горизонтальная мобильность, он может перемещаться только вниз или бороться за продвижение вверх по корпоративной лестнице.

При несомненных позитивных моментах такой иерархической организации, корпорации время от времени сталкиваются с обратным эффектом жестко структурированной системы – правила и нормы «цементируются», внедрять новые способы мышления и инновации работникам становится практически невозможно, попытки изменить мотивацию, ввести новые правила воспринимаются (особенно пожилыми работниками) буквально как покушение на устои корпорации и вредительство. Тем не мене, современное производство, основанное на непрерывном цикле инноваций, ни в коем случае не должно позволять себе настолько «окаменеть», поэтому менеджеры сталкиваются не только с проблемой максимальной интеграции работников, но и со встречной задачей – а сделать всю эту иерархию более подвижной, разборной, чтобы время от времени можно было проводить реновацию, заменяя не только материальные или человеческие ресурсы, но и ценностные, духовные, которые, как известно,

являются наиболее ригидными и малоподвижными как в маленьких коллективах, так и во всем обществе.

Менеджеры сталкиваются с проблемами, когда понимают, что люди в принципе готовы расставиться с чем угодно – старым оборудованием и помещениями, технологиями, старыми коллегами, способами оплаты труда. Но, парадоксальным образом, часто бывают не готовы расстаться со старыми привычками, лозунгами, мифами и ритуалами.

Изучение корпоративной культуры и её влияние на современного человека довольно глубоко проработано на западе, где есть традиции длительного существования корпораций и можно наблюдать развитие взаимоотношений работников в длительной динамической плоскости. В России ситуация несколько иная, в течение XX века российское общество пережило большое количество серьёзных потрясений, в плане организации производства часто вынуждено было перестраиваться и фактически начинать «с нуля». Созданием и длительным поддержанием корпоративной культуры никто не занимался целенаправленно, важно было решать более насущные проблемы политического и экономического характера. Возможно поэтому корпоративная культура оказалась в России не столь развита и не настолько изучена, чтобы о ней можно было вести речь с точки зрения её влияния на сознание российского человека. В России, по-видимому, больший удельный вес приходится не на профессиональные или корпоративные сети, а на социальные сети для общения, сайты для знакомств, торговые сайты и сети по интересам (сайты путешественников, меломанов, киноманов, религиозные страницы и пр.).

В целом, можно заметить, что социальная сеть, удовлетворяя все вышеперечисленные потребности современного человека, по сути, удовлетворяет самую актуальную потребность – в самопрезентации. Заходя в сеть, человек выходит за границы своего обыденного бытия, что само по себе является интересным и необычным занятием, привлекательным с точки зрения преодоления самого себя и своей тождественности самому себе. В сети человек это тождество разрывает, он становится избыточным по отношению к себе, он

реализовывает собственные фантазии относительно того, кем он хотел бы быть и, убеждая в этом собеседников, он эту идентичность себе присваивает. Кроме того, в социальной сети человек имеет возможность выбирать себе собеседников, пренебрегая наиважнейшим фактором дистанционной удалённости. Если более-менее решен вопрос с языковым барьером, то можно попытаться пренебречь даже культурным барьером, то есть, так составить список виртуальных друзей в социальной сети, что они будут принадлежать другой культуре, конфессии, государству, возрастной или иной группе.

Ограничений, которые налагает на пользователя сеть, не так уж много, есть правила виртуального общения и в принципе, соблюдая их, можно попадать в самые разные сетевые сообщества и позиционировать себя в них тем или иным образом. Более того, современная сеть уже имеет специальные разделы, адаптированные специально для детей-дошкольников, где они получают первые навыки сетевого общения (они отличаются от взрослых сетей наличием игрового контента и тем, что правила общения в таких детских сетях гораздо более строгие, чем во взрослых, так как способности детей к самоограничению более низкие и их необходимо контролировать извне).

Сетевые сообщества создают иллюзию того, что в них царит безграничная свобода самовыражения и творчества, интеллектуальной и личностной независимости. Для людей с ограниченными по разным причинам возможностями эти сообщества в России часто остаются единственным шансом заявить о себе. Инвалиды, ограниченные в передвижении, в сети могут получить как образование, так и работу, не выходя из дома¹. Кроме того, есть специальные группы, где инвалиды и люди с ограниченными возможностями могут получить помощь и моральную поддержку, познакомиться с интересующими их людьми, найти собеседников для разговора на специальные темы, получить советы профессионалов и тех, кто имеет подобный опыт. Также достаточно популярными для людей с ограниченными возможностями являются группы, где они могут

¹¹ Анпилогова К. А. Положительное влияние социальных сетей на социализацию и развитие людей с ограниченными возможностями // Интеллектуальный потенциал XXI века: степени познания. 2012. № 10-1. С. 129-131.

знакомиться и находить себе спутников жизни, творчески развиваться, реабилитироваться и проходить социализацию, постигать нормы и ценности социального взаимодействия, фактически без ограничений.

Для индивидуального социального субъекта мотивация создания и участия в работе социальных сетей в основном вращается вокруг ценностной интеграции и самореализации, основанием для чего служит солидарность, совместность носителей одной культуры.

Для коллективного социального субъекта, общества, социальные сети являются важнейшим источником *социального капитала*, коллективные взаимодействия нарабатывают важнейшие ресурсы для внутренней интеграции общества – доверие, общие интересы, консенсус по самым разным, политическим и социально экономическим вопросам. Ещё более актуальным это представляется для России, в которой фактически нет публичных площадок для дискуссии различных слоёв населения. Возможно именно поэтому российские социальные сети столь политизированы и обсуждения в них часто принимают острый характер. Сеть для среднего россиянина фактически стала единственной институционализированной площадкой, где происходит коллективная дискуссия и его голос может быть услышан представителями других социальных слоёв.

Социальный капитал мы, вслед за отечественными исследователями, понимаем как «продукт объективации социальных отношений, позволяющих агентам в процессе их взаимодействия вступать в противоборство или же сотрудничать с целью завоевания доминирующих позиций в социальном поле (пространстве)»¹. Сеть также полезна для общества тем, что позволяет группировать, институционализировать взаимодействия людей, она представляет собой современный *социальный лифт* как для индивидуального, так и для коллективного субъекта, который может как повысить его социальный статус, так и представиться доступ к необходимым ресурсам.

Одной из важнейших функций, которую выполняют социальные сети для

¹ Гугнин Э., Черпак В. Феномен социального капитала // Социология: теория, метод, маркетинг. 2001. Вып. № 1. с. 56.

общества, является функция сбора информации, то есть, функция самоописания, саморефлексии. До возникновения социальных сетей процедура сбора первичной информации о человеке была не столь уж простой задачей, и при необходимости что-то узнать об обществе, её чаще выполняли, опираясь на какой-либо институт: в трудовом коллективе или образовательном учреждении работникам выдавали анкеты, просили их заполнить, а затем обрабатывали для получения нужной информации. Выборки, сделанные подобным образом, едва или были очень большими, производить их было не очень удобно и для обработки требовалось много людей и времени. Социальная сеть сильно упростила данную процедуру.

Первичную информацию о себе пользователи заполняют уже в процессе авторизации: имя, пол, возраст, место жительства и работы, политические пристрастия, семейное положение, номера телефонов и электронные адреса, а также иные информационные графы. Разумеется, информация, предоставленная пользователями, далеко не всегда бывает достоверной, часто пользователи относятся к этой задаче или слишком формально, или вовсе предпочитают не делиться информацией. Однако эта проблема не имеет отношения непосредственно к социальным сетям, заполняя анкеты, опрашиваемые столь же часто писали в них совершенно не то, что они думали на самом деле. По целому ряду причин, начиная от страха перед политическими репрессиями и неформального приказа начальства до банального непонимания вопросов анкеты или некорректности формулировок последних. Учитывая огромное количество пользователей сетей – только в одном «Фейсбуке» в 2017 году количество их перевалило за 2 млрд человек – качество выборки существенно улучшается, а учитывая технические возможности обработки анкет, можно сказать, что качество сбора информации существенно повысилось. К тому же, сети постоянно проводят добровольное и принудительное внутреннее анкетирование, выясняя мнение своих пользователей по самым разным вопросам.

Надо заметить, что у такой облегчённой процедуры сбора информации есть одна не очень приятная сторона – информационные базы, полученные в результате авторизации или опросов, так или иначе, несмотря на запрет попадают

в руки торговых представителей, распространителей рекламы, а иногда, и того хуже, ими начинают пользоваться представители криминальных структур, мошенники и пр.

Также у сетевого общества было отмечено ещё одно важное качество, идущее вразрез с внешней сплочённостью и увеличением социальных связей между людьми. Российский философ А. С. Ахиезер назвал это качество «расколотостью»¹. Расколотость касается и самого общества в целом, и личности в этом обществе. Дело в том, что культура уже не может обеспечить интеграцию общества, благодаря сетям она диверсифицирована, поле её интегрирующего воздействия очень сузилось, оно не может даже обеспечить единый фундамент для различных локальных интересов и мнений. Общество высокодифференцировано, и оно включает в себя личность не целиком как «индивида», а частично, как «дивида». Дивид, по определению постмодернистов², – это частичная личность, некая абстракция, которая присваивает человеку только одно значение и учитывает его только в этом качестве. Это может быть «зритель», «слушатель», «покупатель», «пользователь», «избиратель», «налогоплательщик» и т.д. В таком качестве человек включается во множество социальных связей, однако кроме этого качества никакие грани его личности не оказываются востребованными. Весь человек с его тотальностью и многочисленными социальными связями обществу становится неинтересен, его редуцируют до дивида, а это, в свою очередь, приводит к расколу внутри личности. Человек утрачивает причастность к культурным ценностям, разделяемым всеми другими членами общества и он становится недовольным такой коммуникацией, в которой находит себя лишь отчасти³.

Общество также обнаруживает от этого некоторые изменения, имеющие значение в структурно-функциональном аспекте. Связи, редуцированные

¹ Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 594 с.

² Постмодернизм. Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН (отдел литературоведения). INTRADA. Ильин И. П., 2001.

³ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 5.

культурным расколом, как полагал Г. Белль¹, пропадают, исчезают. Возникает общество «людей без связей», в котором вместо «зависимости-ответственности», солидарности, возникает институционализированный индивидуализм и множество случайных сетевых коммуникаций.

Однако при этом человек не остаётся одиноким, ощущая на себе это эффект раскола. В современном обществе человек обнаруживает себя не просто социальным существом, всё бытие которого пронизано совместностью с другими людьми. *Его новая особенность, которая активно поддерживается, формируется и развивается в социальной сети – информационность, которая обозначает о с одной стороны, необратимость и обязательность межличностной коммуникации, в которую субъект можно включаться как активно, так и пассивно, с другой стороны, «прочитываемость» человека в качестве текста.*

Первое означает, что сеть создаёт специфические типы взаимодействия, которые сделали необязательным телесную, дистанционную близость людей друг к другу. И это привело к тому, что волей или неволей человек оказался опутанным целым множеством контактов, мнений, оценок, от которых нельзя скрыться, перемещаясь в пространстве. Человек даже может уйти далеко в тайгу, спрятаться ото всех, отказаться от самопрезентации, превратиться в анахорета как Агафья Лыкова, но сетевое общество не отпускает его, следит через спутник за его перемещением, и может даже без его собственного участия, извне, сделать его «знаменитым», как это произошло с отшельницей (или даже превратить ничего не подозревающего человека в торговую марку «Бабушка Агафья» и зарабатывать на интересе обывателей к знаменитости). А в некоторых случаях такой отказ от самопрезентации другими людьми может быть прочитан как попытка презентовать себя в новом качестве, например, отшельничество или выполнение обета одиночества может быть понято как желание «кому-то что-то доказать», намерение прославиться или заработать на этом денег.

¹ Белль Г. Франкфуртские чтения // Самосознание европейской культуры XX века. М.: Изд-во политической литературы, 1991. С. 293.

Человек неизбежно находится в состоянии взаимодействия с другими, это происходит помимо его воли, даже если он категорически не желает больше общаться, это нежелание информативно для других, молчание или уклонение, любое поведение его многоканально и считывается его бывшими собеседниками тоже как информация, трактуется, оценивается, обсуждается. Поэтому человек, особенно когда он находится в пространстве социальных сетей, по сути дела, превращается в культурный текст, в котором любое действие может быть описано, оценено, о чём-то информирует окружающих и заинтересованных¹.

Отношение к этой «информационности» несколько различается у разных поколений: людей зрелого возраста и пожилых постоянное внимание со стороны сети чаще тревожит, молодежь, подростки, тинэйджеры реже беспокоятся по этому поводу и, более того, специально наращивают количество контактов в сети.

Причин, по которым молодые люди стараются создать как можно более популярный аккаунт в социальной сети, существует целый ряд. Сеть – это целый спектр возможностей, среди которых и социальное одобрение, и возможность поиска любовных и дружеских взаимоотношений, и способ заработка на рекламе, и развлечение, и чувство принадлежности к тому или иному сообществу, и использование чужого опыта в отсутствие собственного, и поиск авторитетов среди своей возрастной когорты. Для подростков мотив социального одобрения является, безусловно, очень сильным, возможно, это самый сильный мотив из перечисленных. Лайки к постам, комментарии, количество подписчиков на канал – это всё выражение социального одобрения, приемлемое и желательное для социальной группы. Коммуникация подростков строится на ожидании этого одобрения и его последующем получении от пользователей сети.

Можно сказать, что социальная сеть представляет собой также и способ изменения реальности в процессе познания себя – кроме того, что человек искажает информацию, опасаясь злоумышленников, он также вольно или невольно искажает свой реальный облик, выдавая желаемое за действительное

¹ Пустовалова Е. В. Коммуникативные отношения в социальных сетях человека // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2012. № 4. С. 101-104.

или скрывая свои недостатки, мешающие ему коммуницировать с другими в реальной жизни. Это нельзя оценить ни положительно, ни отрицательно, это органичный процесс самоактуализации и самоопределения, точно по тому же принципу действуют девушки, нанося себе на лицо макияж – они хотят казаться более привлекательными. Причем, это даже проблема не реальной коммуникации, а вопрос самооценки, комментаторы со стороны часто недоумевают, зачем необходимы эти сложные манипуляции тем, у кого и так всё «в порядке».

Социальную сеть нужно понимать не только как пространство коммуникации, встречи разных людей, мнений, не только как дискуссионную площадку, на которой возможна публичная встреча собеседников и обмен актуальной информацией. Она также выступает как пространство осмысления себя, самопрезентации, проектирования себя человеком. Не только сеть изменяет человека и воздействует на него, но и сам социальный субъект, в актах своей деятельности, изменяет сетевое пространство, адаптирует его под свои особенности и потребности. Сеть предоставляет человеку самые разные возможности, но для того, чтобы ими воспользоваться, от него требуется затрата волевых и интеллектуальных усилий, осмысление себя и своего окружения. Социализируясь в этом пространстве, человек меняется, меняются и специфицируются его потребности и способы их удовлетворения. Субъект оказывается «на виду», он фактически лишается чувства одиночества, потому что, даже будучи удалённым от людей, он остаётся в поле зрения тех людей, которые являются его «ближайшим окружением» в социальной сети.

Особенность виртуальной коммуникации заключается в том, что она строится не так, как публичный акт, а, скорее, по словам исследователей, напоминает интимный акт, похожа больше на внутренний монолог, исповедь, монолог, дневник. Это не интерперсональная коммуникация, а интраперсональная. Личность переживает некие кризисные состояния, а общество за этим наблюдает и комментирует происходящее.

Так рождается коммуникация особого вида – так называемый «блоггинг», ведение сетевого журнала, индивидуальные записи наблюдения человека о

переживании собственного опыта. По мнению Ю. Хабермаса¹, наблюдатель представляет собой не просто безучастное третье лицо, не просто зрителя, но активного участника, коммуницирующего с автором и помогающего перенастраивать или трансформировать авторские мотивации, оценки, реакции, эмоциональные и рациональные компоненты содержательной части публикаций.

Как результат – возникает дисбаланс между формой и содержанием коммуникации: содержательно она является внутренним монологом, а по форме уже им не является. Расколотый индивид нуждается в ценностях, в восполнении целостности, понятности и прозрачности мира, он стремится проникнуть в пространство интимности, где, как ему кажется, есть искренность и неподдельность другой личности. Однако не может удовлетворить свои потребности, поскольку, входя в виртуальное пространство, он перестаёт быть собой и становится дивидом – «критиком», «комментатором». Это рождает внутриличностный конфликт, двойные стандарты коммуникации и способствует ещё большему расколу личности. Рождается замкнутый круг, который имеет не только личностные, но и социальные последствия в виде социальной дезинтеграции и рисков, связанных с изменениями культуры и принципов социальной организации. Ещё на рубеже XX-XXI веков российские исследователи заметили, что изменился принцип организации сетевых обществ «вовлекаясь в глобальные функциональные связи и взаимозависимости, сетевые сообщества одновременно все более фрагментируются изнутри, все более мельчают или вовсе исчезают макросоциальные ансамбли, способные объединять людей общими жизненными смыслами»².

Таким образом, изменения социального субъекта в сетевом пространстве происходит по нескольким направлениям. С одной стороны, изменения касаются индивидуального субъекта, человека, который получает гораздо больше возможностей, может быстрее и качественнее удовлетворять личностные и социальные потребности, но при этом попадает в зависимость от сети, ощущает

¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 380 с.

² Дилигенский Г. Г. Человек перед лицом глобальных процессов // Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. М.: Альпина Паблишер, 2003. С. 342-358.

себя частичным, «расколотым», оказывается в постоянном внимании со стороны сетевых партнёров. С другой стороны, изменяется и коллективный социальный субъект, который получает возможность самоописания, новые технологичные способы рефлексии. Но при этом изменяется само понятие информационной безопасности, возникает целое множество самых разнообразных сетевых угроз, становящихся индикаторами благополучия социокультурной и политико-экономических сфер. Возникают новые субъекты информационной безопасности, в сети концентрируются наиболее активные участники социального изменения. Появился даже термин «нетократия» – управление в обществе, основанное на том, что главной ценностью этого общества является информация. Интернет и социальная сеть становятся проводником и средством экспорта демократии в разные страны мира.

Современные сетевые технологии способны как провоцировать антигосударственные настроения и массовые выступления, так и сплочение общества ради реализации единой целей всего общества. Сети способны становиться как универсальным источником информации, так и распространителем мифов самого разного содержания. Сеть выступает как новая форма коммуникации, которая наполняет различным содержанием, она нейтральна по своей сути. «В конечном счете, не Интернет вызывает революцию, но он способствует ей, точно так же как изобретение печатного станка в XV веке помогло распространению протестантской Реформации в Европе, облегчив обмен информацией»¹. Для предотвращения распространения сетевых угроз, негативного изменения социальных субъектов необходимо не столько негативировать сами социальные сети или сетевые сообщества, сколько развивать нормативно-правовую базу обеспечения информационной безопасности, работать с правосознанием общества, коллективным и индивидуальным. И смещать аспект оценивания безопасности социальных сетей от технократической составляющей к гуманитарной.

¹ Акаев В. Х., Шамсуев М.- Э. Х. Обеспечение информационной безопасности как инструмент предупреждения экстремизма в северокавказском регионе // Совершенствование методов предупреждения преступлений в северокавказском регионе: материалы Межведомственной научно-практической конференции МВД РФ. Грозный, 2009. С. 64.

2.2. Социальный капитал как ресурс информатизации и фактор ценностной социорегуляции общества

В исследовании ценностной саморегуляции общества особую актуальность и значимость приобретает рассмотрение неформальных горизонтальных связей, которые всё больше приходят на смену вертикальным связям и, по сути, вытесняют их, становясь, по мнению М. Кастельса, наиболее важным ресурсом власти¹. В ценностной саморегуляции общества важным ресурсом является социальный капитал как механизм функционирования социальных сетей. В научных исследованиях существует целый ряд трактовок социального капитала, среди которых есть и структурные (сеть как социальный капитал), и функциональные (социальный капитал как доверие) и отождествления «человеческого» капитала и «социального». Это вносит некоторую теоретико-методологическую неясность в понимание данного вопроса и затрудняет использование понятия «социального капитала» в научных исследованиях.

Существует разница между дисциплинарными трактовками социального капитала. Политологи, экономисты, социологи разработали собственные подходы к социальному капиталу. Генезис понятия «социальный капитал» восходит к началу XX века Л. Дж. Ханифан, с опорой на классические труды Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, А. де Токвиля, объясняет социальный капитал как некое общественное благо, посредством которого люди достигают совместных общественных целей². Руссо описывает, как социальный капитал зарождается внутри общины: равный вклад каждого создаёт условия для всех, общественный

¹ Штейнберг И. Е. Парадигма четырех «К» в исследованиях социальных сетей поддержки / И. Е. Штейнберг // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 40.

² Гоббс Т. О причинах, возникновении и определении государства / Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс [Электронный ресурс]. URL: <http://bookz.ru/authors/gobbs-tomas/leviafan.html>; Локк Дж. Два трактата о правлении / Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988.; Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права [Электронный ресурс]. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Russo.O_dogovore.pdf или http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/russo/ob_dog.php.

ресурс, с помощью которого становится достижимой такая цель, которая недоступна каждому индивидуально. А. де Токвиль описывает закон и социальный порядок, демократию как следствие возникновения и применение социального капитала. Умение объединяться, солидаризироваться, самоорганизовываться для решения общественных задач, доверие людей друг к другу и есть маркер социального капитала. Первые работы, посвященные социальному капиталу, имели выраженную политическую направленность, они описывали возникновение государства, возникновение нормативных систем – религии, морали и права – как результат солидарности множества людей.

Э. Дюркгейм понимал социальный капитал как фактор, препятствующий аномии, он считал, что солидарность – это условие существования общества. Именно солидарность, по мнению Дюркгейма, стала причиной, по которому в обществе произошло разделение труда и создало многоуровневую систему распределения между членами общества прав и обязанностей. По мнению Г. Зиммеля объединение людей – это единственное условие выживания общества в борьбе за существование. Понятие «социальный капитал» Зиммель не использовал, но фактически он описывал его, говоря об индивидуальных инвестициях, которые каждый член общины вносит для общего блага.

М. Вебер в своём труде «Протестантская этика и дух капитализма» понимает социальный капитал как доверие и ответственность индивида за результаты задач, возложенных на человека религиозной общиной. В свою очередь, секта поручается за каждого индивида, который становится её членом и берет на себя её обязательства, а также наделяет человека статусом «избранности» и новыми возможностями, недоступными ему ранее. Если человек перестает исполнять общественные обязанности, община исключает его из своих рядов, лишая при этом статуса и соответствующих привилегий¹.

Эти ученые не использовали понятие социального капитала, оно появилось позднее, однако они рассматривали данный феномен как «солидарность»,

¹ Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

добровольное объединение людей и механизмы этого объединения с соответствующими результатами этого объединения, например, систему взаимных ожиданий и обязательств, множество и взаимную связанность контактов между людьми данного объединения.

Современное понятие социального капитала первым начал употреблять Л. Дж. Ханифан, который произвёл демаркацию социального капитала с финансовым капиталом и посвятил много времени исследованию условий, при которых социальный капитал появляется или, напротив, не появляется в обществе. Категорию «социальный капитал» Ханифан вывел за границы материального и разделил «материальный капитал» и «социальный капитал», если первое означает по большей части финансовые средства, недвижимость, материальные ценности, то последний имеет отношение к сфере повседневного поведения – доверие, взаимная симпатия, дружеская взаимопомощь.

В основу современной теории социального капитала положено определение, данное П. Бурдьё: «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе»¹. Из определения Бурдьё следует, что социальный капитал – это не столько сам ресурс общественных отношений, сколько медиатор, который выстраивает структуру доступности к этим ресурсам. Условием возникновения социального капитала является, согласно Бурдьё, взаимное признание членов общества. Многосторонние отношения становятся своеобразным каркасом, на основе которого выстраиваются доверительные связи и соответствующий доступ к материальным и нематериальным благам. Формируют эту сеть все участники общественных отношений, каждый по-своему понимая это общественное благо, но совместно трудясь для его производства и последующего использования.

¹ Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т.3. 14. С. 66.

Некоторые ученые, такие как Дж. Коулман, проводят корреляцию социального капитала и человеческого¹.

Р. Патнэм, исследовавший феномен социального капитала, структурировал его и выделил основные составляющие социального капитала: среди которых: нормы, доверие и взаимоотношения. Именно в горизонтальных связях происходит накопление социального капитала, а это, в свою очередь, является необходимым условием для эффективного группового взаимодействия по изменению социальной структуры.

Среди экономических работ, описывающих уже непосредственно феномен социального капитала, следует отметить институциональную теорию Д. Норта, который подчёркивает актуальность неформальных взаимодействий людей². Согласно представлениям Д. Норта институциональные взаимоотношения, которые вводятся обществом для социальной регуляции, делятся на два типа: формальные и неформальные. Исследователь особое внимание уделяет именно неформальным взаимоотношениям и в изучении социального капитала опирается именно на них. Социальный капитал формируется, накапливается именно в неформальных сетевых взаимодействиях, а расходуется тогда, когда нужно произвести конвергенцию, максимально возможное сближение формальных практик и неформальных.

Социальная сеть выступает как структура, организационная форма для образования социального капитала, его объективированным основанием, фундаментом. Сеть является связывающим звеном, мостиком между субъектами, она обеспечивает технологические и социокультурные условия процесса формирования социального капитала. Однако процесс коммуникации может не состояться без социального капитала, который и представляет собой желание людей доверять друг другу, готовность общаться, помогать, дискутировать и идти

¹ Коулман. Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. №3. С. 124.

² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 22.

на компромисс, солидаризироваться, заниматься общей деятельностью и, самое главное, достигать единых социальных целей, например, бороться за переустройство города, решать экологические или правовые проблемы и пр. Социальная сеть подобна скелету, несущей конструкции, на которой происходит наращивание социального капитала. В результате сетевого взаимодействия формируются взаимные ожидания людей¹.

М. Гранноветтер, исследуя социальную сеть, выделяет несколько типов взаимодействий: так называемые «сильные» связи формируются при персонификации участников общения и доверии между ними, а слабые связи (Гранноветтер называет такие связи «мостами») образуют единственный способ объединения участников коммуникации и представляют собой основной ресурс, на котором работает социальная сеть.

Сеть как связанное множество контактов образуется за счет межличностных взаимодействий многих людей и обмена ожиданиями. Функционирование, упорядоченность и развитие социальной сети – процесс далеко не стихийный, он регулируется наличием социального капитала, его распределением и обменом в сети. А также нормами и ценностями, которые являются фундаментальными составляющими знаково-символической системы культуры и которые также транслируются по сети разным акторам данного сообщества.

Нормы и ценности являются, в свою очередь, необходимым условием для формирования социального капитала, потому что они работают как первоначальная возможность понимать, декодировать сообщения, передаваемые одним индивидом другому (или другим). Современные исследователи считают, что именно на механизмах распределения социального капитала в сети и строятся дальнейшие характеристики социальной солидарности – фундаменты экономического и политического поведения, эффективность совместной деятельности и различных установок. И именно потенциальные и реальные характеристики социального капитала в сети являются условием формального и

¹ Барсукова С. Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2004. №9. С. 23.

неформального общения, повседневной и институционализированной жизни общества.

Сеть и распределение в ней социального капитала особенно продуктивно изучать в те периоды, когда по каким-либо причинам в обществе преобладает неинституционализированное общение. Это или догосударственный период, когда институционализированное формальное взаимодействие ещё не сложилось, поскольку государство ещё не сформировалось, или период кризиса или ускоренных социально-политических трансформаций – революций, масштабных реформ и пр. – государственной системы, когда происходит демонтаж старой организации и большинство акторов уже вышли из старой системы, а альтернативы ей ещё нет. В это время неформальные практики, наработанные сетевыми взаимодействиями, замещают формальные и становятся той опорой, на которой удерживается целостность сообщества.

Есть множество разных сценариев развития событий, одним из них, весьма вероятным в таком случае является такой, при котором неформальные сетевые взаимодействия начинают транслироваться по институциональным каналам, замещают старые формальные нормы и, если не происходит никаких событий, вводящих в принудительном порядке новые формальные нормы, то неформальные нормы постепенно «узакониваются» и становятся формальными¹. Таковы, например, неформальные законы криминала, которые строятся на доверии и власти и могут при отсутствии формальных норм стать основой формирования новых норм – «жизни по понятиям».

Хотя, по-видимому, описанный процесс является наиболее актуальным для периода первичного формирования государственных структур, в сегодняшнем мире формальные нормы также «научились» себя восстанавливать, иногда импортируются из-за рубежа, к ним предъявляются уже другие, более серьёзные организационные требования, чем просто узаконивание обычаев. Для современного общества ситуация, когда формальные нормы замещаются

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики; пер. с англ. А. Н. Нестеренко ; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

неформальными, не является распространенной, скорее, это возможно в случае революций, критических потрясений социальной системы. Однако они не должны идти и в разрез друг с другом, противоречия в формальных и неформальных институтах грозят обществу серьёзным кризисом, особенно если речь идёт о системном противоречии. В этом случае наступает ситуация, когда либо неформальные нормы «подтягиваются» к формальным, однако на это нужно время и солидарное усилие социального субъекта. Либо формальные нормы, ввиду того, что они не работают должным образом, представителям власти придется приближать к неформальным. Эта ситуация также не является благоприятной для развития общества, потому что показывает слабость власти, её неумение выстраивать формальные нормы и законы.

Нормальной является ситуация, в которой неформальные нормы поддерживают формальные, но не совпадают с ними. Функции, которые выполняются формальными и неформальными нормами, сходны, но различаются. Формальные правила регламентируют эталонные способы поведения, а также границы запрещенного поведения. То есть, отвечают на вопрос «Как следует делать» и «Как не следует». А неформальные нормы констатируют фактические привычки общества и отвечают на вопрос «Как принято», то есть, как привыкли поступать люди.

Теория неинституционализма признает параллельное и взаимодополнительное существование двух базовых, фундаментальных слоев общественной коммуникации – один идёт по формальным правилам, другой по неформальным¹. При этом сеть по большей части является основанием для неформального взаимодействия, тогда как иерархия по большей части отвечает за формальное институциональное взаимодействие. Разумеется, в современном обществе это не константа, между этими способами коммуникации происходит постоянная диффузия, сеть может принимать на себя функция формализованной коммуникации. Она вообще распространилась в современном обществе

¹ Беспарточный Д. Б. Социальный капитал: основные подходы к определению // Социальное управление, экономика и право. Ученые Записки. 2010. № 3. С. 148–153.

достаточно широко, проникла как в формализованные, оторванные от индивида слои социальной реальности, так и в самые глубины человеческой повседневности и антропологической реальности¹.

Социальный капитал образуется как на макроуровне, так и на микроуровнях социальной реальности, являясь социорегулятором буквально всех слоев общественной жизни. Везде, где существует индивид и его кооперация с другими индивидами для выполнения надындивидуальных задач. Типологическое разнообразие социального капитала на сегодняшний день довольно широко детализировано: известны горизонтальные и вертикальные типы социального капитала, семейный и организационный, структурный и когнитивный и т.д.²

И на любом уровне социальный капитал поддается как количественным, так и качественным исследованиям. Качественные показатели демонстрируют связи между субъектами и их особенности (отличие связей в одной сети от другой, деловой сети от профессиональных или игровых), количественные – результирующие связей между субъектами, их интенсивность, эффективность и пр. Например, качество связей в деловых сетях несколько отличается от связей в игровых сетях по многим параметрам. Пользователи деловых сетей склонны публиковать о себе правдивую информацию, выставлять на аватар настоящую фотографию, стиль и содержание сообщений приближено к деловому и отражает профессиональные интересы и предпочтения, тогда как в игровых и развлекательных сетях пользователи склонны публиковать сообщения личную информацию и материалы, связанные с досугом, личной жизнью и редко рассматривают сетевые контакты как возможность для поиска работы, завязывания деловых и профессиональных отношений т.д.

И те, и другие сети используются для самопрезентации, однако в деловых сетях общение строится как более формализованное, сообщения, публикуемые пользователями, должны подкрепляться специальными документами,

¹ Коулман Д. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность, 2001, №3, с. 121-139 - <http://ecsocman.hse.ru/data/217/076/1232/011kOULMAN.pdf>.

² Мачеринскене И.М., Минкуте-Генриксон Р.В., Симанавичене Ж.Й. Социальный капитал организации: методология исследования // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 29-39.

сертификатами, деловая репутация редко выстраивается только на доверии, она очень привязана к социальному окружению человека и кругу его контактов и накопленного им социального капитала.

По словам Ф. Фукуямы, «социальный капитал – это кредит доверия, которым можно распорядиться как реальным ресурсом»¹. В игровых сетях нормы общения требуют от пользователей другого стиля и содержания коммуникации. Правдивость информации о себе становится необязательной, а в молодежных и подростковых сетях она может быть даже избыточной, содержание публикаций может быть строго не тематизированным и отражать личные пристрастия автора, группы внутри сети формируются не по профессиональным качествам, а по интересам, основываясь на симпатии, эмоциях, авторитетах, взаимном досуге.

И это выполнение взаимных ожиданий, оправдание норм взаимности, способствует приращению социального капитала. В сети социальный капитал может выглядеть как привилегированный доступ к информации, которую сложно достать через другие источники, а также доверие, которое испытывают пользователи друг к другу. Социальные сети неоднородны, у каждого пользователя есть несколько «кругов» коммуникации, ближайший из которых составляют друзья и личные знакомые, второй – друзья друзей, подписчики, третий – все остальные. Чем больше «первые» круги у пользователя, тем эффективнее он в своей коммуникации, тем выше его рейтинг у остальных пользователей, тем быстрее и оптимальнее он может решать необходимые ему задачи: общаться, развлекаться, привлекать внимание работодателей и коллег, решать вопросы трудоустройства, жилья, презентовать себя в нужном качестве, организовывать новые проекты, продавать товары и услуги.

Некоторые российские исследователи склонны разделять социальный капитал и некоторые смежные с ним понятия, такие, например, как: во-первых, «институциональный капитал» – конкретная характеристика властных структур, выражающая способность или неспособность власти принимать решения и

¹ Полищук Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 12. С. 46-65.

выполнять их, скорость выполнения принятых решений, способность концентрироваться на процессе, способность к действию и пр.; во-вторых, «культурный капитал» – некая интегральная характеристика культурных ценностей и работающих в обществе традиций, язык и некоторые другие культурные уникальные реалии конкретной социокультурной системы; «психосоциальный капитал» – это характеристика индивидуального и общественного сознания данного социокультурного организма, в которую входят доверие, способность к солидарности и образованию горизонтальных связей и пр.¹

В качестве действующих социальных субъектов могут выступать организации, предприятия, общественные движения, граждане, эксперты и пр. В качестве структурной основы реализации социального капитала во всех его видах выступают социальные сети самого разного масштаба – от региональных до глобальных. От того, насколько жизнеспособной является сеть, настолько и эффективным будет любое начинание субъекта, поскольку социальный капитал как ресурс должен оптимально распределяться между акторами сети, поддерживая как спонтанные, так и регулярные взаимодействия и обеспечивая дальнейшее формирование, накопление и продвижение в сети социального капитала.

Например, коммуникативное пространство «власть-бизнес-общество» структурировано как некое организованное неравенство, внутри которого существует множество видимых и скрытых связей, формальных и неформальных отношений и норм. Если к этому коммуникативному пространству подключается виртуальное пространство, например, социальная сеть, происходит переструктурирование и объединение связей, изменение качества и доступности этих связей, в этом коммуникационном пространстве изменяется очень многое, как в структурном, в функциональном, так и в динамическом отношении. Множество невидимых связей становится видимым, ускоряется динамика отношений, их качество, изменяются основные узлы сети, создаются

¹ Семенец Н.В. Формирование проектов развития человеческого капитала с использованием социальных сетей в региональном форсайте // Человеческий капитал. 2016. Т. 2. № 9 (93). С. 63-72.

возможности для решения проблем по-новому, с применением новых технологических возможностей. И не только технологических, поскольку индивидуальным и коллективным субъектам социальной сети становятся доступными ресурсы, закрытые для них ранее. Например, быстрая обратная связь с представителями власти, возможности контролировать тот или иной процесс решения социальной проблемы, новые, абсолютно невиданные ранее возможности самоорганизации.

Перспективы, которые открывает перед социальным субъектом сеть, широки. Проблемы с их реализацией возникают там, где появляются очаги сопротивления со стороны чиновников контролю со стороны гражданского общества, где начинает лимитироваться властный ресурс и т.д.

У каждого сетевого сообщества есть свои границы, как пространственные или культурные, так и границы ресурсов и возможностей, часто при прочих оптимальных возможностях лимитирующим ресурсом становится именно социальный и человеческий капитал¹. Важно понимать это, планируя каждый новый социальный проект или реформу.

Особенно в России перестроечного и постперестроечного периодов это было показательно: реформы часто задумывались и проводились только на административном ресурсе, и результатами этих реформ становилось не то, что планировалось, то есть, некое формальное изменение в документации или формализованных нормах и практиках, без изменения неформальных практик и привычек людей.

Кроме очевидных издержек на эти не слишком успешные реформы – финансовых и прочих – одной из важнейших издержек нужно считать расход социального капитала. Расход социального капитала означает, что исчерпывается доверие между людьми, желание участвовать в проектах, предлагаемых властью, снижается рейтинг персон, отвечающих за эти проекты и т.д.

¹ Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 5–16; № 4. С. 13–25.

Для того чтобы любой проект, проводимый в социальной сфере, был успешным, необходимо наличие некоторых условий, при которых начинает успешно «работать» социальный капитал (при условии его наличия, разумеется):

Во-первых, протестировать наличие и состояние сетевой организации в данной сфере, выяснить, как именно сетевая структура связана с властными структурами, с бизнесом, и как с конкретными людьми, обладает ли эта структура реальными неформальными связями, потому что слишком формализованная структура едва ли сможет обеспечить проект необходимым социальным капиталом.

Во-вторых, реализуемая идея должна быть четко и структурно описана с указанием того, где именно проект должен быть реализован, какие задачи и проблемы он должен решить, кто именно будет проект поддерживать и реализовывать, должно быть организовано сообщество сторонников данного проекта, в котором этот проект будет обсуждаться, критиковаться, оттачиваться, дорабатываться. То есть, должен быть намечен не только формальный план реализации проекта, но не менее важно понимать, как именно будет реализовываться с точки зрения неформальных правил, человеческих привычек, выгод от реализации проекта на самом «низшем» уровне, то есть, максимально близко к индивидуальному уровню бытия и повседневности. Именно на этом уровне должны отрабатываться горизонтальные и вертикальные связи людей в реализации данного проекта, в сетевом общении должен сложиться образ того, что необходимо делать, кто и какие выгоды и затраты понесет при его реализации¹.

И только на третьем этапе необходимо начинать подготовку формального проекта, составлять список ресурсов власти, готовить мнение экспертов, необходимого пакета документов и приступать к реализации намеченного плана. Нужно ли говорить, что множество российских проектов, попытки реализации которых имели место за последние пару десятилетий, реализовывались ровно в

¹ Сидорина Т. Ю. Социальный капитал организации и социальная политика российского предприятия // Журнал исследований социальной политики. 2007. №3. С. 319–334.

обратном порядке, а результатом становилось то, что административный ресурс, становясь главным инструментом реализации проекта, уничтожал доверие к процессу, главные субъекты реформы не слишком понимали, какую выгоды они приобретут от своего труда, и размер расходов, как правило, тоже никто не представлял себе отчётливо. Кроме средств, выделяемых государством, вообще, кроме финансовых средств, есть ещё и другие виды издержек: затраты времени, труда, человеческого капитала, социального капитала и пр.

Социальный капитал существенно облегчает любую деятельность, связанную как с материальным, так и с другими видами производства. В сети оказывается взаимопомощь, которую сложно получить другими способами и практически невозможно добиться формальными способами. Сеть координирует деятельность агентов сети, обеспечивает конкурентоспособность субъектов сетевых взаимоотношений, рождает новые виды человеческих отношений, возникновение новых идей и способы их реализации. Внутри сети более органично и «справедливо» распределяются ресурсы, как материальные, так и нематериальные, поскольку сеть как горизонтальный способ связи гораздо более прозрачны, нежели иерархические отношения или властная вертикаль.

Основные функции, выполняемые социальным капиталом, распадаются на две группы: адаптационные и консолидационные. Однако, как показывают исследования, социальный капитал не равномерно распределяется среди пользователей сети. По признаку материального достатка востребованность социального капитала и способность к его воспроизводству распределяется следующим образом: наибольшую способность использовать социальный капитал и готовность производить его демонстрируют пользователь среднего достатка, то есть, те, кто материально обеспечен, наименьшую – те, кто неблагополучен в материальном плане, возможно потому, что наращивание социального капитала предполагает, что при получении помощи субъект должен быть готов к ответной помощи, то есть, он должен не только потреблять, но и реально обмениваться

ресурсами, материальными и нематериальными¹. К тому же, малообеспеченные люди редко бывают очень активными в социальном плане, они намного реже проявляют инициативу для того, чтобы попасть в необходимый им круг общения, их психология по большей части строится по принципу патернализма, они «вручают себя» государству или работодателю и, работая на них, предпочитают требовать гарантированного обеспечения, а развитие отношений предпочитают оставлять на волю случая и полагать, что они выстраиваются «сами собой».

Круг взаимоотношений воспринимать как настоящий ресурс умеют только те, кто всерьёз относится к социальным связям, воспринимают их как богатство, капитал, который можно инвестировать в собственный статус, карьеру и социальное положение, как финансовый капитал, как информационный, как знания, опыт, навыки. Многие пользователи сети понимают ресурсную значимость социального капитала, но это понимание чересчур абстрактно для того, чтобы расширять собственный круг общения для подобных целей. Чаще всего, и особенно это касается российского сегмента социальных сетей, люди расширяют социальные связи ради эмоциональной поддержки, культурного обмена, самопрезентации. И в гораздо меньшей степени – ради профессионального и карьерного роста, получения помощи в решении финансовых проблем (если эта помощь и запрашивается, то в основном – на лечение, чаще детей и в виде одноразовой денежной помощи, практически не запрашивается волонтерская или иная помощь, иногда, правда в сети оказываются запросы на связи в лечебных или образовательных учреждениях, помощь в решении бюрократических вопросов)².

Среди людей разного возраста способность к использованию социального капитала также распределяется неравномерно. Высокие показатели в данном случае демонстрирует молодёжь, особенно студенчество, отчасти из-за того, что обладает достаточными технологическими знаниями и навыками завязывания и

¹ Малообеспеченные в России: кто они? как живут? к чему стремятся? /Авт. коллектив: Горшков М.К, Тихонова Н.Е. и др. М.: Институт социологии РАН, 2008.80 с.

² Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н., Бояринова И.В. Эффективность социальных сетей в региональном сообществе //Социологические исследования. 2011. №1. С. 80.

развития отношений, отчасти из-за того, что данная возрастная когорта обладает высоким уровнем оптимизма, ориентацией на будущее, ищет перспектив построения своей карьеры и т.д. Также высокими показателями обладает когорта среднего возраста, возможно, но это другие запросы к социальным сетям из-за того, что люди среднего возраста ощущают себя более благоустроенными, испытывают меньшую потребность в изменении социального статуса и меньше готовы вкладывать силы и ресурсы в изменение своего социального статуса.

Люди пожилого возраста отличаются гораздо меньшими способностями и желанием использовать социальные сети и социальный капитал как ресурс изменения своего социального положения. Пожилые люди также гораздо меньше выражают удовлетворенность социальными сетями и меньше доверяют своим виртуальным собеседникам. Это объясняется тем, что в России пожилые люди обладают гораздо меньшими финансовыми ресурсами, часто они склонны полагать, что у состоятельных людей работает правило «у богатых больше надёжных друзей» и то, что получение помощи от других «обязывает ответной помощью». Пожилые люди гораздо меньше склонны доверять незнакомым, в любом интересе, проявленном к ним, подозревают потенциальное или реальное мошенничество, недобросовестность, корыстный интерес. К тому же уровень притязаний у пожилых людей значительно снижен по сравнению с молодыми¹.

Интересно, что наиболее финансово обеспеченные пользователи сети не демонстрируют самых высоких показателей социальной активности и уровня удовлетворенности от социальной коммуникации. Возможно, это связано с тем, что у людей этой социальной категории наиболее развит уровень притязаний и избирательностью в общении. Поэтому самые высокообеспеченные слои населения как в реальной жизни, так и в социальных сетях чаще всего имеют ограниченный круг общения, отличаются самодостаточностью и ограниченностью круга общения, замкнутостью и закрытостью коммуникации.

¹ Малообеспеченные в России: кто они? как живут? к чему стремятся? /Авт. коллектив: Горшков М.К, Тихонова Н.Е. и др. М.: Институт социологии РАН, 2008. 80 с.

Представители среднего класса, причем, молодые, таким образом, являются наиболее активными пользователями сети, они используют максимальный спектр ресурсов для расширения и поддержания круга виртуальной коммуникации, зачастую компенсируя недостаточное качество связей количеством¹.

Существует также территориальная дифференциация: сети в малых городах и селах гораздо меньше используются для деловых контактов, чем в крупных городах и мегаполисах, в них очень развиты кровно-родственные связи, которые заменяют сетевые контакты. Сетевые связи в регионах, как правило, строятся по принципу кровнородственных связей и личных контактов, которые только расширяются в сетевом общении за счет контактов с теми, кто уехал из города и общение с кем прервалось. И редко эти связи выходят на уровень профессионального и делового общения с незнакомыми людьми с конкретной целью. Люди в российских регионах также обладают некоторым предрассудком относительно того, что общаться «ради корысти» предосудительно. Большинство полагает, что «дружба должна быть спонтанной и бескорыстной», она не должна нести какой-либо выгоды, в противном случае она превращается в «использование связей», что само по себе аморально и имеет выраженную негативную окраску.

Большая часть российских пользователей полагает, что возможности человека напрямую связаны с его кругом знакомств, а этот круг знакомств, в свою очередь, зависит от финансового благополучия.

Множество люди оценивают собственную «ресурсность» и способность к благополучной коммуникации исходя из того, какую позицию в социальной иерархии они занимают в реальной жизни. Поэтому когда они/, сохраняя свою привычку, переносят эти представления о социальном устройстве в сетевую коммуникацию, они стараются «воссоздать» это неравенство в сетевом общении. На саму сеть это оказывает несущественное влияние, но на пользователей, который придерживаются таких взглядов, они оказывают сковывающее,

¹ Колпина Л. В. Социальный капитал сетей отношений в региональном сообществе: эмпирический анализ // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 4. С. 44-53.

затормаживающее действие, лишает возможности проявлять инициативу и наращивать коммуникационный потенциал, попадая в новые круги общения.

В конечном счёте, это оказывает на людей не самое лучшее воздействие, поскольку блокирует мотивацию к новой коммуникации. Не позволяет формировать круги по интересам. Эту мотивацию российские пользователи чаще всего формулируют либо в аспекте долженствования, либо в форме абстрактного пожелания, но редко реализуют как план или рациональное действие. Чаще всего те, кто успешно расширяет круги социального общения, действуют интуитивно и спонтанно, реализуя собственные потребности, говоря о том, что «всё получается само собой», но очень редко делают над собой усилие, работая в этом направлении¹.

Надо понимать, что социальные сети – это не бесконтрольно саморазвивающийся объект, это структура, которая имеет своих создателей и конкретных людей, которые создают её, планируют, инвестируют в неё собственные средства, получают с неё доход, платят налоги. И формируют правила коммуникации внутри сети. Каждая социальная сеть создаётся и находится на определённой территории, прежде всего, она имеет культурную дислокацию, поэтому, правила и нормы сетевого общения создаются исходя из этой культурной принадлежности. Разумеется, национальный сегмент вносит свои коррективы в эти нормы и правила, однако права окончательной модерации, коррекции сетевого поведения принадлежат кураторам сети, которые и табуируют обсуждение некоторых проблем и некоторые действия в сети.

Но, при этом, модерирование в сети отнюдь не означает, что над сетью установлен абсолютный контроль. Ценность сети заключается в том, что она – саморазвивающаяся система, которая поддерживает себя, самоорганизуется в соответствии с потребностями и интересными пользователей, и, по слова

¹ Бабинцев В. П., Бояринова И. В., Реутов Е. В. Лидерство и аутсайдерство в молодежной среде региона // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 7.

исследователя И. М. Дзялошинского, «которая помощью прямых и обратных связей влияет на происходящие в ее границах процессы»¹.

Таким образом, в сети различаются два вида социального капитала: структурный и когнитивный. Первый влияет на институциональный аспект коммуникации, второй, то есть, способствует формированию сетевой структуры, второй наполняет эти сетевые формы общения содержанием, то есть, представляет собой доверие, общность интересов, способность и желание людей к солидарности и совместному достижению индивидуальных целей. Сеть представляет собой наилучшую структуру для генерации и накопления социального капитала, поскольку оптимизирует доступ пользователей друг к другу, обладает подвижной и эластичной структурой, помогает преодолению социальных барьеров, способствует интенсификации горизонтальных связей и пр.

Существуют дисциплинарные способы классификации и исчисления социального капитала, в каждой науке, исследующей общество и групповую коммуникацию, разработаны собственные подходы к его описанию. Его исследуют с позиции затрат и материальной стоимости, политической активности, человеческого капитала, психологического и экзистенциального самоописания человеком, социологического исследования и т.д. Человеческий капитал отличается от социального неотчуждаемостью, индивидуальностью целей, несохраняемостью. Социальный капитал работает там, где есть общественные, надчеловеческие цели, феномен совместности, кооперирование усилий, готовность вступать и поддерживать целевую или спонтанную коммуникацию.

¹ Дзялошинский И. М. Коммуникационные стратегии социальных институтов в медиапространстве России: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.10. М.: Моск. гос. ун-т, 2013. С. 13.

2.3. Оценка безопасности и рисков сетевой коммуникации в современном обществе

В последний несколько десятилетий наметился существенный сдвиг современного общества, в том числе, российского, в сторону наращивания качества «информационности». Качественно и количественно меняется сетевая коммуникация. Многие функции коммуникации перешли в виртуальное пространство. Однако, вместе с тем, существует заметное отставание в гарантированной безопасности сетевого общения. Это отставание ещё более заметно, чем отставание России в технологическом и техническом плане, поскольку сети в стране уже есть, а законодательство ещё не готово регламентировать нормы их использования. Кроме того, службы безопасности часто оказываются не готовыми расследовать преступления, связанные с киберсферой и вынуждены действовать спонтанно и фактически наощупь. Эта угроза безопасности касается как простых пользователей и потребителей товаров и услуг, так и коллективного субъекта, в качестве которого выступают организации, общественные движения и т.д.

Риски, которые распространяются и возникают в современном сетевом общении, в целом распадаются на социальные и индивидуальные. Социальные риски, по большей части, связаны с угрозами национальной безопасности. Это угроза конфиденциальности, терроризма и экстремизма, распространения наркомани, ценностной диспропорции и пр. Индивидуальные риски коррелируют с социальными, но всегда имеют личностное, индивидуализирующее преломление. Они связаны с изменениями личности, кругов социального общения, всегда замыкаются на особенности конкретного человека, однако имеют корни в социокультурной сфере. Поэтому рассматривать риски следует с социальных и наиболее распространённых в современном обществе.

Одна из самых распространённых информационных угроз в современном обществе связана с тем, что возник массовый перенос личных данных в социальные сети. Доступность сетей с любых устройств, включая телефоны и планшеты, открывает небывалый простор для самых разных мошенничеств, злоупотреблений и т.д. С помощью социальных сетей создаются и запускаются информационные эпидемии. Прежде всего, следует определить, какие из информационных воздействий обретают масштаб эпидемий, получают стихийное распространение на всю сеть и для чего они используются.

Самыми актуальными, на сегодняшний день, становятся спам-атаки, которые специально внедряются на самые популярные страницы либо с рекламной целью, либо с целью вирусной атаки, либо для внедрения в сознание людей какой-либо информации социального, политического или какого-нибудь иного характера. Таким способом происходит нелегальный сбор информации, внедрение в личные данные пользователей и пр. Не вся сеть одинаково подвержена инфицированию вирусным контентом, одни сегменты сети обладают повышенным иммунитетом к данному виду вируса, другие оказываются восприимчивы к нему. Точно так же, одни сектора поддаются лечению от вирусных атак, другие – поддаются хуже или не поддаются совершенно.

Социальные риски, связанные с сетями по интересам, можно разделить на два больших типа: *риски коммуникации* и *риски контента*. Коммуникационные риски – это такие, которые связаны с угрозами, возникающими в межличностной коммуникации. Например, это незаконный контакты, преследование по сети (среди преследования в современной России часто отмечают преследование за политические убеждения, сексуальную ориентацию, это также преследование детей).

Риски контента – это те возможные угрозы, с которыми сталкивается пользователь в социальной сети. Это и контент, содержащий агрессию, насилие, порнографию, обценную лексику, разжигание ненависти, межнациональной, межконфессиональной и прочей вражды, призывы к суициду, пропаганду

булимии и анорексии, употребления спиртного и наркотиков, втягивание в азартные игры.

Среди рисков контента находится также угроза потребления неэтичного контента, противоречащего нормам морали и нравственности. Часто бывает так, что под действие закона такой контент может не попадать, однако он содержит в себе ярко выраженные аморальные элементы, оказывает разрушительное воздействие на сознание человека, что особенно важно, если в сети находятся дети. Также существует такой тип контента как «вредоносный», то есть, содержащий в себе вирусы. В этом случае угрозе подвергается не сознание человека, а личный компьютер пользователя. Как правило, ссылки на такой контент, заражённый вирусами, распространяют сайты с высоким рейтингом посещения и слабым контролем, например, порнохабы, музыкальные и игровые каналы, форумы и блоги.

В России на сегодняшний день нет надежной системы государственного страхования собственности, находящейся в сети, на государственном уровне не уделяется достаточного внимания данной проблеме, и зачастую законодательные решения Государственной Думы ограничиваются грубыми запретительными мерами, обходить которые сетевые пользователи учатся практически сразу при принятии данных законов. Также существенной проблемой в российском обществе является повсеместное непонимание рисков сетевого общения на уровне простых обывателей. Российские пользователи в массе своей не знают собственных прав, халатно относятся к угрозам использованию пиратского контента, не покупают страховые полисы (да и страховать программное обеспечение пользователей от сетевых рисков в России не очень-то принято). Ущерб, наносимый рисками информационной безопасности, имеет как финансовый, так и нематериальный аспект, и оценивается в сотни миллионов долларов в год¹.

¹ Кононов А.А., Смолян Г.Л. Информационное общество: общество тотального риска или общество гарантированной безопасности? // Информационное общество. 2002. № 3. С. 5-7.

Применительно к исследованию информационной безопасности имеет смысл разделить понятия «информационный риск», «информационная угроза» и «информационная опасность», часто применяемые в научной литературе как синонимы, однако имеющие выраженные семантические отличия.

Понятие «риск» используют тогда, когда существует неопределенность ситуации с вероятным наступлением угрожающего исхода. В. В. Глушенко определяет риск как действующий/развивающийся фактор процесса, обладающий потенциалом негативного влияния на ход процесса¹. Риск – феномен, вполне поддающийся исчислению и калькуляции. Мера риска всегда в норме пропорциональна ожидаемой потере и несколько ниже, чем ожидаемая выгода. Например, развитие компьютерных технологий рождает риск использования данных людей в мошеннических целях. Непонятно, какую степень риска будут представлять изменения хранения информации, называемые «нейрореволюцией». Если станет доступным возможность архивировать информационные данные прямо из человеческого мозга, то чего будет больше – угрозы или пользы для общества и отдельно взятого человека.

По-иному можно трактовать понятие «информационная угроза». Угрозы могут быть внешние и внутренние, но, в любом случае, в отличие от риска угроза всегда характеризуется конкретной направленностью на объект и не вероятной, а реальной, уже существующей опасностью. Ситуация риска с вероятностью может не наступить, а угроза уже существует и создает проблему, требующую решения.

Угроза представляет собой явно выраженное намерение причинения вреда, демонстрацию силы, запугивание, то есть, источником угрозы является субъект, имеющий намерение причинить вред. «Опасность», по-видимому, отличается от угрозы тем, что может не иметь субъекта, опасностью может стать развитие ситуации риска, когда развивается негативный сценарий.

Риски различаются между собой: по масштабам возможной опасности (индивидуальные, групповые, национальные, наднациональные); по локализации

¹ Глушенко В. В. Введение в кризисологию. Финансовая кризисология. Антикризисное управление. М.: ИП, 2008. 88 с.

источника опасности (внешние и внутренние, то есть, эндогенные по отношению к системе или экзогенные по отношению к ней); по локализации субъекта в конкретной сфере (экономические, политические, социальные, культурные риски); по локализации опасности (военные, политические, технологические, информационные, духовные и пр.)¹

У. Бек рассматривал риски как неотъемлемый фактор системного социального бытия будущего², согласно его представлениям, риски представляют собой и возможную опасность, и возможность одновременно. Само формирование будущего, по мнению ученого, есть столкновение и борьба различных глобальных и локальных рисков, навыки и опыт управления рисками и умение правильно исчислять риски. От этого зависят не только человеческие судьбы, но будущее целых народов, международного сообщества, мира в целом.

Бек полагает, что в будущем общество научится не только манипулировать рисками, но и будет целенаправленно создавать их, удовлетворяя некоторые потребности. Уже сегодня данный вид производства рисков как товара существует, и чем дальше, тем больше развивается индустрия рисков, они становятся всё более масштабными и дорогими. В общественном и индивидуальном сознании происходит стирание границы между риском и благом, риск производится как товар потребляется как товар.

Риск перестал рассматриваться как безусловная проблема и начал рассматриваться как общественное благо. И если раньше производство рисков ограничивалось сферой развлечений, то теперь буквально все сферы общественной жизни начали воспроизводить данный опыт и заниматься производством рисков и их продажей.

С другой стороны, риски как объект в современном обществе хорошо научились различать и анализировать. Это различие привело к тому, что человек оказался буквально окружён всевозможными рисками, большими и

¹ Стратегические риски России: оценка и прогноз / МЧС России; под общ. ред. Ю. Л. Воробьева: М.: Деловой экспресс, 2005. С. 36.

² Стратегические риски России: оценка и прогноз / МЧС России; под общ. ред. Ю. Л. Воробьева: М.: Деловой экспресс, 2005. С. 36.

малыми, соразмерными ему и большими по масштабам, чем его жизнь, например, национальными и глобальными. Оказалось, что риски таятся везде и повсюду, в каждом действии человека спрятан скрытый риск, который можно различить и попытаться посчитать. И даже отказ от действия – бездействие – тоже содержит в себе риск, также поддающийся калькуляции. Многие современные исследователи отмечают эту безнадёжную рискогенности и «катастрофичность» субъективного восприятия мира, присущего современному человеку.

Жизнь человека состоит из рисков, и ему нужно научиться отличать допустимые риски и те, которых необходимо избегать любыми путями. От этих решений, от правильности распознавания рисков зависит буквально всё: жизнь самого человека, жизнь его общества, качество этой жизни, будущее, настоящее.

«Риск» также нужно отличать от «катастрофы», понятия, несущего сходный, но не тождественный смысл. У. Бек различает их по наличию выбора в имеющейся ситуации, по возможности что-то изменить силами субъекта, переживающего риск. Если выбор есть и от наступления опасности можно отказаться, приняв решение – субъект имеет дело с риском. Если уже этого выбора нет, выбор был сделан (или имел место отказ от самого выбора) – то перед субъектом опасность, угроза, а в финальной, правоходной степени – катастрофа, то есть, угрожающее, опасное событие, надвигающееся абсолютно неотвратимо и бесповоротно.

Риск может стать катастрофой, если субъект утрачивает возможность выбора, выбор им уже был сделан и сделан неверно, и ситуация при этом однозначно развивается по самому неблагоприятному сценарию, угрожая существованию субъекта. Катастрофа может снова превратиться в риск, если обнаруживаются новые возможности сдерживания наступления события, открываются новые перспективы того, каким способом субъект может избежать негативных последствий.

Этот сюжет очень любит эксплуатировать мировой кинематограф, в особенности Голливуд, который снял сотни и даже тысячи фильмов по одному и тому же сюжету – неотвратимое событие, катастрофа мирового масштаба,

которое выглядит «неотвратимым», в последний момент бывает предотвращено героем, причём, как правило, не в результате счастливой случайности, а благодаря находчивости, прозорливости, гениальной догадке героя, его ловкости, смелости и способности пойти на финальный, самый серьёзный в его жизни риск и играть ва-банк.

Субъект не всегда бывает готов правильно распорядиться теми возможностями, которые предоставляет ему информатизация и расширяющаяся социальная сеть, кроме того, в XX веке Г. Саймон получил Нобелевскую премию за свою теорию «ограниченной рациональности»¹, в которой установил, что многочисленные теории, описывающие общество, чаще всего редуцируют человека до существа, полностью рационального. И это является ошибочным предположением, поскольку человек – существо ограничено рациональное и часто действует не исходя из собственного интереса, а иногда и вопреки ему. Саймон указывает, что люди рациональны только отчасти, в другой части они эмоциональны и иррациональны, бывает, что поступают оппортунистически и действуют себе во вред.

Именно вследствие того, что человек ограниченно рационален, существует риск как элемент случайности: если бы человек вёл себя как рациональный и соответствовал моделям «человека экономического», «человека политического», «человека социального» эпохи Модерна, то риска бы не существовало вовсе: имел бы место просчет событий и, в конечном счете, поиску математических моделей для такого расчета. Риск же человека, идущего ва-банк или делающего нечто, зная, что этот выбор скорее всего ведёт его к гибели (но надеющегося на чудо), невозможно просчитать математически, невозможно описать в модели мотивы людей, которые совершают действие из суеверий, симпатий, антипатий, полагаясь «на интуицию», сплетни, «наказывая себя», наказывая других своей неудачей. Этих мотивов достаточно много, их описывает психология в индивидуализирующих теориях, однако они не ложатся в социоцентричные объяснительные схемы.

¹ Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS Вып. 3. 1993.

Эти механизмы оппортунизма и иррационализации сознания часто запускаются в современном обществе потому, что человек создал мир, слишком сложный для него и проблема рационального выбора в этом сверхсложном мире стала очень актуальной. Жизни человека всё ускоряется, причём быстро, одно поколение н единожды успеваеа заметить структурные и функциональные изменения, происходящие в обществе. Человек обнаруживает себя в мире, в котором его окружает слишком много возможностей, информации, других людей, связей и мнений, нелинейных процессов, новой техники и пр. Вокруг человека меняется буквально всё – от его повседневности, в которую вторгаются новые технические возможности, коммуникационные изменения, требования постоянно учиться до мира и глобальных изменений, о которых человек слышит, но не наблюдает их непосредственно. В жизни субъекта не остаётся практически ничего неизблемого и неподвижного, течёт и изменяется всё, что его окружает, не на что опереться, нет объекта, который можно принять за абсолютную точку отсчёта.

Сложность мира и ускоряющаяся динамика демонстрирует, что человек потерял простоту восприятия мира, а вместе с ней и способность максимально использовать возможности, предоставленные человеку информатизацией. Параллельно с этим происходит диверсификация норм, не существует больше единой нормативной ситуации, эталона поведения, даже религиозные нормы, наиболее инерционные и ригидные, переживают диверсификацию и процессы рационализации и ревизии.

Исчезает видимый баланс частного и общественного, простого и сложного, правильного и неправильного. «Феномен риска – это форма проявления человеческой субъективности в объективно обусловленных социальных ситуациях, фундаментальным признаком которых является ограниченность имеющихся ресурсов, то создает обстановку неопределенности и требует от социального субъекта выбора своего поведения в виде ответа на угрозы и вызовы»¹.

¹ Лукьянов Г. И. Концептуальное обоснование риска в контекста социальной реальности // Философия и культура. 2011. № 11 (47). С. 64.

Вместе с утратой ясности мира к современному человеку пришло понимание, что безопасность тоже оказывается под угрозой. Вместе с этим пониманием начались авральные поиски новых механизмов, факторов, моделей исчисления рисков и построения безопасной среды обитания, безопасного поведения, безопасного общежития. В этих условиях часто происходит обращение к философским методам ценностного и системного теоретизирования современного общества. Общетеоретические и методологические аспекты риска в информационном обществе исследуют целый ряд учёных как в России, так и за рубежом: У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман, В. С Диев, В. Б. Устьянцев, В. И Чупров и т.д.¹

Объектом исследования в современной социальной теории становятся не только риски, сопряжённые с угрозой жизни, но и риски в духовной сфере, риски ценностного дисбаланса и такие виды рисков, в которых субъектом выступает не человек, а коллективный субъект, группа, общество, нация или даже человечество.

Это достаточно новое понимание феномена риска, потому что в более ранних теориях, риск понимался не столько, как социокультурный феномен, сколько как феномен антропологический и относящийся к миру индивида. Это прежде всего восприятие человеком ситуации как «рискогенной»: в одной и той же ситуации разные люди могут повести себя по-разному, один увидит в предлагаемых обстоятельствах выбор и будет пытаться высчитать, насколько велика вероятность наступления неблагоприятного прогноза, а другой человек, в силу разницы в интеллекте или по другим причинам, например, в силу эмоционального аффекта, может просто не обнаружить этого выбора или отказаться от выбора, доверившись «судьбе». И риск будет существовать только в первом случае, где, во-первых, есть осознанный выбор, во-вторых, просчет опасности и возможной выгоды, в-третьих, принятие решения о приемлемости

¹ Устьянцев В. Б. Институциональный человек в рискогенных микроструктурах современного социума // В сборнике: Восток, Запад, Россия: философские и социокультурные основания взаимодействия цивилизаций сборник научных трудов. 2017. С. 70-74.

данной опасности ввиду вероятности возможного выигрыша, осознание последствий этого выбора¹.

Разумеется, в онтологии риска есть также и объективная сторона, которая раскрывает вероятностную природу общественных и природных процессов, а также сложность и многовариантность тех отношений, в который вступает субъект. Главная проблема, по сути, окончательно не решаемая, заключается в том, что стремление обеспечить безопасность человеку и обществу – это стремление обнаружить и построить стабильность, устойчивость, а по возможности – неподвижность фиксированную гарантированность мира. Но гипотетическая реализация данного стремления – есть гораздо большая катастрофа, чем постоянная адаптация за вновь возникающими рисками и угрозами, маленькими и большими.

Прогресс парадоксальным образом часто идёт вразрез с обеспечением безопасности, он вносит в динамику общества всё больше элементов непредсказуемости, он сокращает горизонт прогнозирования развития общества. Если горизонт предсказуемости традиционного и архаического общества исчислялся тысячелетиями и столетиями, то общество Модерна оперирует уже десятилетиями, горизонт планирования стал «человекомерным». А исследователи общества постмодерна столкнулись с ситуацией, при которой горизонт планирования стал настолько коротким, что в течение своей жизни один человек видит столько стремительных разворотов, непредсказуемых витков развития общества, что он просто не в состоянии делать сколько-нибудь адекватный прогноз, не опасаясь через некоторое время обнаружить свои прогнозы несбывшимися.

Если обеспечивать безопасность для всего общества невозможно, то оказывается вполне реальным обеспечивать безопасность для некоторых его членов, что и реализуется на практике. И если прежние состояния общества измерялись исходя из «уровня свободы» – прогресс понимался как расширение круга свободных людей, то в современном обществе приоритет сместился снова к

¹ Альгин А. П. Риск и его роль в общественной жизни. М. 1989. С. 27.

безопасности – прогрессом вновь становится расширение круга безопасности немногих людей. «В подобных условиях нормативным идеалом становится не равенство, не благополучие, а безопасность: иными словами, сегодня приоритет получает ориентация не на то, как добиться лучшего, а на то, как избежать худшего»¹. Главной проблемой существования человека становится само существование.

Риски информатизации для российского общества связаны с несколькими ключевыми направлениями: *во-первых*, это политическая сфера, в которой сетевизация и информатизация заложили основу для некоторых специфических видов угроз, таких, например, как информационная война. В последние десятилетия были разработаны принципиально новые методы пропаганды и массовой информационной обработки сознания. Среди них новые медийные средства – спутниковое и цифровое телевидение, интернет, средства виртуальной реальности и пр. Эти методы и средства стали активно использоваться для проведения информационно-психологических операций по работе с населением².

Одновременно с этим, возникают и поддерживаются самыми разными социальными силами специфические программы по манипулированию сознанием, в этой гонке вооружений оказываются и военно-политические, государственные силы, может быть задействован крупный бизнес, запрещенные организации, в том числе, религиозные и пр.

Во-вторых, продолжается неконтролируемый рост социальных сетей, информатизация в глобальном масштабе, сеть уже очень очевидно выходит из-под контроля её создателей³, результатом чего становится возникновение и развитие различного рода радикальных течений и группировок, экстремистские сайты, направления радикальных субкультур и религиозных направлений. Самое опасное то, что террористы и экстремисты постоянно ведут работу по

¹ Сычева А. А. Этика экологической ответственности. М: Альфа-М, 2014. С. 234.

² Багдасарьян Н. Г., Титов Р. В. Протестный потенциал социальных сетей: возможности и риски // Гуманитарный вестник. 2014. № 4 (18). С. 3.

³ Гриняев С. Н. Россия в глобальном информационном обществе: угрозы, риски и возможные пути их нейтрализации // Информатизация и связь. 2010. № 2. С. 115-121.

расширению собственного влияния, вербовке членов организации, привлекают для этого хакеров, специалистов по информационным технологиям и работе с людьми. Это достаточно угрожающая тенденция, потому что «срастание» рабочих контактов хакеров и террористов может привести к взрывному росту потенциала террористических организаций. К тому же, продолжается рост технической мощи и совершенствование технических характеристик сотовой связи. Связь по всему миру становится более качественной, доступной, благодаря спутникам она проникает в самые отдаленные уголки планеты. При этом официальные международные документы закрепляют приоритет США в космосе, и именно это является фактором риска для России, у которой наблюдается явное техническое отставание космических аппаратов.

В-третьих, существенным фактором риска является снижение квалификационного потенциала выпускников информационных специальностей ведущих вузов России. Те из выпускников, которые имеют высокий потенциал, часто либо не находят себе достойного применения на родине и вынуждены переезжать для работы за рубеж. Сложившаяся кризисная ситуация в российском образовании и на рынке труда порождает опасную ситуацию прогрессирующего интеллектуального отставания России от ведущих стран Запада. Россия лишается интеллектуального потенциала, а без него в принципе невозможна новых информационных технологий как для социальной сферы, так и для обороны страны.

Тем не менее, ограничения инвестиций в Российскую информационную сферу имеет «нетехнологический» характер, Россия остается ориентированной на добычу ресурсов, и задачи по обеспечению информационной и иных видов безопасности лежат именно в данной плоскости – генеральной стратегией должно быть выведение страны из зависимости от природных ресурсов, а также улучшение её инвестиционного климата¹.

¹ Остапенко А. Г., Остапенко О. А., Шевченко И. В. Научно-методические рекомендации для риск-анализа социальных информационных сетей // Информация и безопасность. 2016. Т. 19. № 4. С. 595-596.

Мировой рынок информационных технологий также не является стабильным, он подвержен спадам и потрясениям, ситуация на нем привязана к геополитическим, экономическим, социокультурным изменениям международной сфере.

Для обеспечения национальной безопасности России важно понимать, что само по себе развитие информационной сферы – это не панацея, и, кроме того, если информационная сфера нарастила существенный отрыв от социальной и духовной сфер, это может быть небезопасно для общества. Так произошло в 90-х годах XX века в США, где информационная сфера показала существенный рост по сравнению с остальными сферами, и это привело не к положительным, а к отрицательным последствиям – краху высокотехнологичных биржевых индексов¹. Информационная сфера представляет собой «локомотив», который может вытянуть на себе другие сферы, прежде всего, экономическую и социальную.

Поэтому для обеспечения гармоничного и устойчивого развития российского общества недостаточно развивать информационную сферу, нужно прикладывать усилия для непротиворечивого и постепенного развития всех остальных сфер, которые развиваются медленнее информационной, но в перспективе дают потенциал для новых витков её развития и применения её потенциала.

Национальные стратегии развития России должны строиться с учётом того, что происходящие изменения в информационной сфере фундаментальны и могут стать серьёзной угрозой для тех, кто не принимает новых условий. Эти условия включают как структурно-функциональный, так и динамический аспект. То есть, экстенсивного расширения информационной сферы само по себе недостаточно, оно должно сочетаться с высокой динамикой преобразований общества. Важно также иметь устойчивую и хорошо продуманную стратегию формирования информационного общества, сформировать и придерживаться основных принципов ещё реализации, а также определиться с принципами международного

¹ Гриняев С. Н. Россия в глобальном информационном обществе: угрозы, риски и возможные пути их нейтрализации // Информатизация и связь. 2010. № 2. С. 115-121.

сотрудничества по проблемам информатизации и сетевизации, совместного решения возникающих глобальных проблем в области информатизации и информационной культуры.

Часто можно слышать скепсис в отношении того, что Россия нуждается в более активном включении в мировое информационное пространство. И есть веские аргументы, обосновывающие эту точку зрения, касающиеся безопасности, а также некоторых «российских особенностей развития», которые якобы обрекают страну на постоянное нахождение на периферии мирового развития.

Российские исследователи часто рисуют пугающую картину общества риска, в котором описывается весь спектр антисциентистских аргументов и эмоциональных настроений, критикуют технический прогресс как антигуманный и бездушный, прогнозируют потерю контроля над компьютерными системами, захват мира искусственным разумом, истребление человечеством самого себя путём техногенных катастроф и ядерных войн. Призывают остановиться с техническом развитии и отказаться от наращивания техно- и информационной сферы, а в самых радикальных исследованиях – вернуться «на лоно природы» и жить архаичной жизнью предков.

Однако Россия, несмотря на все опасения и предостережения учёных была и остается важным кластером информационно-коммуникативного пространства. Во всех основных сферах информация постоянно увеличивает своё количество и качество, в экономике информация и знания, несмотря на очень серьезную сырьевую направленность экономики, постоянно увеличивают свою долю. В некотором смысле информационно-сетевое пространство обретает самодостаточность, оно, срастаясь с социальной и экономической сферами, пуская корни в духовную сферу, становится независимой средой, которая продуцирует собственные нормы морали, коммуникационные правила и собственные ценности.

Информационная среда обретает качества системности, в которой взаимосвязаны все основные элементы, материальные и духовные, ценностные и технические, которые вместе образуют специфическое качество информационной

культуры. Личность, попадая в это пространство, начинает интериоризировать её ценности и нормы, и, начиная действовать институционально, превращается в субъекта информационно-коммуникативного обмена. Для того, чтобы это пространство существовало как независимое и самодостаточное, необходимо, чтобы у людей, относящих себя к этому сообществу, возникло особое информационное мировоззрение, коллективное смыслополагание, коррелирующее с индивидуальным. По сути дела, это и есть фундамент, на котором строится инновационное сознание и инновационная сфера общества.

Риск, разумеется, не является феноменом индустриального общества, У. Бек полагает, что он является базовым феноменом человеческой социальности и сопровождает сам род человеческий. И рассматривал вопрос о том, не являлось ли каждое общество и истории специфическим «обществом риска». И отвечает на него следующим образом: в современном обществе «...Эти потрясения принципиально отличаются от “риска” в моем понимании, поскольку они не основаны на решениях, конкретно – на решениях в пользу техноэкономических преимуществ и новых возможностей, основанных на трактовке опасностей просто как издержек прогресса. Это и есть моя первая посылка: риск предполагает индустриальные, т. е. техноэкономические решения и оценки полезности»¹.

Исследователь исходит из критерия полезности как основного мотива целесообразности, детерминирующего социально-политический и экономический спрос на инновации и информационно-коммуникативную сферу. Инновацией становится только та новация, которая прошла проверку на полезность, то есть, запрошена социальной сферой, бизнесом или обрела политическую конъюнктуру.

Бек утверждает, что, несмотря на то, что риск существовал всегда, современное общество представляет собой принципиально новый социальный тип, в котором, во-первых, риск становится не случайным, а необходимым и неотъемлемым элементом социальности и повседневности человека. А во-вторых,

¹ Beck U. 3. From Industrial Society to the Risk Society // Theory, Culture and Society. February 1992. V. 9. № 1. С. 98.

риск превращается из однозначно негативного явления, от которого нужно любыми путями избавляться в товар, он получил расширенное толкование, без риска невозможно формирование будущего. Бек считает, что в современном обществе от риска нельзя избавиться, потому что это бесполезно и непродуктивно, его нужно уметь правильно исчислять, управлять исками, учиться жить с ними рассматривать их не как «опасность», а как «возможность», к реализации которой нужно уметь правильно подходить. «...Исчисление рисков – это пример своеобразной этики без морали, математической этики технологического века»¹.

Э. Тоффлер и У. Бек полагают, что вкупе с другими признаками это означает конец эпохи индустриализма и наступление принципиально нового типа общества². Практически все виды рисков на сегодняшний день поддаются калькуляции, вычислению и управлению, исключение составляют некоторые виды экзистенциальных и духовных видов риска, которые связаны с антропологической сферой и не поддаются существующим методологическим стратегиям исследования.

Таким образом, обществом риска становится современное общество, в котором происходит не только количественное накопление информации и становление информационно-коммуникационного пространства, но и качественное преобразование его в инновационное пространство. Инновационное пространство само по себе – пространство риска, рассчитанного, осмысленного, осознанного, контролируемого, с которым субъект научился жить и нормально сосуществовать. Риск из случайного болезненного и всегда пугающего выбора становится институциональным феноменом, он перестает вызывать страх у субъекта, превращается в воспроизводимый, регулярный товар, контролируемый и хорошо управляемый.

Сетевое пространство переструктурирует отношения субъекта и коллектива – возрастает личная ответственность за собственные действия, предлагая субъекту

¹ Там же. С. 99.

² Тоффлер О. Шок будущего. М.: Издательство АСТ, 2004. 560 с.

самостоятельно выстраивать не только взаимоотношения с другими и собственный образ, внутреннюю экзистенциальную систему. В таком обществе очень возрастает роль таланта, знаний, личных способностей, креативности и нестандартности, умения самостоятельно мыслить и строить собственную жизнь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятие социальных сетей является одним из наиболее используемых в современной социальной теории благодаря безудержному социально-экономическому и современному технологическому развитию. На сегодняшний день социальные сети как социокультурный феномен перестали существовать лишь как теоретический проект и обрели вполне осязаемые черты эмпирической реальности и на индивидуальном, и на надиндивидуальном уровня социального бытия. Многие современные учёные, ещё несколько десятилетий назад писавшие о социальных сетях в аспекте долженствования и как о футуристическом проекте, сегодня стали свидетелями того, как сети набирают силу социорегуляторов и превращаются в новую коммуникативную среду. Само взаимодействие субъектов виртуализируется, все больше отвечая специфическим функциям социальных сетей.

Современные исследователи все чаще обращаются к концепту «социальной сети» для объяснения структурных или функциональных особенностей современного общества. Часто социальные теоретики, выстраивая модели сетевой коммуникации, рассматривают связи, возникающие между людьми, в контексте плоских, гомогенных сетей. Примерами таких сетей могут служить семья, класс школы или социальная группа (например, домохозяйства). Однако очевидно, что современное общество находится в постоянной структурно-функциональной трансформации. Поэтому говорить о существовании «чистого социума» можно только в теории. На практике рассмотрение социальных структур общества не может быть сведено только к анализу процессов, протекающих внутри сети. Необходимо учитывать и внешние воздействия на социальную сеть как на целостный объект, так и на его отдельных членов.

Вместе с тем, реализуя поставленную в диссертации цель, следует выделить главные тенденции сетевизации современного общества и особенности его влияния на становление информационного общества:

- усложнение структуры общества, появление новых и трансформация традиционных социальных институтов;
- возрастание экзистенциальной и прагматической значимости коммуникации в повседневной жизни и деятельности индивидов;
- экспоненциальное возрастание объемов обмена информацией, в том числе и в социальных сетях;
- формирование и развитие атомизированного общества, в котором приватная сфера приобретает ощутимую онтологическую устойчивость;
- изменение посредством сетей социального субъекта, развитие у индивидов ценностных ориентаций потребительства и структур и институтов общества консьюмеризма;
- становление информационного общества как общества, где фактически превалирует экономика услуг, а не производство и добыча сырья.

Необходимо также отметить, что наряду с позитивной, конструктивной составляющей, в современном информационном пространстве присутствует и деструктивная. Под деструктивной деятельностью социальных сетей понимается специфическая форма активного отношения к миру, основное содержание которой составляет разрушение или нарушение нормального функционирования существующих объектов и систем, обеспечивающих нормальное функционирование личности, общества и государства.

Часто в исследованиях социальных философов контекстом для изучения информационного общества или проблем сетевого общества становится феномен глобализации как один из мощнейших факторов культурной и технологической трансформации общественной жизни. Важность влияния, которое глобализация оказывает на самые разные аспекты жизнедеятельности общества, сложно переоценить. Тем более что в изучении сетевого общества важно учитывать динамический аспект его развития, а учёт влияния глобализации показывает, насколько эти процессы имеют нелинейный характер и происходят неравномерно. Некоторые регионы, являясь длительное время лидерами мирового развития, в какой-то период обнаруживают, что утрачивают это лидерство и даже приходят в

упадок. Некоторые, напротив, становятся ведущими как в технологической и экономической, так и в культурной части глобализации. Этот феномен ясно показывает, насколько человечество гетерогенно и неоднородно, насколько различными являются культурные нормы и ценностные установки, политические режимы и идеалы, господствующие в них.

Глобализационные процессы влияют как на общество, так и на человека в нем. Влияние на общество выражается в трансформации экономических, политических или иных социальных стандартов и норм. Влияние на человека оказывают уже эти изменённые стандарты и нормы поведения, внутри сети между людьми происходит постоянный обмен опытом, культурные нормы, обычаи, социальные практики диффундируют, выходят за границы национальных сообществ, становятся содержанием мирового взаимодействия. Именно глобализация и самые разные социально-философские аспекты влияния глобализации на формирование информационного общества может быть достаточно закономерной и интересной перспективой данного исследования.

Ещё одним направлением дальнейшего исследования проблемы факторной роли социальных сетей в формировании информационного общества может стать углублённое исследование роли социального капитала как ресурса функционирования социальной сети. Возможно исследование связи возникновения и реализации социального капитала, его накопление в определённом сообществе и качественного и количественного развития сетевого взаимодействия в этом сообществе. Взаимодействие социального человеческого капитала как общественного и индивидуального уровней одного и того же социокультурного феномена, их воздействие на социальную сеть и коммуникацию в ней.

Перспективным может быть динамический аспект исследования информационного общества: возможно ли равновесие в такой системе или такое общество должно постоянно развеиваться, накапливая и реализуя социальный капитал, и чем это обусловлено.

Таким образом, цель и задачи диссертационной работы могут быть признаны выполненными, однако тема, избранная для исследования, актуальна, обширна и многоаспектна, а сам объект находится в стадии становления и демонстрирует всё новые свойства и состояния, вследствие чего открываются новые перспективные направления для дальнейшего изучения социальных сетей и информационного общества, фундаментом которого они являются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамьянц, Т.Д. Социальные коммуникации / Т.Д. Адамьянц. – М.: Дрофа, 2009. – 208 с.
2. Акаев, В.Х. Обеспечение информационной безопасности как инструмент предупреждения экстремизма в северокавказском регионе / В.Х. Акаев, М.-Э.Х. Шамсуев / Совершенствование методов предупреждения преступлений в северокавказском регионе: материалы Межведомственной научно-практической конференции МВД РФ. – Грозный, 2009. – С. 64.
3. Акимов, С.О. Анализ влияния корпоративной социальной сети на процессы трансформации знания / С.О. Акимов // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – 2011. – № 3. – С. 174-178.
4. Алексеенкова, Е.С. Становление и эволюция иерархизированных террористических сетей (На примере итальянских «Красных бригад») / Е. С. Алексеенкова // Политические исследования. – 2005. – № 6. – С. 53-65.
5. Алексеенкова, Е.С. Когнитивные механизмы интеграции социальных сетей / Е.С. Алексеенкова // Полис. – 2007. – № 3. – С. 92-114.
6. Альгин, А.П. Риск и его роль в общественной жизни / А.П. Альгин. – М.: Мысль, 1989. – 188 с.
7. Андреева, О.С. Социальные сети как пространство для репрезентации повседневности современного человека / О.С. Андреева // News of Science and Education. – 2017. – Т. 5. – № 3. – С. 065-068.
8. Андрамонова, В.В. Теоретико-методологические основания исследования феномена социальных сетей в современной социальной теории / В.В. Андрамонова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 8. – С. 20-22.
9. Андрамонова, В.В. Концептуализация виртуальных и реальных социальных сетей в современной социальной теории / В.В. Андрамонова. // Вестник СевКавГТИ. – 2015. – № 2. – С. 153-156.

10. Андрамонова, В.В. Социальные сети в контексте развития современного общества [Электронный ресурс] / В.В. Андрамонова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. – URL: <http://www.science-education.ru/129-21486> (дата обращения: 31.08.2015).

11. Андрамонова, В.В. Теория информационного общества как базис исследования социальных сетей [Электронный ресурс] / В.В. Андрамонова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. – URL: <http://www.science-education.ru/129-22225> (дата обращения: 19.10.2015).

12. Анпилогова, К.А. Положительное влияние социальных сетей на социализацию и развитие людей с ограниченными возможностями / К.А. Анпилогова // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2012. – № 10-1. – С. 129-131.

13. Антоновский, А.Ю. Коммуникация и понимание: возможности и разрывы / А.Ю. Антоновский // Философия науки и техники. – 2012. – Т. 17. – № 1. – С. 174-189.

14. Антоновский, А.Ю. Коммуникация как эпистемологическая проблема / А.Ю. Антоновский // Эпистемология и философия науки. – 2016. – № 1. – С. 5-25.

15. Антоновский, А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем / А.Ю. Антоновский. – М.: ИФРАН, 2007. – С. 123-135.

16. Артимович, Д. А. Социальная сеть как новая форма организации социального пространства / Д.А. Артимович, В.Г. Пузиков // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2012. – № 1(1). – С. 70-73.

17. Арунянц, Г.Г. Информационная революция, высокие информационные технологии: позитивные и негативные последствия / Г.Г. Арунянц // Балтийский экономический журнал. – 2010. – Т. 3.– № 1. – С. 159-172.

18. Аузан, А.А. Социокультурные коды в экономическом анализе / А.А. Аузан // Журнал новой экономической ассоциации. – 2013. – № 1 (17). – С. 173-176.

19. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта / А.С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 594 с.

20. Ахиезер, А.С. Социально-культурные проблемы развития России. / А.С. Ахиезер. – М.: Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН, 1992. – 82 с.

21. Бабинцев, В.П. Лидерство и аутсайдерство в молодежной среде региона / В.П. Бабинцев, И.В. Бояринова, Е.В. Реутов // Социологические исследования. – 2008. – № 2. – С. 76-83.

22. Бабыкина, Н.Н. Парадигма времени в обществе постмодерна [Электронный ресурс] / Н.Н. Бабыкина // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 7. – Ч. 4. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/07/55137> (дата обращения: 02.06.2017).

23. Багдасарьян, Н.Г. Протестный потенциал социальных сетей: возможности и риски / Н.Г. Багдасарьян, Р.В. Титов // Гуманитарный вестник (МГТУ им. Н.Э. Баумана): электронный журнал. – 2014. – № 4(18). – URL: <http://hmbul.bmstu.ru/cat...g/hum/socio/193.html>.

24. Бакланов, И.С. Роль социальных сетей в процессах глобализации / И.С. Бакланов, А.Л. Яценко // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Т. XII. – № 4 (59-60). – С. 309-315.

25. Бакланов, И. С. Формирование социальной идентичности личности в современном обществе / И. С. Бакланов., О. А. Бакланова, А. М. Ерохин, Е. А. Авдеев // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – С. 694.

26. Бакулев, Г.П. Массовая коммуникация. Западные теории и концепции / Г.П. Бакулев. – М.: Аспект; Прогресс, 2010. – 192 с.

27. Барсукова, С.Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика / С.Ю. Барсукова // Социологические исследования. – 2004. – № 9. – С. 20-29.

28. Басов, Н.В. Создание знания в социальной интеракции /Н.В. Басов// Социологический журнал. – 2012. – № 1. – С. 67-90.

29. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2002. – 390 с.

30. Бахенская, М.В. Интеллектуальный капитал организации: методологические подходы к определению / М.В. Бахенская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. – 2011. – № 3. – С. 280-285.

31. Бек, У. От индустриального общества к обществу риска / У. Бек // THESIS. – 1994. – Вып. 5. – С. 161-168.

32. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.

33. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ. Изд. 2-ое, испр. и доп. – М.: Academia, 2004. – 788 с.

34. Бёлль, Г. Франкфуртские чтения / Г. Бёлль // Самосознание европейской культуры XX века. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – 366 с.

35. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум. 1995. – 323 с.

36. Беспарточный, Д.Б. Социальный капитал: основные подходы к определению / Д.Б. Беспарточный // Социальное управление, экономика и право. Ученые Записки. – 2010. – № 3. – С. 148–153.

37. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Республика, Культурная революция / Ж. Бодрийяр. – М., 2006. – 272 с.

38. Бодрийяр, Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 200 с.

39. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть/ Жан Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
40. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. – М.: Постум, 2017. – 240 с.
41. Бондаренко, Н.Г. Принцип детерминизма в коммуникативной теории общества / Н.Г. Бондаренко. – Москва: Соц.-гуманитар. знания, 2004. – 247 с.
42. Бочкарева, И. Потенциал социальных сетей организации / И. Бочкарева // Общество и экономика. – 2011. – № 7. – С. 122 – 130.
43. Браславец, Л.А. Интернет-сервисы социальных сетей в современной системе средств массовой информации: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Браславец Лада Александровна. – Воронеж, 2010. – 169 с.
44. Бритвин, Н.И. Социальные сети как прообраз общественного устройства / Н.И. Бритвин // Власть. – 2008. – № 1. – С. 45-49.
45. Бурдьё, П. Социология социального пространства / П. Бурдьё; отв. ред. перевода Н.А. Шматко; пер. с франц. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
46. Бурдьё, П. Формы капитала / П. Бурдьё // Экономическая социология. – 2002. – № 3(5). – С. 60-74.
47. Бурякова, О.С. Информационная и знаниевая революции: сравнительный анализ концепций: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08 / Бурякова Ольга Сергеевна. – Ростов-н/Д., 2011. – 145 с.
48. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / И. Валлерстайн; под ред. В. Л. Иноземцева; пер. с англ. – М.: Логос, 2003. – 368 с.
49. Вальдман, И.А. Социокультурная рефлексия и особенности социальной коммуникации в условиях политогенеза / И.А. Вальдман // Вестник НГУ. Серия «Право». – 2007. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 3-8.
50. Васильева, Е.Ю. Роль культуры и культурной идентичности в преодолении социальных рисков. / Е.Ю. Васильева, А.М. Ерохин // Наука. Инновации. Технологии. – 2012. – № 1. – С. 64-69.

51. Васюков, И.В. Психология коммуникаций в Интернете [Электронный ресурс] / И.В. Васюков // URL: <https://www.proza.ru/2002/01/13-91> (дата обращения: 02.10.2016).

52. Вебер, К.С. Сравнительный анализ социальных сетей / К.С. Вебер, А.А. Пименова // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Естественные и технические науки. – 2014. – Т. 19. – № 2. – С. 634-635.

53. Вебер, М. Избранные произведения / Макс Вебер // Пер. с нем. Сост., общ.ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

54. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / Макс Вебер. – М.: Ист-Вью, 2002. – 352 с.

55. Винер, Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Норберт Винер // под ред. Г.Н. Поварова; пер. с англ. И.В. Соловьева и Г.Н. Поварова. – 2-е изд. – М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.

56. Волошинов, А.В. Постиндустриальная культура: погружение в виртуальную реальность / А.В. Волошинов, Я.А. Кирсанов // Обсерватория культуры. – 2010. – № 3. – С. 24 – 32.

57. Гапич, А.Э. Роль социальных медиа и виртуальных коммуникаций в распространении молодежного протеста / А.Э. Гапич // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 12. – С. 224-226.

58. Герасименко, А.П. Сетевая виртуальная среда и ее влияние на социальные процессы / А.П. Герасименко // Россия и АТР. – 2011. – № 4. – С. 174-182.

59. Гидденс, Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Энтони Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.

60. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Энтони Гидденс. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.

61. Глущенко, В.В. Введение в кризисологию. Финансовая кризисология. Антикризисное управление / В.В. Глущенко. – М.: ИП, 2008. – 88 с.
62. Гоббс, Т. О причинах, возникновении и определении государства / Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Томас Гоббс // Сочинения: В 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – 731 с.
63. Головинский, П.А. Разрушение больших сетей / П.А. Головинский // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Строительство и архитектура. – 2010. – № 2. – С. 24-29.
64. Гончаров, В.Н. Информационное общество: проблемы становления и закономерности развития / В.Н. Гончаров, А.М. Ерохин и др. // Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2014. – 184 с.
65. Гончаров, В.Н. Социальная концепция информационного общества / В.Н. Гончаров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 6-2. – С. 27-30.
66. Градосельская, Г.В. Роль неформальных взаимодействий в организации бизнес-структур: сетевой подход / Г.В. Градосельская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». – 2006. – № 2. – С. 84-102.
67. Градосельская, Г.В. Социальные сети / Г.В. Градосельская // Экономическая социология. – 2001. – Т. 2. – № 1. – С. 142-150.
68. Грановеттер, М. Сила слабых связей / Марк Грановеттер // Перевод З. В. Котельниковой. Экономическая социология. – 2009. – Т. 10. – № 4. – С. 31-50.
69. Гримов, О.А. Типология и функциональный анализ знания в социальных сетях / О.А. Гримов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2016. – № 2(19). – С. 190-197.
70. Гриняев, С.Н. Россия в глобальном информационном обществе: угрозы, риски и возможные пути их нейтрализации / С.Н. Гриняев // Информатизация и связь. – 2010. – № 2. – С. 115-121.

71. Губанов, Д.В. Социальные сети: модели информационного влияния, управления, противоборства / Д.В. Губанов, Д.А. Новиков и др. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2010. – 228 с.
72. Гугнин, Э. Феномен социального капитала / Э. Гугнин, В. Черпак // Социология: теория, метод, маркетинг. – 2001. – Вып. № 1. – С. 74-89.
73. Гуссерль, Э. Картезианские размышления / Эдмунд Гуссерль; Пер. с нем. Д.В. Скляднева; научн. ред. А.Я. Слинин. – СПб.: Наука, 2001. – 320 с.
74. Далворт, М. Социальные сети: руководство по эксплуатации / Майк Далворт; пер. с англ. – М.: Хорошая книга, 2010. – 248 с.
75. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский // Составление и комментарии Ю. А. Белова. Отв. ред. О. Платонов. Изд. 2-е – М.: Институт русской цивилизации, Богословие, 2011. – 816 с.
76. Делез, Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари // науч. ред. В.Ю. Кузнецов; пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
77. Дзялошинский, И.М. Коммуникационные стратегии социальных институтов в медиапространстве России: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. / Дзялошинский Иосиф Мордкович. – М.: Моск. гос. ун-т, 2013. – 46 с.
78. Диев, В.С. Философская парадигма риска / В.С. Диев // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. – 2008. – № 12. – С. 27-38.
79. Диев, В.С. Риск и неопределенность в философии, науке, управлении / В.С. Диев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 2 (14). – С. 79-90.
80. Дилигенский, Г.Г. Человек перед лицом глобальных процессов / Г.Г. Дилигенский // Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. – М.: Альпина Паблицер, 2003. – С. 329-359.
81. Дойч, Д. Структура реальности / Дэвид Дойч. – М.: Альпина нон фикшн. 2017. – 430 с.

82. Душина, Т.В. Актуализация безопасности духовной культуры российского общества / Т.В. Душина, И.А. Бокачев // Власть. – 2011. – № 1. – С. 93-96.

83. Душина, Т.В. «Общество риска» как репрезентативная модель современного социума / Т.В. Душина, О.А. Микеева // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. XI. – № 4 (51-52). – С. 196-202.

84. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Эмиль Дюркгейм // пер. с фр. А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1996. – 431 с.

85. Евин, И.А. Введение в теорию сложных сетей / И.А. Евин // Компьютерные исследования и моделирование. – 2010. – Т. 2. – № 2. – С. 121-141.

86. Ермаков, А.О. Фактор социального капитала в процессах социального неравенства / А.О. Ермаков // Поволжский торгово-экономический журнал. – 2010. – № 4. – С. 98-103.

87. Заславская, Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. – 2005. – № 3. – С. 5-16; – № 4. – С. 13-25.

88. Зиммель, Г. Избранное. Том второй. Созерцание жизни / Георг Зиммель. – М.: Юрист, 1996. – 596 с.

89. Зубков, В.И. Социологическая теория риска / В.И. Зубков. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 230 с.

90. Иванов, А.С. Информационное общество и институты демократии в постсовременной России / А.С. Иванов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Философия. Востоковедение. Журналистика. – 2008. – № 1-II. – С. 298-304.

91. Ильин, И.П. Постмодернизм: словарь терминов / И.П. Ильин. – М.: ИНИОН РАН – INTRADA, 2001. – 384 с.

92. Каган, М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений / М.С. Каган. – М.: Политиздат, 1988. – 319 с.

93. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Мануэль Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 606 с.

94. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Мануэль Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 795 с.

95. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / Новая постиндустриальная волна на Западе / Мануэль Кастельс // Под редакцией В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 494 с.

96. Князева, Е.И. Сетевая теория в современной социологии / Е. И. Князева // Социология. – 2006. – № 2. – С. 82-88.

97. Коломак, Л.А. Социокультурная стратегия исследования проблемы обыденного сознания / Л.А. Коломак, А.И. Коломак // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2013. – № 2 (35). – С. 122-125.

98. Колпина, Л.В. Социальный капитал сетей отношений в региональном сообществе: эмпирический анализ / Л.В. Колпина // Среднерусский вестник общественных наук. – 2013. – № 4. – С. 44-53.

99. Конецкая, В.П. Социология коммуникации / В.П. Конецкая. – М.: Междунар. ун-т Бизнеса и Управления, 1997. – 304 с.

100. Кононов, А.А. Информационное общество: общество тотального риска или общество гарантированной безопасности? / А.А. Кононов, Г.Л. Смолян // Информационное общество. – 2002. – № 3. – С. 5-7.

101. Коробейникова, Л.А. Сетевые структуры в условиях глобализации / Л.А. Коробейникова, А.Ю. Гиль // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316. – № 6. – С. 105-109.

102. Коровяковский, Д. Т. Информатизация как фактор глобализации экономических, культурных и иных социальных процессов / Д. Т. Коровяковский // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2007. – № 5. – С. 44-57.

103. Коулман, Д. Капитал социальный и человеческий / Джон Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121-139.

104. Коулман, Дж. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора / Джон Коулман // Экономическая социология. – 2004. – Т. 5. – № 3. – С. 35-44.

105. Красовский, Ю.Д. Социокультурные основы управления бизнес-организацией / Ю.Д. Красовский. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 395 с.

106. Кревельд, М. Расцвет и упадок государства / Мартин ван Кревельд// под ред. Ю. Кузнецова и А. Макеева. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 544 с.

107. Курбатова, М.В. Структура социального капитала как фактор институционального развития региона / М. В. Курбатова, С. Н. Левин и др.// Общественные науки и современность. – 2010. – № 6. – С. 37-51.

108. Куликов, А.Н. Специфика рисков социокультурного развития в современном обществе / А.Н. Куликов // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2013. – № 4. – С. 133-138.

109. Лавренчук, Е.А. Аутопойезис социальных сетей в интернет-пространстве: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Лавренчук Егор Александрович. – Москва, 2011. – 156 с.

110. Лавренчук, Е.А Аутопойезис социальных сетей Интернет-коммуникаций / Е.А. Лавренчук // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия. Социология». – 2009. – № 12. – С. 48-56.

111. Лакан, Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Жан Лакан // пер. с фр. А.К. Черноглазова. – М.: Гнозис, 1995. – 192 с.

112. Лапин, Н.И. Пути России: социокультурные трансформации / Н.И. Лапин. – М.: ИФ РАН, 2000. – 195 с.

113. Лащенов, А.Н. Аналитика постиндустриального общества: от кибернетических к социологическим теориям / А.Н. Лащенов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – Т. LX. – № 9. – С. 5-14.

114. Леонтьев, К.Н. Восток, Россия и славянство / К.Н. Леонтьев. – М.: Республика, 1996. – 427 с.

115. Леонтьева, М.В. Социальный капитал неформальных сообществ как ресурс развития городской среды / М.В. Леонтьева // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – Т. 153. – № 5. – С. 159-165.

116. Лещенко, А.М. Социальные сети как механизм конструирования коммуникации в современном обществе: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Лещенко Александр Михайлович. – Пятигорск, 2011. – 156 с.

117. Лежебоков, А.А. Сетевые сообщества в социальных медиа Рунета / А. А. Лежебоков, Е. А. Сергодеева и др. – Ставрополь, 2016. – 174 с.

118. Липовцева, Н. С. Сущность социокультурного подхода к анализу общественных и межличностных взаимодействий / Н.С. Липовцева // Этносоциум. – 2016. – № 12 (102). – С. 53-59.

119. Лифинцев, Д.В. Организация социальных сетей поддержки в социальной работе / Д.В. Лифинцев, А.А. Лифинцева // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. – 2011. – № 3. – С. 23-27.

120. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Джон Локк // Сочинения: В 3 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 135-405.

121. Луков, В.А. Социальное проектирование / В.А. Луков. – М.: Издательство МГУ, 2009. – 240 с.

122. Лукьянов, Г.И. Концептуальное обоснование риска в контексте социальной реальности / Г.И. Лукьянов // Философия и культура. – 2011. – № 11(47). – С. 64.

123. Луман, Н. Понятие риска / Никлас Луман // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 135-160.

124. Луман, Н. Введение в системную теорию / Никлас Луман. – М.: Логос, 2007. – 360 с.

125. Луман, Н. Общество как социальная система / Никлас Луман. – М.: Логос, 2004. – 232 с.

126. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей истории / Никлас Луман; под ред. Н. А. Головина; пер. с нем. И. Д. Газиева. – СПб.: Наука, 2007. – 648 с.

127. Лушников, Д.А. Роль социальной дезорганизации в процессе транзита социальности / Д.А. Лушников // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2014. – № 4 (43). – С. 284-288.

128. Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / Маршалл Маклюэн. – Жуковский: Канон Пресс-Ц; Кучково поле, 2003. – 464 с.
129. Малообеспеченные в России: кто они? как живут? к чему стремятся? / М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова и др. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – 80 с.
130. Маркс, К. Отчужденный труд / Из ранних произведений / Карл Маркс, Фридрих Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1956. – 530 с.
131. Мартьянов, В. Гетерархия как условие государства / В. Мартьянов // Научные тетради Института Восточной Европы. – 2010. – Вып. 3: Государство. – С. 133-167.
132. Матяш, О.И. Что такое коммуникация и нужно ли нам коммуникативное образование [Электронный ресурс] / О.И. Матяш. – URL: <http://www.russcomm.ru/rca-biblio/m/matyash01.shtml> (дата обращения: 02.04.2016).
133. Махлуп, Ф. Производство и распространение знаний в США / Фриц Махлуп. – М.: Прогресс, 1966. – 462 с.
134. Мачеринскене, И.М. Социальный капитал организации: методология исследования / И.М. Мачеринскене, Р.В. Минкуте-Генриксон и др. // Социологические исследования. – 2006. – № 3. – С. 29-39.
135. Меломед, Ю. Перепостили – следовательно существую / Ю. Меломед // Логос. – 2012. – № 2. – С. 10-18.
136. Менгер, К. Избранные работы / Карл Менгер. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 496 с.
137. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. – М.: АСТ; Хранитель, 2006. – 880 с.
138. Мизес, Л. фон. Либерализм / Людвиг фон Мизес; пер. с англ. А.В. Куряева. – М.: Социум, 2007. – 344 с.
139. Микеева, О.А. Анализ парадигмальных оснований социокультурного подхода в социальном познании / О.А Микеева // Научная мысль Кавказа. – 2009. – № 1. – (57). – С. 45-48.

140. Михайлов, И.Ф. К гиперсетевой теории сознания / И.Ф. Михайлов // Вопросы философии. – 2015. – № 11. – С. 87-98.
141. Михайлова, Л.И. Социология культуры: учебное пособие / Л.И. Михайлова. – М.: ИТК «Дашков и К», 2008. – 396 с.
142. Мицкевич, В.В. Социальный капитал организации: социологические аспекты изучения / В.В. Мицкевич // Философия и социальные науки. – 2009. – № 3. – С. 92-97.
143. Морено, Я.Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Якоб Леви Морено; Пер. с англ. А. Боковикова. – М.: Академический Проект, 2001. – 315 с.
144. Мюррей, К. Интернет-зависимость с точки зрения нарративной психологии / Крейг Мюррей // Гуманитарные исследования в Интернете; Под ред. А.Е. Войскунского. – М., 2000. – С. 132–140.
145. Назарчук, А.В. Сетевое общество и его философское осмысление / А.В. Назарчук // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 61-75.
146. Назарчук, А.В. Теория коммуникации в современной философии / А. В. Назарчук. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с.
147. Незговорова, М.И. Развитие зарубежной социологической теории социальных сетей / М.И. Незговорова // Вестник Московского университета. Серия 18 «Социология и политология». – 2011. – № 1. – С. 159-166.
148. Нейсбит, Дж. Мегатренды / Джон Нейсбит. – М.: АСТ; Ермак, 2003. – 384 с.
149. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Дуглас Норт; Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
150. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания / Хосе Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ, 2008. – 347 с.
151. Остапенко, А.Г. Научно-методические рекомендации для риск-анализа социальных информационных сетей / А.Г. Остапенко,

О.А. Остапенко, и др. // Информация и безопасность. 2016. – Т. 19. – № 4 (4). – С. 595-596.

152. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / Роберт Патнэм. – М.: Ad Marginem, 1996. – 287 с.

153. Парсонс, Т. Система современных обществ / Толкотт Парсонс; Под ред. М.С. Ковалевой; пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.

154. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Толкотт Парсонс. – М., 2002. – 880 с.

155. Поликарпова, Е.В. Воздействие современных информационно-коммуникационных технологий на сознание человека и конструирование социальной реальности: дисс. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Елена Витальевна Поликарпова. – Ростов-на-Дону, 2011. – 330 с.

156. Полищук, Л. Экономическое значение социального капитала / Л. Полищук, Р. Меняшев // Вопросы экономики. – 2011. – № 12. – С. 46-65.

157. Поляков, А.А. Прикладная информатика / А.А. Поляков, В.Я. Цветков. – М.: «Янус-К», 2002. – 392 с.

158. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 2006. – 636 с.

159. Прокудин, Д.Е. Информационные технологии в образовании и их роль в формировании техногенной культуры: дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / Дмитрий Евгеньевич Прокудин. – СПб., 2012. – 336 с.

160. Пустовалова, Е.В. Коммуникативные отношения в социальных сетях человека / Е.В. Пустовалова // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2012. – № 4 – С. 101-104.

161. Реутов, Е.В. Эффективность социальных сетей в региональном сообществе / Е.В. Реутов, Л.В. Колпина и др. // Социологические исследования. – 2011. – № 1. – С. 79-87.

162. Реуцкий, М. Социальные сети: парадокс зависимости и квазиобщения [Электронный ресурс] / М. Реуцкий. – URL: <http://psyfactor.org/lib/web-4.htm> (дата обращения: 12.05.2016).

163. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Джордж Ритцер. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.

164. Ромм, М.В. Зарубежные традиции исследования социальных сетей / М.В. Ромм, Л.Ф. Лучихина // Идеи и идеалы. – 2011. – Т. 1. – № 2. – С. 77-90.

165. Роуз, Р. Достижение целей в квазисовременном обществе: социальные сети в России / Ричард Роуз // Общественные науки и современность. – 2002. – № 3. – С. 23-38.

166. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права / Жан-Жак Руссо. – М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – 416 с.

167. Саблина, С.В. Коммуникация и общественные связи. Западные теории, методология, практика / С.В. Саблина. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет; Вариант, 2009. – 204 с.

168. Саймон, Г. Рациональность как процесс и продукт мышления / Герберт Саймон // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 16-38.

169. Свенцицкий, А.Л. Социальный капитал и его формирование: социально-психологический подход / А.Л. Свенцицкий, Л.Г. Почебут, и др. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12 «Психология. Социология. Педагогика». – 2009. – № 3. – С. 140-149.

170. Семенец, Н.В. Формирование проектов развития человеческого капитала с использованием социальных сетей в региональном форсайте / Н.В. Семенец // Человеческий капитал. – 2016. – Т. 2. – № 9 (93). – С. 63-72.

171. Сергеев, А.Н. Теоретические основы и технологии обучения в сетевых сообществах Интернета / А.Н. Сергеев. – Волгоград: Перемена, 2010. – 255 с.

172. Сергеев, В.М. Механизмы эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети / В.М. Сергеев, К.В. Сергеев // Полис. – 2003. – № 3. – С. 71-81.

173. Сергеев, В.М. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» / В.М. Сергеев, А.А. Казанцев // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 2. – С. 18-30.

174. Сидорина, Т.Ю. Социальный капитал организации и социальная политика российского предприятия / Т.Ю. Сидорина // Журнал исследований социальной политики. – 2007. – № 3. – С. 319-334.

175. Скуратов, А.Б. Сетевая структура и ризоморфность локальных интернет-сообществ крупных российских городов / А.Б. Скуратов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 33. – С. 8-13.

176. Старк, Д. Социальное время сетевых пространств: анализ последовательности формирования сетей и иностранных инвестиций в Венгрии, 1987-2001 гг. / Дэвид Старк, Балаш Ведреш // Экономическая социология. – 2005. – Т. 6. – № 1. – С. 14-45.

177. Стратегические риски России: оценка и прогноз / МЧС России. Под общей ред. Ю.Л. Воробьева. – М.: Деловой экспресс, 2005. – 392 с.

178. Сычева, А.А. Этика экологической ответственности / А.А. Сычева. – М: Альфа-М, 2014. – 320 с.

179. Тоффлер, Э. Третья волна / Элвин Тоффлер. – М.: Издательство «АСТ», 2010. – 784 с.

180. Тоффлер, Э. Шок будущего. / Элвин Тоффлер. – М.: АСТ, 2008. – 560 с.

181. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / Ален Турен // Пер. с фр. Е. А. Самарской. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.

182. Устьянцев, В.Б. Институциональный человек в рискогенных микроструктурах современного социума / В.Б. Устьянцев // Восток, Запад, Россия: философские и социокультурные основания взаимодействия цивилизаций: Сборник научных трудов. – 2017. – С. 70-74.

183. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Фрэнк Уэбстер. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

184. Фурс, В. В. История наук об информации и коммуникации / В.В. Фурс. – Минск: Издво БГУ, 2001. – 363 с.

185. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие /Юрген Хабермас. – СПб.: Наука. – 2000. – 480 с.

186. Харланова, Ю.В. Феномен эмоциональной привязанности между людьми в социальных сетях / Ю.В. Харланова // Научная мысль. – 2015. – № 5. – С. 65-75.

187. Хойслинг, Р. Социальные процессы как сетевые игры. Социологическое эссе по основным аспектам сетевой теории / Рогер Хойслинг. – М.: Логос-Альтера, 2003. – 192 с.

188. Черникова, Д.В. Коммуникация и управление в аспекте синергетики: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. / Черникова Дарья Васильевна. – Томск, 2004. – 150 с.

189. Черняк, Л. Сервисы и теории социальных сетей / Л. Черняк // Открытые системы. СУБД. – 2008. – № 8. – С. 25-31.

190. Шавамиш, В.В. Зависимое поведение школьников / В.В. Шавамиш. – СПб.: Свет. 2001. – 208 с.

191. Шалимов, А.Б. Философия социальных сетей: онтологический и социально-философский анализ: монография / А.Б. Шалимов. – Новосибирск:, 2013. – 152 с.

192. Шалимов, А.Б. Человек в социальных сетях / А.Б. Шалимов // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2013. – № 9 (29). – С. 50-58.

193. Шалимов, А.Б. Философия социальных сетей: онтологический и социально-философский анализ: монография / А.Б. Шалимов. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2013. – 153 с.

194. Шарков, Ф.И. Массовые коммуникации и медиапланирование: учебное пособие / Ф.И. Шарков. – М.: Альфа-Пресс, 2008. – 250 с.

195. Шеннон, К. Работы по теории информации кибернетики / Клод Шеннон; Под ред. Р.Л. Добрушина и О.Б. Лупанова с предисловием А.Н. Колмогорова; пер. с англ. – М.: Издательство иностранной литературы, 1963. – 829 с.

196. Шипицин, А.И. Феномен социальных сетей в современной культуре / А.И. Шипицин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – №3 (57). – С. 36-40.

197. Шпара, К.И. Использование сетевого подхода при описании социальных структур и процессов / К.И. Шпара // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2009. – № 3-1. – С. 26-31.

198. Штейнберг, И.Е. Парадигма четырех «К» в исследованиях социальных сетей поддержки / И.Е. Штейнберг // Социологические исследования. – 2010. – № 5. – С. 40-50.

199. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Альфред Шюц. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.

200. Шюц, А. О множественных реальностях / Альфред Шюц // Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 424-425.

201. Эйдман, И.В. Свободный человек в мире социальных сетей. Каким будет новое глобальное интернет-общество [Электронный ресурс] / И.В. Эйдман. – URL: <http://www.vremya.ru/2008/22/4/197454.html>. (дата обращения: 12.04.2016).

202. Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизации / Шмуэль Эйзенштадт. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.

203. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Умберто Эко. – СПб., 1998. – 628 с.

204. Юхвид, А.В. Компьютерные виртуальные технологии как новый техно-социальный феномен: социально-философский анализ: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Юхвид Алексей Владимирович. – М.: Российский университет Дружбы Народов, 2013. – 268 с.

205. Юхвид, Е.Н. Социально-философский анализ информативно-коммуникативной системы общества в концепции М. Маклюэна; дис. ... канд. филос. наук. 09.00.11 / Юхвид Елена Николаевна. – М.: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2007. – 157 с.

206. Янг, К.С. Диагноз – интернет-зависимость / К.С. Янг // Мир Интернет. –2000. – № 2. – С. 24-29.
207. Яницкий, О.Н. Социология риска: ключевые идеи / О.Н. Яницкий // Мир России. – 2003. – № 1. – С. 3-35.
208. Яценко, А.Л. Социальные сети: сущность, морфология и эволюция / А.Л. Яценко // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Т. XII. – № 2 (55-56). – С. 310-315.
209. Appadurai, A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization.* / Arjun Appadurai. – Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 1996. – 229 p.
210. Baklanova, O.A. *Sociality as a Social-Philosophical Problem* / O. A. Baklanova, I. S. Baklanov // *Life Science Journal.* – 2014. – Vol. 11. – № 11. – P. 5-7.
211. Barnes, J.A. *Class and Committees in a Norwegian Parish Islands* / John Arundel Barnes // *Human relations.* – 1954. – Vol. 7.– P. 39-58.
212. Bavelas, A. *A mathematical model for group structures* / Alex Bavelas // *Applied Anthropology.* – 1948. – Vol. 7. – №. 3. – P. 16-30.
213. Beck, U. *From Industrial Society to the Risk Society* / Ulrich Beck // *Theory, Culture and Society.* – 1992. – V. 9. – № 1. – P. 97-123.
214. Becker, G. S. *Human Capital* / Gary S. Becker. – N.Y.: Columbia University Press, 1964. – 672 p.
215. Beckert, J. *Soziologische Netzwerkanalyse* / Aktuelle Theorien der Soziologie / Jens Beckert // Hrsg. D. Kaesler. – München: C. H. Beck, 2005. – pp. 286-312.
216. Castells, M. *The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. I.* / Manuel Castells // 2nd Edition. – Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 2009. – 656 p.
217. Degenne, A. *Les Réseaux Sociaux. Une Analyse Structurale en Sociologie* / Alain Degenne // M. Fors'e. – Paris : Armand Colin, 1994. – 288 p.

218. Diaz-Bone, R. Ego-zentrierte Netzwerkanalyse und familial Beziehungssysteme / Rainer Diaz-Bone // Wiesbaden: Deutscher Universitäts-Verlag, Verlag, 1997. – pp. 52-82.
219. Ekeh, P. Social Exchange Theory / Peter Ekeh. – London, 1974. – 237 p.
220. Erickson, B. The relational basis of attitudes / Bonnie H. Erickson // Social structures: a network approach / ed. by B. Wellman, S. D. Berkowitz. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988. – 243 p.
221. Griffiths, M. Internet addiction: Fact or fiction? / Mark Griffiths // Psychologist. – 1999. – V. 12(5). – pp. 246-250.
222. Hartley, R. V. L. Transmission of information / Ralph Vinton Lyon Hartley // Bell System Technical Journal. – 1928. – № 7. – P. 535-563.
223. Hollstein, B. Qualitative Netzwerkanalyse. Konzepte, Methoden, Anwendungen / Betina Hollstein. – Wiesbaden: VS Verlag, 2006. – 514 p.
224. Hosono, Asahi. Joho sangyoron. Information Industry Theory: Dawn of the Coming Era of the Ectodermal Industry / Hosono Asahi, Umesao Tadao. – Tokyo: VP, 1963. – 156 p.
225. Laumann, E.O. The boundary specification problem in network analysis / Edward O. Laumann, Peter V. Marsden // Applied network analysis: a methodological introduction / ed. by R. S. Burt. – Beverly Hills: Sage, 1983. – 345 p.
226. Laumann, E. O. New Directions in the Study of Community Elites / Edward O. Laumann, Franz Urban Pappi // American Sociological Review. – 1973. – № 38. – P. 212-230.
227. Lazarsfeld, P. F. Analyzing the relations between variables / Paul Lazarsfeld // On social research and its language / ed. by R. Boudon. – Chicago : The University of Chicago Press, 1993. – 360 p.
228. Lazega, E. Réseaux Sociaux et Structures Relationnelles / Emmanuel Lazega. – Paris: Presses Universitaires de France, 1998. – 399 p.
229. Lemieux, V. Réseaux d'Acteurs Sociaux / Vincent Lemieux. – Paris: Presses Universitaires de France, 1999. – 146 p.

230. Lewis, V.A. Religion, Networks, and Neighborliness: The Impact of Religious Social Networks on Civic Engagement. / V.A. Lewis, C.A. MacGregor, R.D. Putnam // *Social Science Research*. – 2013 – V. 42. – № 2. – P. 331-346.

231. Maturana, H. R. Reality: The search for objectivity or the quest for a compelling argument / Humberto Maturana // *The Irish journal of psychology*. – 1988. – Vol. 9. – № 1. – pp. 25-82.

232. Moreno, J.L. Sociometry, experimental method and science of society / Jacob L. Moreno. – N. Y.: Beacon House, 1951. – 220 p.

233. Nadel, S.F. The study of social structure / Siegfried Frederick Nadel. – L.: Cohen and West, 1957. – 420 p.

234. Natanson, M. Anonymity: A Study In The Philosophy of Alfred Schutz / Mark Natanson – Bloomington.: Indiana University Press, 1986. – 172 p.

235. Newcomb, T.M. An approach to the study of communicative acts / Theodore Newcomb // *Psychological Review*. – 1953. – Vol. 60. – pp. 393-404.

236. Pawlett, W. Jean Baudrillard: Against Banality / William Pawlett. – London: Routledge, 2007. – 198 p.

237. Penning, J.M. Human Capital, Social Capital and Firm Discolution / J.M. Penning, K. Lee, A. van Witteloostuijn // *Academy of Management J*. – 1998. – Vol. 41. – № 4. – pp. 425-440.

238. Portes, A. Social capital: Its origins and applications in modern sociology / A. Portes // *Annual Review of Sociology*. – 1998. – № 1. – pp. 299-326.

239. Putnam, R.D. Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community / R.D. Putnam. – New York: Simon & Schuster, 2000. – 541 p.

240. Research methods in social network analysis / ed. by Linton C. Freeman, A. Kimball Romney. – George Mason University Press, 1989. – 300 p.

241. Rosengren, K.E. From field to frog ponds / Karl S. Rosengren // *Journal of communication*. – 1993. – № 43(3). – P. 6-17.

242. Serge, S. A Durkheimian Network Theory / Sandro Serge // *Journal of Classical Sociology*. – 2004. – Vol. 4. – № 2. – pp. 215-235.

243. Urry, J. Mobile Sociology / John Urry // *British Journal of Sociology*. – 2000. – Vol. 51. – № 1. January/March. – pp. 185-203.

244. Wellman, B. Network analysis: some basic principles / Barry Wellman // *Sociol. Theory*. – 1983. – V. 1. – pp. 155-200.

245. White, H.C. Identity and control: How Social Formations Emerge / Harrison White. – Princeton: Princeton University Press, 2008. – 427 p.